

ISSN 2686-7648

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Евразийские исследования. История.
Политология. Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Eurasian Studies. History. Political Science.
International Relations”

Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

4
2026

VESTNIK RGGU. Seriya "Evraziiskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series

Academic Journal

There are 6 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. Political Science. History. International Relations" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5.4. International relations (Political science)

5.6.2. World history (Historical science)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (Historical science)

Objectives and scope

"Eurasian studies. History. Political science. International relations" is a scientific journal devoted to topical issues of development of the post-Soviet States, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

Tel: 495-250-62-11

E-mail: rggu@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Цели и область

«Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.

На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
Тел.: 495-250-62-11
Электронный адрес: rggu@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Pivovarov E.I., member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Deputy chief editor

Mukhin M.Yu., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

Akimov Yu.G., Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

Ayagan B.G., Dr. of Sci. (History), Institute of State History of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

Bezborodov A.B., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Borisov N.A., Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Fenenko A.V., Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Filin N.A., Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Guschin A.V., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Jafarov J.M., Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Republic of Azerbaijan

Kharitonova N.I., Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Kheifets V.L., Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

Kosovan E.A., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Kurylev K.P., Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Levchenkov A.S., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Medushevsky N.A., Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Meshcheryakov K.E., Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

Pak B.B., Dr. of Sci. (History), senior research scientist, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS), Moscow, Russian Federation

Pavlenko O.V., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Ravandi-Fadai S.M., Cand. of Sci. (History), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science (IOS RAS), Moscow, Russian Federation

Sabirov A.T., Cand. of Sci. (History), associate professor, International Institute for Central Asia, Tashkent, Uzbekistan

Solopova O.V., Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Titkov A.E., Cand. of Sci. (History), Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo), Moscow, Russian Federation

Vlasov A.V., Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Wittenberg E.Ya., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Zakirova M.Kh., Cand. of Sci. (History), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (IHST RAS), Moscow, Russian Federation

Editor responsible for the current issue:

Filin N.A., Dr. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Пивовар Е.И., академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Заместитель главного редактора

Мухин М.Ю., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акимов Ю.Г., доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аяган Б.Г., доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан

Безбородов А.Б., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Виттенберг Е.Я., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Власов А.В., кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация

Гущин А.В., кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Джафаров Д.М., доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика

Закирова М.Х., кандидат исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (РАН), г. Москва, Российская Федерация

Косован Е.А., кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Курылев К.П., доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Российская Федерация

Левченко А.С., кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Медушевский Н.А., доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Мещеряков К.Е., доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Павленко О.В., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Пак Б.Б., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Российская Федерация

Раванди-Фадаи С.М., кандидат исторических наук, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Российская Федерация

Сабиров А.Т., доктор исторических наук, Национальный педагогический университет Узбекистана имени Низами, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Солопова О.В., кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация

Титков А.Э., кандидат исторических наук, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), г. Москва, Российская Федерация

Фененко А.В., доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация

Филин Н.А., доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Харитонова Н.И., доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Хейфец В.Л., доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Филин Н.А., доктор исторических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

Iran in the International System: History and Modernity

Zaven A. Arabadzhyan

- The struggle against the British tobacco monopoly
as a symbol of the rise of the anti-colonial movement in Persia 10

Igor V. Ryzhov, Maria Yu. Borodina

- The situation of the Druze
in the Middle East 2017–2025 (State of Israel, Syria) 23

Arseny A. Naumchik

- Transformation of the Mojahedin-e Khalq:
foreign policy views and ties (1979–2025) 36

Ivan E. Pappinen

- Iran-China relations: practical substance, drivers,
and obstacles to strategic partnership 58

Turkey: Historical Experience and Contemporary Identity

Kirill V. Belokon

- “Defending the oppressed” or Turkish foreign policy identity
in the discourse of the New Welfare Party 77

East Asia: China's Educational and Ideological Policies

Polina A. Kuznetsova

- Confucian traditionalism in China's educational system:
between state policy and public demand 91

Russia in Africa and Eurasia: Bilateral and Integration Cooperation

Egor V. Kuropiatnik

- Prospects for the development of Russia-Zimbabwe relations 112

Maria A. Gordeyeva, Aleksandr R. Akramov, Inna S. Kondrashova

- Historical memory as a factor of humanitarian integration
in the Greater Eurasia 134

СОДЕРЖАНИЕ

Иран в системе международных отношений: история и современность

Завен А. Арабаджян

- Борьба с английской табачной монополией как символ подъема
антиколонияльного движения в Персии 10

Игорь В. Рыжов, Мария Ю. Бородин

- Положение друзей на Ближнем Востоке 2017–2025 гг.
(Государство Израиль, Сирия) 23

Арсений А. Наумчик

- Трансформация Организации моджахедов иранского народа:
внешнеполитические взгляды и связи (1979–2025) 36

Иван Е. Паптин

- Ирано-китайские отношения: практическое наполнение,
стимулы и препятствия к стратегическому партнерству 58

Турция: исторический опыт и современная идентичность

Кирилл В. Белоконов

- “Защищая угнетённых”, или Турецкая
внешнеполитическая идентичность
в дискурсе Новой партии благоденствия 77

Восточная Азия: образовательная и идеологическая политика КНР

Полина А. Кузнецова

- Конфуцианский традиционализм в образовательной системе КНР:
между государственной политикой и общественным запросом 91

Россия в Африке и Евразии: двустороннее и интеграционное сотрудничество

Егор В. Куропятник

- Перспективы развития российско-зимбабвийских отношений 112

Мария А. Гордеева, Александр Р. Акрамов, Инна С. Кондрашова

- Историческая память как интеграционный ресурс
в гуманитарном пространстве Большой Евразии 134

Иран в системе международных отношений: история и современность

УДК 339:323(35)

DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-10-22

Борьба с английской табачной монополией как символ подъема антиколониального движения в Персии

Завен А. Арабаджян

*Институт востоковедения РАН
Россия, Москва, arabzava@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается попытка английских предпринимательских кругов получить монополию на табачный бизнес в Персии, предпринятая в начале 90-х гг. XIX в. майором Дж. Тальботом. Монополия должна была охватывать все «сферы» табачного дела от выращивания табака до его экспорта. Никто в стране не мог заниматься этим делом, не получив разрешения у компании, которая определяла цены на табак и табачные изделия, выдавала разрешения на его посевы, переработку, торговлю и пр. Такие широкие права концессионеров вызвали всенародное возмущение, поскольку местное население оказывалось обязанным взаимодействовать с табачной компанией, в то время как ислам не допускает принуждения в торговле. Возглавило протесты шиитское духовенство, к которому постоянно апеллировали народные массы, прося о защите веры. Протестующие составляли коллективные обращения к шаху с тем, чтобы он отменил монополию. Взоры всего народа были обращены к самому авторитетному моджахеду шиитского мира того времени Хасану Ширази в ожидании его мнения о том, что же делать в сложившейся ситуации. Спустя какое-то время он вынес фетву о запрете курения и любых действий с табаком до тех пор, пока табачная монополия не будет аннулирована, что означало ее полный крах. Табачные протесты стали первым общенациональным протестным движением, предшествовавшим Конституционной революции 1905–1911 гг.; отмена монополии привела к возрастанию роли шиитского духовенства и его влияния на политическую жизнь общества.

© Арабаджян З.А., 2026

Ключевые слова: табачная монополия, табачная концессия, Шахин-шахская табачная корпорация Персии, английские концессии в Персии, табачные протесты, Хасан Ширази

Для цитирования: Арабаджян З.А. Борьба с английской табачной монополией как символ подъема антиколониального движения в Персии // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 4. С. 10–22. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-10-22

The struggle against the British tobacco monopoly as a symbol of the rise of the anti-colonial movement in Persia

Zaven A. Arabadzhyan

*Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies
Moscow, Russia, arabzava@yandex.ru*

Abstract. The article examines the attempt by British business circles to obtain a monopoly over the tobacco business in Persia, undertaken in the early 1890s by Major G. Talbot. The monopoly was to cover all aspects of the tobacco trade, from cultivation to export. No one in the country could engage in this business without obtaining permission from the company, which set prices for tobacco and tobacco products, issued permits for its cultivation, processing, trade, etc. Such extensive rights of the concessionaires sparked nationwide outrage, as the local population was obliged to interact with the tobacco company, while Islam does not permit compulsion in trade. The protests were led by the Shiite clergy, to whom the masses constantly appealed for protection of their faith. The protesters submitted collective petitions to the Shah, asking him to revoke the monopoly. The eyes of the entire nation turned to the most authoritative mujtahid of the Shiite world at the time, Hasan Shirazi, to voice his opinion on what to do in the situation. After some time, he issued a fatwa forbidding smoking and any dealings with tobacco until the tobacco monopoly was annulled, which led to its complete collapse. The tobacco protests and the cancellation of the monopoly resulted in an increased role for the Shiite clergy and its influence on the political life of society. They became the first nationwide protest movement, preceding the Constitutional Revolution of 1905–1911.

Keywords: Tobacco monopoly, tobacco concession, Imperial Tobacco Corporation of Persia, British concessions in Persia, tobacco protests, Hasan Shirazi

For citation: Arabadzhyan, Z.A. (2026), "The struggle against the British tobacco monopoly as a symbol of the rise of the anti-colonial movement in Persia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 10–22, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-10-22

Введение

Под давлением постоянно нараставшей нехватки средств для государственных расходов, в которые включались и средства, предназначенные для содержания шаха, шахского двора и принцев дома Каджаров, персидское государство проводило политику раздачи концессий иностранным капиталистам на осуществление предпринимательской деятельности в различных секторах экономики. Среди них были концессии на строительство телеграфных линий, разработку полезных ископаемых, строительство железных дорог, судоходство во внутренних водах страны, создание банков и пр.

Многие из этих концессий оказывались вскоре отмененными. Так, концессия барона Юлиуса Рейтера (1872 г.), передававшая в его руки все природные ресурсы Персии, провалилась, в первую очередь из-за жесткого противодействия России. Были и другие концессии, как отмененные шахским правительством, так и нереализованные из-за неспособности концессионеров собрать в отведенный им срок необходимые капиталы для своих проектов. В частности, это относится к ряду железнодорожных концессий¹.

Но проблема дарования концессии на организацию компании, которая будет обладать монополией на контроль и выполнение всех операций, связанных с табачным бизнесом, от выращивания табака до розничной торговли и экспорта, в истории Ирана имеет особое значение. Оно определяется тем, что данная концессия оказалась первой, с треском провалившейся из-за всенародного движения протеста, во главе которого стояло шиитское духовенство.

В силу значимости данного вопроса для анализа социально-политической эволюции Ирана во второй половине XIX – начале XX в., в зарубежной научной литературе ему уделялось немалое внимание². В отечественной иранистике имеется лишь одно исследование, в котором в объеме менее одной главы рассматривается указанная проблематика [Кулагина 1981].

¹ Вопрос о концессиях на строительство железных дорог в Персии подробно см.: [Арабаджян 2026].

² См., в частности: [Browne 1910; Kazemzadeh 1968; Keddie 1966; Теймури 1358 (1979–1980)].

Предтеча

Следует отметить, что англичане были не первыми, кто захотел монополизировать табачное дело в Персии. Первым, кому в голову пришла мысль использовать пристрастие персиян к курению на пользу государственным финансам, был министр печати и начальник Департамента переводчиков при Насер эд-Дин-шахе Мухаммед Хасан-хан Э'темад ос-Салтане [Теймури 1358, с. 11]. В 1886 г. он вместе с несколькими соавторами написал трактат о табачной монополии в Персии и исследование под названием «Ключ к достатку», в котором описал историю возникновения табака и папирос и изложил свои представления о том, как должно быть организовано табачное дело. Э'темад ос-Салтане рассматривал различные способы обеспечения достатка в государстве, в т. ч. и введение госмонополии на табак.

Основная идея Э'темад ос-Салтане была такова – если человек подвержен такому пороку, как курение табака, то государство должно использовать его для наполнения своей казны. Пороком он считал табак, который надо было не курить, а использовать в медицинских целях, как в старые времена, когда считалось, что табачный дым убивает различные инфекции, вызывающие опасные заболевания, например, чуму. Данную мысль он подкреплял персидской поговоркой: «Я дал тебе топор, чтобы ты рубил дрова, а не чтобы ты разрушал стену мечети». Предлагая ввести государственную монополию на табак, он рассчитал, что она может принести казне примерно 9 куруров туманов в год, из которых 2 курура уйдут на расходы, связанные с самой монополией, а 7 – составят чистый доход государства [Теймури 1358, с. 14]. Поскольку курур равен 500 тыс. туманов, чистый доход государства составил бы 3,5 млн туманов. Будучи человеком опытным, Э'темад ос-Салтане предвидел возможные возражения против своего плана со стороны духовенства, которое будет апеллировать к религиозным нормам, и отвечал на это:

Если кто-то возразит относительно этого налога и скажет, что он религиозно не дозволен, мы ответим: это вопрос рациональный, и религиозный закон (шариат) не имеет к нему отношения, чтобы объявлять его дозволенным или запретным и приводить доказательства его запрета³.

Свои рассуждения он подкреплял аналогичной ситуацией с монополиями на соль и утверждал, что передача монополии на

³ Цит по: *Теймури И.* Тахрим-е танбаку. Техран: шеркят-е сахами-йе кетабха-йе джиби. 1358. С. 15.

табак частной компании за небольшую плату, означала бы отказ от больших доходов за сущие гроши.

После этого Э'темад ос-Салтане пишет проект соответствующего закона «Закон об управлении монополией на танбаку, тутун⁴ и их производные» и направляет его Насер эд-Дин шаху, который оставляет его без внимания. Уже в следующем 1887 г. он составляет второй вариант данного закона, и на этот раз шах поручает Али-Асгар-хану Амин ос-Салтане, который в то время был канцлером (садр-е азам) и министром финансов, рассмотреть его. Однако, как пишет И. Теймури,

...из-за противодействия улемов, считавших это действие религиозно недозволенным и нововведением в религии, а также из-за отсутствия рвения у самого Амин ос-Салтане⁵, он (закон) не был исполнен [Теймури 1358, с. 15].

Дарование концессии майору Дж. Тальботу

Возможность получения англичанами очередной концессии представилась в 1889 г., когда Насер эд-Дин-шах совершал свое путешествие по европейским странам. Во время пребывания шаха в Англии его встречали с исключительной пышностью и торжественностью и очень плотно опекали. Среди тех, кто сопровождал гостей, был и майор Джеральд Ф. Тальбот, которого летом 1889 г. посланник Великобритании в Персии Д. Вольф представил шаху. Сам Дж. Тальбот сопровождал Э'темад ос-Салтане и общался с ним около недели в Брайтоне. За это время он расспросил его о различных аспектах табачного дела в Персии и возможностях установления табачной монополии в стране, и Э'темад ос-Салтане предоставил ему всю собранную им ранее информацию [Теймури 1358, с. 25].

После приезда шаха в Брайтон будущий концессионер попытался заинтересовать идеей создания табачной монополии Амин ос-Салтане и вместе с ним донес ее до монарха. Чуть позже переговоры продолжились на материке во время неспешного следования шаха в Персию. Подтверждением этому служит телеграмма английского посланника в Персии лорду Солсбери от 3 апреля 1890 г., когда монополия уже была дарована шахом соискателям:

⁴ Танбаку – особо ценный сорт табака, используемый при курении кальяна. Тутун – трубочный и сигаретный табак.

⁵ Отсутствие «рвения» у данного сановника объяснялось исключительно тем, что лично он ничего не получил бы от введения государственной монополии на табачный бизнес.

Обсуждения начались в Париже и Вене, и полагаю, именно в этих столицах майор Дж. Тальбот был поощрен (was encouraged) совершить поездку в Тегеран, где было удобнее проводить переговоры⁶.

Естественно, приглашенный приехал в Тегеран. Приезд его был тайным, о нем знали только шах, Амин ос-Салтане и сотрудники английской миссии, на территории которой он поселился. Проект концессионного соглашения был составлен Д. Вольфом. Амин ос-Салтане внес в него небольшие правки. После этого английский посланник принес его монарху вместе с подарком в 25 тыс. фунтов, который подписал его [Теймури 1358, с. 27]. Примечательно, что на тексте концессии, подписанной 8 марта 1890 г., стояла подпись самого Д. Вольфа и печать английской миссии. В качестве подарков для достижения искомой цели была потрачена большая сумма денег. Доктор Фёврье, в то время служивший личным врачом монарха, пишет о 2 млн франков⁷. Учитывая отношение франка к фунту как 25:1, на подмазывание сделки оказалось потраченным 79 300 фунтов.

Следует отметить, что сам концессионер майор Дж. Тальбот не был фигурой значительной и весомой в британском истеблишменте. Однако, когда провал табачной концессии вызвал скандал в Великобритании, на парламентских слушаниях выяснилось, что он оказался троюродным братом лорда Солсбери, в то время британского премьер-министра и министра иностранных дел, а также другом Д. Вольфа [Keddie 1966, p. 36]. Именно поддержка английского посланника, раздача взяток нужным людям при дворе и в правительстве позволили майору Дж. Тальботу получить концессию [Kazemzadeh 1968, p. 248]. Хотя, возможно, это и не было официальной политикой британского правительства, а делалось по-свойски, по-родственному.

Согласно концессии, созданная английскими акционерами Шахиншахская табачная корпорация Персии получала монопольные права на все виды действий с табаком и табачными изделиями: выращивание всех сортов табака (кальянного, трубочного, папиросного и пр.), включая определение размеров площадей под посевы табака, сушку и переработку табачного листа в готовый продукт, выдачу лицензий на оптовую и розничную торговлю табаком, а также его экспорт. Всякий, кто занимался табачным бизнесом,

⁶ Persia. № 1 (1892). Correspondence respecting the Persian Tobacco Concession. Presenting to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. June 1892. London. Printed by Harrison and Sons. P. 1.

⁷ *Docteur Fevrier*. Trois Ans a la Cour de Perse. Nouvelle Edition. Paris: Maloine, MDCCCXVI (1906). P. 271.

попадал в зависимость от английской компании и должен был действовать по ее правилам и с выкупом соответствующей лицензии.

Взамен за выданную концессию компания обязывалась ежегодно выплачивать персидскому правительству 15 тыс. фунтов вне зависимости от своих прибылей или убытков и 25% от своей чистой прибыли после вычета всех расходов, включая проценты на заемный капитал. Согласно имевшимся расчетам, эти 25% должны были составить чуть более 29 тыс. фунтов, при том, что чистая прибыль английских акционеров превысила бы 87 тыс. фунтов⁸. Учитывая, что доходы государственного бюджета в то время составляли около 1,7 млн фунтов⁹, доход в 44 тыс. фунтов был бы равен всего 2,6% от расходов.

Борьба против табачной монополии

Раздача концессий и ранее вызывала недовольство отдельных слоев населения, однако в случае с табачной монополией недовольство оказалось всеобщим, поскольку она задевала чувства и интересы практически всех слоев населения. Религиозные чувства страдали от того, что монополия находилась в руках неверных (кяфиров) и табак загрязнялся их «прикосновением», а правоверные оказывались в подчинении у них, и это ужасное деяние вершилось руками самого шаха и его безбожного первого министра. Суть этого типа возмущения состояла в том, что ислам запрещает принуждение к торговым сделкам, а после введения монополии подданные шаха стали обязаны получать разрешение компании на все действия с табаком у иноверцев.

Религиозный аспект протестов хорошо виден из обращения жителей Тавриза, к Насер эд-Дин-шаху, в котором, в частности, отмечалось:

Вот уже сорок с лишним лет, как вы царствуете, соблюдая правосудие, милосердие, милость и любовь к мусульманам. Не понимаем, какая могла быть причина уклонения некоторых правительственных властей от пути истинных, которые своими притеснениями и неправдами стремятся к тому, чтобы отнять у нас наш Коран!

Разве не сам Господь Бог повелевает в святом Коране: Никогда Аллах не допустит, чтобы подчинялись неверным. ... (если) Неверный никаким образом не может иметь власти над мусульманином, то как это могло

⁸ Persia. № 1 (1892). Correspondence Respecting the Persian Tobacco Concession... P. 57.

⁹ Оценка дана на основании: *Curzon G.N. Persia and the Persian Question. Vol. II. London: Longman, Green, and Co. 1892. P. 274, 276, 278–279.*

случиться, что наш повелитель продает всех мусульман, как презренных рабов, неверному. Так, например, почему мы должны лишиться табака – этой нашей собственности по праву и быть принужденными силой продавать по дешевой цене свою чистую и неоскверненную собственность неверному и вновь покупать ее у неверных опоганенную. Не служит ли это... явным доказательством власти неверных над верными!¹⁰

Патриотические чувства задевались тем, что ставилась под сомнение способность персидского купечества эффективно заниматься табачным бизнесом. Неслучайно купцы предлагали шаху аннулировать концессию, высказывая готовность самим вносить в казну сумму, которую она должна была получать от табачной концессии¹¹. Экономически страдали буквально все. Крестьяне – производители табака, должны были получать разрешение на его выращивание и делать это в тех объемах, которые предпишет компания. Купцы и мелкие торговцы должны были получать разрешение на свой бизнес у компании и покупать товар, маркированный специальным клеймом, только у нее и по ценам, которые она назначит. Немаловажным фактором стало и то, что духовенство выращивало табак на принадлежащих ему вакуфных землях и должно было отныне согласовывать свои действия с компанией, либо эти действия должны были согласовываться арендаторами вакуфных земель. Наконец, все курильщики, которых по сильно заниженным подсчетам было 840 тыс. человек, приобретавшие табак на базарах, оказывались вынуждены увеличить свои расходы на приобретение табака и табачных изделий на 10–30% в зависимости от его сорта¹². В результате недовольство указанной концессией стало всеобщим.

К этому добавилась и позиция России, поскольку табачная монополия входила в противоречие с условиями Особого Акта, заключенного в Туркманчае в 1828 г. одновременно с договором о мире, по которому двусторонняя торговля между Россией и Персией облагалась лишь пятипроцентной пошлиной, что наносило ущерб русским купцам¹³. В случае реализации условий концессии, табачная компания сама определяла бы размер пошлин на экспорт персидского табака в Россию. Хотя двусторонняя торговля табаком

¹⁰ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 1646. Л. 50–51 об.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Persia. № 1 (1892). Correspondence respecting the Persian Tobacco Concession... Р. 54, 56.

¹³ Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией от 26 февраля 1921 года // Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях, соглашениях: Сб. / Сост. С.И. Сычёв, В.К. Волков. М.: МИД, 1946. С. 35–38.

между этими странами была крайне незначительной, российское купечество опасалось того, что ситуация с табаком станет опаснейшим прецедентом, поскольку в дальнейшем англичане смогут добиться от шахского правительства похожих уступок и в торговле другими товарами. Из-за введения табачной монополии группа российских купцов в июне 1891 г. направила коллективное обращение к российскому посланнику Е.К. Бюцову, в котором отмечалось:

То обстоятельство, что персидское правительство может завтра отдать концессии и монополии на другие отрасли и предметы промышленности и торговли и этим связать руки персидским купцам, заставляет нас всепочтительно обратиться к Вашему Превосходительству и всепокорнейше просить принять зависящие от Вас меры для ограждения интересов русской торговли и для выяснения того положения, которого мы должны придерживаться в данном случае¹⁴.

Именно указанными опасениями и обстоятельствами объяснялась непримиримость позиции российского МИД к табачной концессии.

Как и почти всякий общественно-политический процесс, борьба против табачной компании разворачивалась постепенно. В региональном плане в ее авангарде, как и позднее во время Конституционной революции, шли наиболее экономически развитые и густонаселенные северные регионы Персии. Застрельщиком оказался персидский Азербайджан, его административный центр Тавриз и духовенство этого города. Выступления имели место в Мешехе, Реште, и, конечно, в Тегеране. Другими центрами сильных анитабачных выступлений стали Шираз и Исфahan. Везде лидерами протестов являлась связка духовенство – купечество, поскольку эти сословия более всего оказались ущемлены. Много раз ситуация балансировала на грани открытого бунта и погромов кварталов, в которых проживали иностранцы и иноверцы.

В Тегеране долгое время существенных волнений из-за табачного дела не наблюдалось, во многом из-за того, что в нем правительство располагало значительными средствами для удержания народа в повиновении. Муллы проповедовали в мечетях против курения табака, объявив это противным исламу. Специальные чтецы истории жизни и страданий имама Хусейна (рузехани) заявили об отказе читать свои истории в тех местах, где будут подавать кальяны и папиросы. В знак поддержки такой позиции многие люди ломали или жгли свои кальяны. В кофейнях, обычно заполненных курящими кальян, не было ни одного курильщика, и на вопросы о при-

¹⁴ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 1649. Л. 3об., 4.

чинах отсутствия кальянов, которые задавал один из сотрудников русской миссии, везде отвечали, что это запрещено духовенством¹⁵. И примерно так же было и по всей стране.

Паническое состояние народа привело к тому, что в адрес главного моджахеда Хаджи Мирзы Хасана Ширази был направлен запрос, в котором его буквально умоляли разъяснить вопрос о курении табака. В начале декабря 1891 г. от него пришел ответ:

Во имя господа достославного!

В настоящее время [т. е. при существующем порядке. – З. А.] курение танбаку и тутуна равносильно объявлению войны имаму времен.

Мухаммед Хасан Аль-Хусейни¹⁶.

Данный ответ имел колоссальное воздействие на умы шиитов, поскольку имам времен – это сокрытый 12-й имам Махди, преемник пророка Мухаммеда, который дематериализовался и должен появиться перед концом света для обновления веры и победы над силами зла. Он высоко почитаем шиитами и все они ожидают его прихода. Сила данной фетвы была огромной еще и потому, что ее дал потомок имама Хусейна, что отражено в его имени – Аль-Хусейни. Следует пояснить, что Мухаммед Хасан Аль-Хусейни происходил из Ширази, поэтому его часто называют Хаджи Мирза Хасан Ширази, но в то время проживал на территории Османской империи в одном из священных для шиитов мест – городе Самарра, расположенном в 125 км к северу от Багдада на берегу Тигра. В то время Хасан Ширази являлся авторитетнейшим богословом Персии и вообще шиитского мира, поэтому именно к нему обращались запросы персидских улемов и населения. Его авторитет и благоговение перед ним были столь велики, что, согласно донесению русского консула из Багдада, не все из правоверных шиитов, проживавших в Самарре или приезжавших в этот город, считали себя достойными поцеловать его руку. Многие из них довольствовались лишь лобызаниями порога мечети, в которой он проводил почти все время в молитвах и проповедях¹⁷.

Послание Хасана Ширази имело колоссальное влияние на правоверных. Все операции с табаком полностью прекратились. Пытавшихся требовать кальяны, избивали, кальяны ломали, торгующая всеми видами табака и табачных изделий полностью прекратилась. Дело дошло до того, что слуги при шахском дворе отказывались набивать кальяны, мотивируя это фетвой моджахеда.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 1646. Л. 57.

¹⁶ Там же. Л. 58.

¹⁷ Там же. Л. 107.

Много раз народное недовольство грозило вылиться в открытые бунты и погромы в Тавризе, Мешхеде, Ширазе, Исфагане и других городах. Однако открытый бунт случился лишь раз в Тегеране 4–5 января 1892 г., когда фактическое решение об аннулировании концессии уже было принято (конец декабря 1891 г.), и поводом стал слух о высылке шахом из Персии одного из тегеранских моджахедов Хасана Аштиани за отказ начать курить и тем самым подать народу хороший пример. Толпа осаждала шахский дворец, и против нее было применено оружие, причем, части казачьей бригады оказались несостоятельны, ее командиры впали в ступор, а народ расстреливали головорезы из числа иррегулярного отряда одного из придворных сановников¹⁸.

После отмены табачной монополии начался долгий и трудный процесс переговоров между правительством и концессионерами о выплате компенсаций за ее ликвидацию. Первоначально хозяева табачной компании требовали компенсации упущенной прибыли в размере 200 тыс. фунтов в год, которую они должны были бы получать за срок действия концессии – 50 лет¹⁹. Персидское правительство категорически отвергло данное требование. Оно соглашалось компенсировать только реально сделанные затраты. По рекомендации российского посланника Е.К. Бюцова сумма компенсации должна была составить 500 тыс. фунтов: 350 тыс. за сделанные компанией расходы и еще 150 тыс. на выкуп табака, уже скупленного агентами компании к моменту аннулирования монополии²⁰. В конце концов именно на указанной сумме стороны и сошлись. Выплаты осуществлялись через Шахиншахский банк Персии, который выплатил половину средств сразу, а остальное – в рассрочку в течение ряда лет. При этом услуги банка были компенсированы персидским правительством из расчета 6% годовых.

Заключение

Дарование табачной монополии обошлось монархии Каджаров определенными финансовыми потерями, но моральные и политические издержки оказались куда более весомыми. Вся авантюра вызвала к жизни первое общенациональное протестное движение, в рамках которого объединились все классы и сословия общества,

¹⁸ Подробное описание этих столкновений см.: *Docteur Feuvrier*. Op. cit. P. 291-296; *Косоговский В.А.* Дневник. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. С. 124–125.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 1646. Л. 92.

²⁰ Там же. Л. 108.

включая и представителей высшей бюрократии, а также и иностранные государства, в первую очередь Россия. Данный момент можно считать очень важным этапом формирования буржуазного общества в Персии и движения от традиционного общества к обществу эпохи модерн.

Безусловным лидером протестного движения оказалось шиитское духовенство, чья политическая роль в стране уже долгое время медленно, но верно снижалась. В ходе протестов духовенство вновь обрело свою силу, убедилось в возможности мобилизовывать огромные массы населения и руководить их действиями.

Есть основания полагать, что табачные протесты стали своеобразным интермеццо между бунтами и народными восстаниями, характерными для чисто феодального общества, например, бабидскими восстаниями (1848–1852 гг.) и буржуазными по своим задачам движениями и революциями, примером каковой в Персии стала Конституционная революция 1905–1911 гг. В этом смысле события 1890–1892 гг. являются как бы предварительным этапом на пути буржуазной модернизации общества, своего рода очень отдаленным предвестником ее.

Литература

- Арабаджян 2026 – *Арабаджян З.А.* Русско-английская схватка за Персию (железнодорожные концессии XIX – начала XX в.). М.: КМК, 2026. 327 с.
- Кулагина 1981 – *Кулагина Л.М.* Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. 192 с.
- Browne 1910 – *Browne E.* The Persian Revolution of 1905–1909. London: Cambridge University Press, 1910.
- Kazemzadeh 1968 – *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A Study in Imperialism. New Haven and London: Yale University Press, 1968. 711 p.
- Keddie 1966 – *Keddie N.R.* Religion and Rebellion in Iran: The Tobacco Protests of 1891–1892. London: Franc Cass and Co, 1966. 163 p.
- Теймури 1358 (1979–1980) – *Теймури И.* Тахрим-е танбаку. Тегеран: шеркят-е сахам-и кетабха-и джиби, 1358 (1979–1980).

References

- Arabadzhyan, Z.A. (2026), *Russo-English Struggle for Persia (Railway Concessions of the 19th – Early 20th Century)*, KMK, Moscow, Russia.
- Browne, E. (1910), *The Persian Revolution of 1905–1909*, Cambridge University Press, London, UK.

- Kazemzadeh, F. (1968), *Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A Study in Imperialism*, Yale University Press, New Haven and London, UK.
- Keddie, N.R. (1966), *Religion and Rebellion in Iran: The Tobacco Protests of 1891–1892*, Franc Cass and Co., London, UK.
- Kulagina, L.M. (1981), *Ehkspansiya angliiskogo imperializma v Irane v kontse XIX – nachale XX v.* [The Expansion of British Imperialism in Iran in the Late 19th – Early 20th Century], Nauka, Moscow, USSR.
- Teymouri, I. (1358 H.S. / 1979–1980 C.E.), *The Tobacco Boycott*, Pocket Books Joint-Stock Company, Tehran, Iran.

Информация об авторе

Завен А. Арабаджян, кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, Рождественка, д. 12; arabzava@yandex.ru

Information about the author

Zaven A. Arabadzhyan, Cand. of Sci. (Economy), Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia; bld. 12, Rojdestvenka Street, Moscow, Russia, 107031; arabzava@yandex.ru

Положение друзов
на Ближнем Востоке 2017–2025 гг.
(Государство Израиль, Сирия)

Игорь В. Рыжов

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия, ivr@fmo.unn.ru*

Мария Ю. Бородина

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия, borodina-m.u@yandex.ru*

Аннотация. Важным меньшинством Ближнего Востока являются друзы. Друзы – это отдельная религиозная община, возникшая на Ближнем Востоке в XI в. как отделение исмаилитского ислама шиитского толка, основанная на религиозных интерпретациях Хамзы Ибн Али ибн Ахмада, ученого, родом из Персии. Большинство друзов проживают в Сирии, а также в Ливане и Израиле. Несмотря на небольшую численность друзов, они играют существенную роль в политической повестке ближневосточного региона. Поэтому контроль над районами проживания друзов очень важен в связи со важным стратегическим положением их территорий на границе Иордании, Израиля, Сирии и Ливана. После начала гражданской войны в Сирии, друзы старались держать нейтралитет и не выступали ни на стороне правительства, ни на стороне повстанцев. Однако затем антиправительственные настроения друзов стали нарастать. После падения режима Б. Асада друзы подверглись массовым атакам со стороны новых правительственных сил. В статье анализируется положение друзов в Израиле и Сирии в период с 2017–2025 гг., их взаимоотношения с властью, причины конфликта друзов с переходным правительством Сирии, а также причины, по которым Израиль готов защищать дружескую общину на территории Сирии.

Ключевые слова: друзы, Израиль, Сирия, арабская весна, этническое меньшинство

© Рыжов И.В., Бородина М.Ю., 2026

Для цитирования: Рыжов И.В., Бородина М.Ю. Положение друзов на Ближнем Востоке 2017–2025 гг. (Государство Израиль, Сирия) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 4. С. 23–35. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-23-35

The situation of the Druze in the Middle East 2017–2025 (State of Israel, Syria)

Igor V. Ryzhov

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia, ivr@fmo.unn.ru*

Maria Yu. Borodina

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia, borodina-m.u@yandex.ru*

Abstract. The Druze are an important minority in the Middle East. The Druze are a separate religious community that emerged in the Middle East in the 11th century as a branch of Shiite Ismaili Islam based on the religious interpretations of Hamza ibn Ali ibn Ahmad, a scholar originally from Persia. Most Druze live in Syria, as well as in Lebanon and Israel. Despite the small number of Druze, they play a significant role in the political agenda of the Middle East region. Therefore, control over the areas inhabited by the Druze is very important due to the important strategic position of their territories on the border of Jordan, Israel, Syria and Lebanon. After the outbreak of the Syrian civil war, the Druze tried to remain neutral and did not side with either the government or the rebels. However, then the anti-government sentiments of the Druze began to grow. After the fall of Bashar al-Assad's regime, the Druze were subjected to massive attacks by the new government forces. The article analyzes the situation of the Druze in Israel and Syria in the period from 2017–2025, their relationship with the authorities, the causes of the conflict between the Druze and the transitional government of Syria, as well as the reasons why Israel is ready to protect the Druze community in Syria.

Keywords: Druze, Israel, Syria, Arab spring, ethnic minority

For citation: Ryzhov, I.V. and Borodina, M.Yu. (2026), "The situation of the Druze in the Middle East 2017–2025 (State of Israel, Syria)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 23–35, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-23-35

Введение

Друзы – это отдельная религиозная община, возникшая на Ближнем Востоке в XI в. как отделение исмаилитского ислама шиитского толка, основанная на религиозных интерпретациях Хамзы ибн Али ибн Ахмада, ученого, родом из Персии. Само слово «друз» можно перевести как «исповедующий единство Бога». Некоторые считают, что религиозные традиции друзов возникли в Египте как ответвление ислама, хотя в вопросе о принадлежности друзов к исламу есть споры. Иногда друзов считают шиитами-исмаилитами. В нескольких фетвах они упоминались как еретики и отступники, что в то же время указывает на долгую историю чередующихся преследований и восстаний против угнетения друзов в регионе. Таким образом, их статус меньшинства также сформировал их представление о себе как об отдельной группе.

Друзы исповедуют друнизм, некую уникальную религию, которая включает в себя верования основных монотеистических религий, таких как ислам, иудаизм, индуизм, христианство и античная философия. Религия друзов закрыта для посторонних, стать друзом просто невозможно, так как отсутствует институт перехода в друзскую религию. Друзом можно только родиться, если и мать, и отец также принадлежат к этой этно-конфессиональной общности. С другой стороны и выход из религии невозможен, поскольку это ведет к утрате принадлежности к друзскому этносу. Поэтому религия для друзов это осознание своей национальной принадлежности, где на первое место ставится ассоциация с определенным родом и только потом с государством проживания.

Земли друзов преимущественно сельские, сконцентрированы в холмистых регионах южного Ливана, Хермона, Идлиба, Галилейских холмов и горы Кармель. Некоторые утверждают, что сельское расселение уберегло друзов от преследований как со стороны мусульманских соседей, так и со стороны государства. Кроме того, друзы придерживаются политики дистанцирования от центральных властей для максимизации своей автономии [Salman Falah 2002, p. 13–15].

В отличие от других групп меньшинств на Ближнем Востоке, таких как арабы-христиане или шииты, у друзов нет своих городских центров. Это, с одной стороны, значительно способствовало прочности и целостности их традиционного общественного строя. С другой стороны, помешало их способности адаптироваться к требованиям современности. Как в Сирии, Ливане, так и в Израиле друзы сохраняют давнюю традицию эндогамных браков. У друзов запрещены браки с представителями других религиозных общин,

хотя иногда такое случается, когда женится мужчина друз. Однако дети от таких браков наследуют религию отца, что исключает ассимиляцию друзских общин и играет прямую роль в сохранении общинных норм, ценностей и основанных на родстве социальных отношений группы [Khuri 2004, p. 2009].

Друзское общество часто описывается как модель внутренней социальной сплоченности, основанной на сильной привязанности к этнической идентичности. Так, например, некоторые исследователи выделяют четыре взаимосвязанных фактора, способствующих этой сплоченности:

- 1) вера в реинкарнацию, которая способствует дружеским отношениям между семьями;
- 2) авторитет религиозных лидеров-мужчин (Шейх-Аклъ);
- 3) влияние территориальной близости друзских населенных пунктов;
- 4) соблюдение братства (хифз аль-ихван) [Khuri 2004, p. 62–63].

Община также основана на клановости – системе социальной дифференциации, уходящей корнями в общее происхождение. Хотя ее экономическая основа со временем ослабла, клановость продолжает выполнять важные социальные и политические функции. Семейная солидарность дополнительно укрепляет единство друзов, что позволяет говорить о «монолитности» друзской общины.

Этническое происхождение друзов не выяснено. Их относят к арабам, потомкам древних евреев, персам, потомкам хеттов, курдов.

Друзское население на Ближнем Востоке, оцениваемое примерно в один миллион человек, сосредоточено в основном в Сирии, Ливане и Израиле. Большинство друзов проживают в Сирии (около 0,6–0,7 млн человек), за ней следует около четверти миллиона в Ливане. В Израиле проживает третья по величине община друзов, насчитывающая около 150 тыс. человек. Кроме того, на Голанах, оккупированных Израилем в 1967 г., насчитывается чуть менее 20 тыс. друзов, а именно в нескольких деревнях и небольшом городке Мадждал-Шамс, который также является крупнейшим населенным пунктом на Высоком плато. Небольшая община друзов мигрировала в северную Иорданию в конце двадцатого века, тогда как сегодня еще более мелкие общины диаспоры разбросаны по Америке, Австралии и Западной Африке. Контроль над районами проживания друзов очень важен в связи с важным стратегическим положением их территорий на границе Иордании, Израиля, Сирии и Ливана¹.

¹ Балмасов С. Друзское государство: еще одно последствие ближневосточного кризиса // РСМД, 2015. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/riscexperts/_2085/ (дата обращения 21 января 2026).

В 1921 г. по окончании Первой мировой войны французами было создано Друзское государство на территории вилайетов Бейрут и Сирия бывшей Османской империи. В Израиле также были идеи о создании государства друзов (политик Игаль Алон предлагал создать буферное друзское государство между Израилем и арабскими странами). Ставка делалась на то, что друзы не являются мусульманами и арабами. Но от данной идеи пришлось отказаться [Schelcher 2007, p. 10].

Государство Израиль

Израильские друзы проживают главным образом в деревнях Верхней Галилеи и горы Кармель. Их численность составляет около 150 тысяч человек. Несмотря на то, что друзы – это достаточно закрытая этно-конфессиональная группа, они тесно интегрированы в общественную и политическую жизнь Израиля. А с 1957 г., когда власти Израиля выдели друзов в отдельную этнорелигиозную конфессию, они стали служить в Армии обороны Израиля. Соответственно во многих конфликтах, в том числе и палестино-израильском, друзы выступают на стороне Израиля. Это не только делает друзов важными союзниками для Израиля, но и дает им ряд преимуществ перед другим мусульманским населением страны – например, потенциальную возможность занимать высокие посты в политической элите Израиля. Также друзы входят в состав израильского генералитета, парламента и правительства [Рыжов 2020, с. 280].

В то же время друзы по-прежнему сталкиваются с дискриминацией как на личном, так и на государственном уровне, и многие еврейские работодатели не желают нанимать работников-друзов, потому что они арабы.

В 2018 г. Израиль принял закон, в котором право на национальное самоопределение определяется как «уникальное для еврейского народа». В нем не упоминается принцип равенства, закрепленный в Декларации независимости Израиля 1948 г., которая обеспечивала «полное равенство социальных и политических прав» для «всех жителей страны» независимо от их религии, расы или пола. Кроме того, арабский язык был понижен в статусе с официального до языка с «особым статусом», из-за чего многие представители общины друзов почувствовали себя преданными. Законодатели-друзы безуспешно обращались в Верховный суд Израиля с просьбой внести изменения, утверждая, что закон создает «дискриминацию по расовому признаку». Но закон остается в силе.

Друзы и гражданская война в Сирии

Несмотря на то, что в Сирии друзов насчитывается всего около 700 тысяч человек, что составляет менее 3% от всего населения республики, они играют важную роль в истории современной Сирии. Друзские офицеры сыграли ведущую роль в политическом подъеме сирийской партии БААС, что помогло им занять влиятельные позиции в государственном аппарате. Однако попытка государственного переворота в сентябре 1966 г., возглавленный друзским майором Салимом Хатумом и другими друзскими офицерами, привела к тому, что друзы были вычищены и из партии и из политической жизни в целом [Пир-Будагова 2015, с. 145–180].

В Сирии 90% друзов проживают в регионе Джебель ад-Друз («Друзские горы») в провинции Эс-Сувейда на юге Сирии, но также и в провинции Идлиб, Кунейтра, в пригороде Дамаска и др. Община друзов в Сирии сыграла важную роль в формировании современного сирийского государства. Провинция Эс-Сувейда уже давно играет активную роль в крупных национальных проектах в современной истории Сирии. При этом друзская политическая элита отличается ярко выраженной приверженностью к интеграции в рамках единого суверенного государства и не поддерживает идей сепаратизма. Эта позиция кристаллизовалась в ключевых этапах истории, начиная с сопротивления османской оккупации и участия в Антитурецком восстании на Ближнем Востоке, затем в Национально-освободительном восстании в Сирии под командованием Султана аль-Атраша, через проект конституционного государства после обретения независимости и, наконец, присоединение к националистическому проекту Гамаль Абдель Насера. Эти этапы истории сформировали нынешнее место сирийских друзов, как части сирийского государства.

В годы правления Б. Асадов друзское меньшинство органично вписывалось в модель сирийского государства. И хотя политическая и военная власть находилась в руках алавитов, тем не менее другие конфессиональные и этнические группы выступали их союзниками против доминирующего арабо-суннитского большинства. В связи с чем большинство друзов долгое время были лояльны правительству Асада, поскольку их традиция требует не выступать против руководства стран, где они проживают. Хотя отдельные представителей элиты, такие как журналист Мунтаха аль-Атраш и политический деятель Джабер аш-Шуфи, публично поддержали восстание, подавляющее большинство друзов оста-

лись верны режиму². Лидерам повстанцев не удалось вербовать друзов, и большинство друзских солдат в сирийской армии продолжали поддерживать режим. Долгое время друзское ополчение помогало сирийской армии контролировать юг страны в обмен на то, что правительство Б. Асада не станет привлекать рекрутов из числа друзов за пределами провинции Эс-Сувейды.

С 2012 г. на территории Эс-Сувейты большую популярность приобрело военно-политическое движение «Люди достоинства» («Риджалъ аль-карама»), которое возглавлял шейх Вахид аль-Балус – популярный религиозный деятель. Он выступал за защиту Джебель ад-Друз от джихадистских угроз, за невовлечение друзов в гражданскую войну, поглотившую Сирию, и за сохранение жесткого нейтралитета. В сентябре 2015 г. аль-Балус был убит, по мнению сторонников, агентами режима. Однако его смерть не привела к каким-либо существенным изменениям в позиции друзской общины по отношению к режиму, но по причине отсутствия нового харизматичного лидера движение начало терять популярность. После восстания и последовавшей за ним гражданской войны многие друзы пришли к выводу, что режим представляет собой меньшее зло, поскольку его крах угрожал распадом государства и нарушением региональной стабильности³.

Несмотря на попытки друзов держать некий нейтралитет в данном конфликте, они рассматривались светской оппозицией как союзники Башара Асада, а исламисты из «Аль Каиды» и «ИГИЛ»⁴ видели в них «еретиков» и «вероотступников». В связи с чем районы проживания друзов все чаще подвергались нападениям и террористическим атакам, крупнейшие из которых выдalisя на июнь 2015 г., когда исламские джихадистские боевики из организации ан-Нусра устроили резню в небольшой деревне рядом с Идлибом, а также на июль 2018 г., когда Исламское государство совершило налет на все друзские деревни в регионе, убив около 260 мирных жителей и похитив 30 женщин и детей.

Однако после 2015 г. из-за разногласий с правительством Асада, отношение друзов к правительственному режиму стало двойственным. Часть друзской общины выступала крайне против режима Б. Асада, как пример, в 2015 г. в Сирии был создан антиасадовский

² Gambill G. Syrian Druze: Toward Defiant Neutrality. Foreign Policy Research Institute, 2013. URL: <https://www.fpri.org/article/2013/03/syrian-druze-toward-defiant-neutrality/> (дата обращения 21 октября 2025).

³ Al-Assil I., Slim R. The Syrian Druze at a Crossroads // Middle East Institute, 2015. URL: <https://mei.edu/publication/syrian-druze-crossroads/> (дата обращения 23 октября 2025).

⁴ Признаны террористическими и запрещены в РФ.

«Военный совет друзей в Сирии» во главе с Маруаном Хамедом. Тем не менее большинство сирийских друзей долгое время твердо стояло на стороне правительства, например, милиция Saraya al-Tawheed, связанная с ливанскими друзьями, Jaysh al-Muwahhideen («Армия монотеистов»), объявившая джихад всем, «кто вторгнется на дружеские земли», Dir' al-Watan («Щит Родины»), действующая по всей стране во главе с одной из наиболее значительных местных фигур, поддерживающих Асада, – шейхом Юсуфом Джарбуа⁵.

Однако начиная с 2019 г. все чаще можно было услышать о масштабных протестах в адрес режима президента Башара Асада на территориях, где большинство населения составляют друзья, что связано с ухудшением общей экономической ситуации в стране, а также отменой топливных субсидий, «вызвавшей» перебои с поставками товаров и рост их стоимости. Как и другое сирийское население, друзья терпели социальные и экономические трудности, которые делали повседневную жизнь невыносимой. Бедность, безработица и крах образовательных учреждений в полной мере затронули дружеские регионы. Контроль джихадистских организаций над регионом вынудил многих друзей уехать, в основном на юг Сирии. Экономические требования друзей переросли в политические: община стала требовать отставки Б. Асада. На последнем этапе конфликта вооруженные формирования друзей и вовсе открыто выступили против Асада, продвинувшись в сторону Дамаска, разоружая части рухнувшего правительства.

В декабре 2024 г. друзья приветствовали крах баасистского режима. Однако они выразили опасения по поводу прихода к власти Ахмада аш-Шараа. Необходимо отметить, что взаимоотношения дружеской общины с новым сирийским правительством складывались неоднозначно. Так, духовный лидер друзей – шейх Хикмат аль-Хиджри 13 марта заявил, что «отрицает факт достижения» какого-либо соглашения с временным сирийским правительством. Хиджри назвал временное правительство «экстремистским» режимом и осудил жителей провинции Эс-Сувейда за сотрудничество с ним⁶.

Другой духовный лидер друзей – Хамуд аль-Ханнави – выразил поддержку временному президенту Сирии Ахмаду

⁵ Минин Д. Тайны сирийской войны: дружеский фактор // Фонд стратегической культуры, 2017. URL: <https://trueinform.ru/modules.php> (дата обращения 12 ноября 2025).

⁶ Духовные лидеры друзей и вооруженные группировки в Эс-Сувеиде и их отношения с новой властью Сирии. 2025. URL: <https://arab-new.ru/news/32/2334/> (дата обращения 12 ноября 2025).

аш-Шараа и продемонстрировал свою готовность сотрудничать с Шараой⁷.

В апреле 2025 г. в одном из интервью Хамуд аль-Хиннави прокомментировал взгляды друзской общины: «Разум и толерантность – наши приоритеты в диалоге. Мы выступаем за социальный мир. Мы прилагаем все усилия, чтобы предотвратить любой конфликт». Кроме того, он подчеркнул, что предпринимает попытки сохранить открытыми каналы диалога с нынешним правительством в Сирии и отметил, что «Родина превыше любой репутации. Режимы и лидеры приходят и уходят, однако Родина и народ неизменны». Хиннави также привлек внимание к вкладу друзов в революционный процесс в Сирии, который, по его словам, нельзя отрицать. Он также высказал надежду, что новый президент Сирии сможет навести порядок в государстве:

Президент – сириец, он не спустился с неба. Пережитые события, нужда и судьба привели его на эту должность. Мы должны дать ему шанс. Если он совершит ошибку, духовенство свободно подвергнет его критике⁸.

К вышеперечисленному добавляется очень важный фактор, связанный с конституционной декларацией Сирийской Арабской Республики, подписанной новым президентом Сирии Ахмедом аш-Шараа 13 марта 2025 г. Это усилило беспокойства друзов Эс-Сувейды, которые начали организовывать гражданские и политические движения, протестуя против отсутствия у новых властей всеобъемлющего видения, охватывающего различные слои населения Сирии в рамках единого национального проекта.

Ситуация между друзами и переходным правительством Сирии обострилась после публикации в конце апреля 2025 г. анонимного голосового сообщения, приписываемого друзскому священнослужителю и содержащее оскорбительные замечания в адрес пророка Мухаммеда. Эта запись была использована как повод для нападения на друзское население, в основном в пригородах Дамаска. Десятки друзов были либо убиты, либо арестованы. Шейх Хикмат аль-Хиджри, лидер активистской фракции, выступающей против

⁷ Далеко не все друзья из Эс-Сувейды поддерживают власть в Дамаске // ИА Красная Весна. 2025. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bcceb73chttps://rossaprimavera.ru/news/bcceb73c> (дата обращения 15 декабря 2025).

⁸ *Karabacak M.* Лидер друзской общины в Сирии выступил против сепаратизма // Анадолу. 2025. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/лидер-друзской-общины-в-сирии-выступил-против-сепаратизма-/3541550#> (дата обращения 12 января 2026).

нового режима, обвинил правительство в организации «систематических, очевидных и задокументированных» убийств, охарактеризовав подход аш-Шараа как двусторонний: так как одновременно имеет место атака на друзов через лояльные правительству экстремистские группировки, а с другой стороны, отрицание того факта, что действуют они по указанию режима. Кроме того, аль-Хиджри призвал международное сообщество защитить друзов и другие группы меньшинств в Сирии⁹.

В июле 2025 г. в регионе вспыхнули столкновения друзов с бедуинами, что было использовано переходным правительством в качестве предлога для вмешательства и переброске в Эс-Сувейду войск и формирований МВД. В данную ситуацию вмешался Израиль, нанеся удары по правительственным войскам на юге Сирии. В настоящее время ситуация осложняется тем, что друзы не смогли занять консолидированную позицию по отношению к новому режиму. После нападения в апреле-мае 2025 г. была проведена конференция, собравшая духовных лидеров друзов, которые выпустили официальное заявление, сводящееся к трем основным требованиям: (1) чтобы силы безопасности в провинции Эс-Сувейда состояли только из друзских жителей; (2) безопасность передвижения по шоссе Эс-Сувейда-Дамаск; и (3) гарантия правительства личной и общественной безопасности друзов на всей сирийской территории¹⁰. Кроме того, друзские ополченцы стремились создать единый военный аппарат для поддержания порядка в Эс-Сувейде и предотвращения анархии и беспорядков.

Друзы единогласно согласились с тем, что они не должны ни складывать оружие, ни позволять силам режима действовать в друзских регионах. Несмотря на эту общую позицию, появились два различных лагеря. Лагерь во главе с шейхом Хикматом аль-Хиджри, который подвергает взаимодействие с новым режимом из-за его джихадистского радикализма, и лагерь во главе с духовными лидерами шейхом Хамудом аль-Ханнави и шейхом Юсуфом Джарбуа, который выступает за переговоры с режимом. Это внутреннее разделение ослабляет позиции друзов перед Дамаском, где правительство под предлогом поддержания политической стабильности продолжает проводить политику исключения в отношении всех оппонентов и групп меньшинств.

⁹ Сирийские друзы: между молотом интеграции и наковальной разделения // ИА Реалист. 2025. URL: <https://realtribune.ru/lider-druzov-sirii-obvinil-pravitelstvo-v-genocidnoj-kampanii/> (дата обращения 25 ноября 2025).

¹⁰ Фридман Я. Тяжелое положение друзов в Сирии. 2021. URL: <https://www.news1.co.il/Archive/0026-D-146249-00.html#> (дата обращения 25 ноября 2025).

До сих пор новые сирийские власти не смогли подчинить друзское население именно по причине его защиты со стороны Израиля, традиционно рассматривающего друзский народ как братский. В действительности друзская община в Сирии все больше привлекает внимание Израиля. Израиль, традиционно стремившийся к «союзам» с неарабскими народами на Ближнем Востоке, прилагает особые усилия для привлечения на свою сторону друзского населения Сирии, особенно после событий 7 октября.

Израиль, угрожающий сирийской администрации разоружить юг Сирии, стремится привлечь на свою сторону сосредоточенное там друзское население, реализуя стратегию, предусматривающую в первую очередь взятие под свое влияние провинций Даръа и Эс-Сувейда.

Правительство Биньямина Нетаньяху заявило, что новое сирийское правительство якобы хочет навредить друзам, в связи с чем израильской армии было поручено защитить представителей этой общины и обещано «сделать все» необходимое для их защиты. Министры иностранных дел и обороны Израиля пообещали расширить связи с общинами друзов в Ливане и Сирии, а также сосредоточить свое внимание на этих группах.

Однако союз с сирийскими друзами будет способствовать достижению и других целей. Эта община сосредоточена на юге страны между Дамаском и израильской границей – регион, который, как отметил Нетаньяху в феврале 2025 г. в своем выступлении перед израильскими военными курсантами, должен оставаться демилитаризованным от сил нового режима.

Таким образом, Израиль дал понять, что не потерпит военного присутствия нового режима на юге Сирии. Израильские лидеры предупредили, что любые атаки джихадистских организаций на друзов вызовут военное вмешательство. Также министр обороны Исраэль Кац и Нетаньяху поручили ЦАХАЛу защищать друзские районы вокруг Дамаска. Однако сами друзы отвергают попытки Израиля вмешаться в сирийскую политику от их имени. Большинство их лидеров в Сирии считают Израиль разрушительной силой и не хотят публично отождествлять себя с ним.

Провокационные заявления премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, в которых он подтвердил готовность Израиля «защитить» друзов в Сирии, вызвали споры как внутри Эс-Сувейды, так и за пределами этой провинции. Такие заявления разожгли беспрецедентную кампанию против друзов с обвинениями их в государственной измене. Данные события лишь усилили напряженность жителей Эс-Сувейды, которые опасаются стать «разменной картой» в региональной и международной политической борьбе за будущее Сирии.

Поскольку Эс-Сувейда находится на пути к большей политической неопределенности, вопросы о ее будущем остаются открытыми. К тому же в начале текущего года по Эс-Сувейде прокатились многотысячные митинги с требованием провозгласить государственную независимость. Смогут ли друзья сохранить свою политическую независимость в этих сложных условиях, или падут под натиском временного правительства, как сирийские курды, и какова истинная позиция их духовных и военных лидеров – вот вопросы, на которые пока сложно дать однозначный ответ.

Литература

- Пир-Будагова 2015 – *Пир-Будагова Э.П.* История Сирии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015. 392 с.
- Рыжов 2020 – *Рыжов И.В.* Проблемы государственной самоидентификации мусульманского населения в Государстве Израиль (2000–2020 гг.) // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. 2020. № 3. С. 275–285.
- Khuri 2004 – *Khuri. F.* Being a Druze. London: Druze Heritage Foundation, 2004. 295 p.
- Salman Falah 2002 – *Salman Falah.* The Druze in the Middle East. Druze Research & Publications Institute, 2002. 301 p.
- Schelcher 2007 – *Schelcher A.* Drusen in Israel. München: GRIN Verlag, 2007. 22 p.

References

- Khuri, F. (2004), *Being a Druze*, Druze Heritage Foundation, London, UK.
- Pir-Budagova, E.P. (2015), *Istoriya Sirii XX vek* [The History of Syria in the 20th Century], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Ryzhov, I.V. (2020), “Problems of State Self-Identification of the Muslim Population in the State of Israel (2000-2020)”, *Ekonomicheskie, social'no-politicheskie, etnokonfessional'nye problemy afro-aziatskikh stran* [Economic, socio-political, and ethno-religious problems in African and Asian countries], no. 3, pp. 275-285.
- Salman Falah, (2002), *The Druze in the Middle East*, Druze Research & Publications Institute.
- Schelcher, A. (2007), *Drusen in Israel*, GRIN Verlag, München, Germany.

Информация об авторах

Игорь В. Рыжов, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; ivr@fmo.unn.ru

Мария Ю. Бородина, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; borodina-m.u@yandex.ru

Information about the authors

Igor V. Ryzhov, Dr. of Sci. (History), professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; bld. 23, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, Russia, 603022; ivr@fmo.unn.ru

Maria Y. Borodina, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; bld. 23, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, Russia, 603022; borodina-m.u@yandex.ru

Трансформация Организации
моджахедов иранского народа:
внешнеполитические взгляды и связи (1979–2025)

Арсений А. Наумчик

*Московский государственный институт
международных отношений МИД России
Москва, Россия, naumchikarseny@gmail.com*

Аннотация. В начале 2026 г. Исламская Республика Иран столкнулась с одним из самых серьезных кризисов в своей истории: за прошедшими в январе массовыми протестами последовала широкомасштабная агрессия со стороны США и Израиля. Иранская внесистемная оппозиция, базирующаяся за границей, видит в этих событиях возможность свергнуть правительство в Тегеране и прийти к власти. Ее опорой в борьбе с Исламской Республикой становятся иностранные государства, традиционно использующие иранские оппозиционные движения в своих целях. Одним из двух центров внесистемной оппозиции в Иране считается базирующийся в Албании и Франции Национальный совет сопротивления Ирана (НССИ), политическая структура Организации моджахедов иранского народа (ОМИН) Марьям Раджави. На протяжении своей истории моджахеды активно использовали поддержку внешних игроков для борьбы с Исламской Республикой: в 1980–2000-е гг. ОМИН опиралась на поддержку Ирака Саддама Хусейна. Сейчас моджахеды рассчитывают найти поддержку среди части членов Республиканской партии США и стран Евросоюза. Вместе с тем история показывает негативные стороны подобной стратегии. Исследованные в работе примеры (Франция–ОМИН, 1986; Ирак–ОМИН, 1988; США–ОМИН, 1997; Великобритания–ОМИН, 2001; Франция–ОМИН, 2003; Албания–ОМИН, 2023) демонстрируют, что сотрудничество с иностранными государствами не позволило ОМИН добиться своей цели по свержению Исламской Республики. В кризисные моменты иностранные политики, выбирая между интересами своей страны и интересами моджахедов, предпочитают первый вариант: зачастую это подрывает потенциал ОМИН как политической силы. Помимо этого, опора на внешних игроков приводит к зависимости моджахедов от любых изменений во внутренней политике других государств: приход к власти сил, относящихся к ОМИН негативно, также приводит к ограничению деятельности организации.

© Наумчик А.А., 2026

Ключевые слова. Иран, внесистемная иранская оппозиция, Организация моджахедов иранского народа, ОМИН, Национальный совет сопротивления Ирана, Марьям Раджави

Для цитирования: Наумчик А.А. Трансформация Организации моджахедов иранского народа: внешнеполитические взгляды и связи (1979–2025) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 4. С. 36–57. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-36-57

Transformation of the Mojahedin-e Khalq: foreign policy views and ties (1979–2025)

Arseny A. Naumchik

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia, naumchikarseny@gmail.com*

Abstract. At the beginning of 2026, the Islamic Republic of Iran faced one of the most serious crises in its history: the massive protests that took place in January were followed by large-scale aggression from the United States and Israel. Iran's opposition in exile sees these events as an opportunity to overthrow the government in Tehran and come to power. Its support in the fight against the Islamic Republic comes from foreign states that have traditionally used Iranian opposition movements for their own purposes. One of the two centers of the Iranian opposition in exile is considered to be the National Council of Resistance of Iran (NCRI), based in Albania and France – the political branch of the Mojahedin-e Khalq (MEK), also known as People's Mojahedin Organization of Iran (PMOI), led by Maryam Rajavi. Throughout its history, the Mojahedin have actively used the support of external players to fight against the Islamic Republic: in the 1980s–2000s, the MEK relied on the support of Saddam Hussein's Iraq. Currently, the Mojahedin seek support from some members of the U.S. Republican Party and EU countries. At the same time, history shows the drawbacks of such strategy. The examples studied in this paper (France-MEK, 1986; Iraq-MEK, 1988; USA-MEK, 1997; UK-MEK, 2001; France-MEK, 2003; Albania-MEK, 2023) demonstrate that cooperation with foreign states has not allowed the MEK to achieve its goal of overthrowing the Islamic Republic. In times of crisis, foreign politicians having to choose between their country's interests and the interests of the Mojahedin prefer the former option, which often leads to a significant reduction in the MEK's potential as a political force. Moreover, reliance on external players makes the Mojahedin's dependent on their domestic political changes: when forces viewing the MEK negatively come to power, they start to restrict the organization's activities.

Keywords. Iran, Iranian opposition in exile, Mojahedin-e Khalq, MEK, National Council of Resistance of Iran, Maryam Rajavi

For citation: Naumchik, A.A. (2026), "Transformation of the Mojahedin-e Khalq: foreign policy views and ties (1979–2025)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 36–57, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-36-57

Введение

2020-е гг. стали для Ирана временем радикализации политического процесса: в 2022–2023 гг. и 2025–2026 гг. в стране вспыхнули массовые протесты. В нынешних событиях увеличивается роль внесистемной оппозиции – политических движений, выведенных за пределы существующих институтов и преимущественно действующих из-за границы. Один из двух центров внесистемной оппозиции, влияющий на политический процесс в Иране, – Организация моджахедов иранского народа (ОМИН) и ее политическое крыло Национальный совет сопротивления Ирана (НССИ) под руководством Марьям Раджави. Моджахеды борются за власть уже на протяжении сорока лет: их конфликт с руководством Ирана начался почти сразу после Исламской революции. Для того, чтобы прийти к власти в Тегеране, ОМИН старается заручиться поддержкой иностранных государств.

ОМИН была создана для борьбы с шахским правительством в 1965 г. На начальном этапе идеология организации представляла собой смесь марксизма и «красного шиизма»: иранские мыслители середины XX в., такие как Али Шариати, предполагали, что правящие классы веками скрывали истинную революционную сущность ислама. Внешнеполитическая деятельность ОМИН того периода концентрировалась на борьбе с западным империализмом [Abrahamian 1989, p. 98].

В настоящей работе исследуются закономерности, возникающие при взаимодействии ОМИН и иностранных государств на разных этапах истории организации. В ней можно условно выделить следующие периоды¹:

1965–1979 – начальный этап развития, террористическая борьба против шахского режима и дружественных ему стран, в первую очередь, США;

1979–1986 – попытка взять власть в Иране своими силами: связи с иностранными государствами ограничиваются отдельными

¹ Условность заключается в том, что с завершением большинства обозначенных этапов отношения ОМИН с зарубежными правительствами не оканчивались, однако качественно менялся характер их контактов.

контактами – созданием медийной инфраструктуры на территории стран Запада и просьбами о политическом убежище к правительству Франции;

1986–2003 – разгром сети ОМИН в Иране и конфликт с руководством Франции вынуждают ОМИН вступить в альянс с ведущим войну против Ирана режимом С. Хусейна: вскоре страны Запада, скептически отнесясь к контактам ОМИН с Ираком и ее террористическому прошлому, объявляют деятельность моджахедов на своей территории вне закона ради нормализации отношений с Ираном;

2003–2013 – после вторжения американских войск в Ирак ОМИН лоббирует свое исключение из списка террористических организаций. Это, а также приход к власти идейных противников Исламской Республики и охлаждение отношений с Ираном на фоне кризиса вокруг его ядерной программы приводит к тому, что в 2013 г. деятельность ОМИН становится легальной;

2013 – настоящее время – снижение популярности ОМИН среди иранцев приводит к уменьшению количества контактов иностранных государств с моджахедами: они продолжают использовать лоббистские структуры, но не могут заинтересовать внешних игроков для получения открытой поддержки.

Хронологически настоящая работа охватывает не все указанные выше периоды. Она ограничена временным промежутком с 1979 по 2025 г.: от момента Исламской революции, сформировавшей нынешний политический ландшафт Ирана, до начала Двенадцатидневной войны между Израилем, США и Ираном. Деятельность ОМИН после этого момента можно будет изучить лишь со временем, когда в чрезвычайно изменчивой иранской внешней и внутренней политике обозначатся доминирующие тенденции.

Автор опирается на работы предшественников, исследовавших те или иные аспекты иранского внесистемной оппозиции. Работы В.И. Юртаева и Л.М. Раванди-Фадаи освещают становление «красного шиизма», который был идеологической основой организации моджахедов в 1960–1980-е гг. [Юртаев 1993; Раванди-Фадаи 2002]. С.Б. Дружиловский уделил внимание деятельности главы ОМИН Марьям Раджави в контексте кризиса вокруг иранской ядерной программы в 2000-х гг. [Дружиловский 2007]. Н.А. Филин исследовал аспекты, связанные с внесистемной оппозицией, в контексте антиправительственного терроризма ОМИН в 2000-х гг. и Зеленой революции 2009 г. [Филин 2008; Филин 2015]. Протестное движение конца 2010-х – начала 2020-х гг., в котором, как было сказано ранее, повысилась роль внесистемной оппозиции, стало темой работ Е.В. Дунаевой, Н.М. Мамедовой и В.И. Сажина [Дунаева и др. 2022].

Из зарубежных авторов следует выделить Эрванда Абрахамяна – автор первого фундаментального труда, посвященного истории ОМИН во второй половине 1960 – первой половине 1980-х гг. [Abrahamian 1989]. Впоследствии важным исследователем деятельности моджахедов стал Роберт Коэн, «осветивший» политическую трансформацию моджахедов в 1990-е гг.: тогда организация превратилась из левоисламистского движения в политическую секту [Cohen 2009]. Экспертом по деятельности ОМИН был К. Катцман: его экспертиза, заказанная Конгрессом и Государственным департаментом США, послужила одной из причин запрета деятельности моджахедов на американской территории².

Основой для работы стал комплекс русскоязычных, англоязычных и персоязычных источников. Оценить взгляд самих оппозиционных движений на их внешние связи, изучить их позиционирование помогли источники за авторством представителей этих организаций: записи и стенограммы речей, статьи и книги, страницы на вебсайтах и соцсетях. Другой важный источник – средства массовой информации, предоставляющие большой объем данных, касающихся аспектов деятельности внесистемных организаций, скрытых от посторонней публики. В работе использованы американские газеты, освещавшие деятельность иранской оппозиции на территории США: *The New York Times*, *Washington Post*, *Los Angeles Times*. Последний источник интересен за счет материалов о деятельности иранских внесистемных оппозиционеров в «Техранджелесе» – месте компактного проживания иранской диаспоры в американском Лос-Анджелесе. Помимо этого, исследование базируется на архивных источниках: делопроизводственных документах судов, внешнеполитических и разведывательных ведомств. В контексте сюжета, связанного с запретом деятельности ОМИН на территории стран Запада, важную роль приобретают материалы экспертных центров при правительственных органах, объясняющих мотивацию иностранных правительств к внесению моджахедов в список террористов.

1979–1986. Бегство во Францию

В 1979 г. ОМИН активно участвовала в свержении шахского режима. Руководство моджахедов надеялось стать частью нового правительства. Однако возникший конфликт с консервативным духовенством привел к запрету деятельности ОМИН на территории

² Katzman K. Iran: U.S. Concerns and Policy Responses // Congressional Research Service. 20.07.2004.

Ирана. Моджахеды развернули против правительства в Тегеране партизанскую войну. Лидер организации Масуд Раджави в 1981 г. бежал во Францию вместе со своим союзником – первым президентом Ирана Абольшасаном Банисадром. Вместе политики создали Национальный совет сопротивления Ирана – организацию, которая должна была объединить оппозиционные правительству Хомейни движения.

Ее штаб-квартира расположилась в Париже. Сперва французское правительство не препятствовало деятельности иранской оппозиции на своей территории. Правительство Франции во главе с президентом Франсуа Миттераном предоставило эмигрантам политическое убежище и не препятствовало деятельности СМИ моджахедов. Сотрудничество не было тесным, однако пребывание иранских эмигрантов во Франции вредило отношениям Парижа и Тегерана почти также, как и поставки оружия воевавшему против Ирана С. Хусейну [Izadi 2012, p. 49].

В 1986 г. во Франции новым премьер-министром страны стал Жак Ширак, взявший курс на улучшение отношений с Ираном. Проблема иранских эмигрантов стала предметом переговоров между Парижем и Тегераном: Ж. Ширак пошел на уступки в этом вопросе, когда проиранская партия Хезболла захватила в заложники французских журналистов, работавших в Ливане. Через некоторое время после того, как Хезболла начала отпускать заложников, полиция Франции арестовала несколько десятков моджахедов. Париж также выдворил из страны Масуда Раджави³. Тем не менее структуры ОМИН на территории Франции продолжили свою деятельность. Вероятно, полное прекращение деятельности моджахедов не произошло из-за сохранявшихся в отношении Франции и Ирана противоречий: Хезболла продолжала удерживать на территории Ливана часть заложников, а Ирак продолжал закупать у Франции вооружение. Уход Ж. Ширака со своего поста в 1988 г. также не помог французско-иранским отношениям.

Несмотря на то, что правительство Франции не выдворило моджахедов из страны полностью, этот кризис показал уязвимость иранских эмигрантских организаций. Моджахеды, пользовавшиеся относительным покровительством Парижа, в один момент оказались предметом переговоров между Францией и Ираном. Выбирая между высылкой моджахедов из страны и гибелью французских заложников, Париж согласился с требованиями Ирана. Кроме того,

³ Yossef M. Ibrahim. France Expelling Iranian Opponents of Khomeini // The New York Times. 1987. Dec. 8. URL: <https://www.nytimes.com/1987/12/08/world/france-expelling-iranian-opponents-of-khomeini.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

критический момент для ОМИН наступил в связи со сменой власти во Франции: в то время как президент Ф. Миттеран относился к моджахедам скорее лояльно, премьер-министр Ж. Ширак видел в них лишь «разменную монету» в переговорах с Ираном.

1986–2003. Ставка на саддамовский Ирак

Высылка руководства моджахедов из Франции привела к полной смене внешнеполитической стратегии организации: в 1986 г. был заключен противоречивый союз между моджахедами и Ираком С. Хусейна. К тому моменту баасистский Ирак уже шесть лет безуспешно вел боевые действия против Ирана. На начальном этапе боевых действий ОМИН осудила иракскую агрессию. Члены организации даже участвовали в обороне Хузестана – региона, ставшего целью наступления саддамовских сил⁴. Однако пребывание в оппозиции тегеранскому правительству изменило точку зрения моджахедов: в январе 1984 г. Масуд Раджави провел встречу с министром иностранных дел Ирака Тариком Азизом⁵. Политики подписали документ, в котором лидер моджахедов обвинил Иран в продолжении боевых действий и призвал к возвращению довоенных границ. А. Банисадр вышел из состава НССИ – он осудил своего союзника, обвинив его в предательстве прежних принципов⁶: подавляющее большинство иранцев поддерживали свое правительство в войне с Ираком и были настроены по отношению к Багдаду однозначно негативно. С тех пор НССИ из координационного органа иранской оппозиции превратился в де-факто в политическую структуру ОМИН: мелкие партии, продолжившие состоять в совете, никак не оспаривают политику моджахедов.

Вероятно, заключение летом 1986 г. союза между Ираком и ОМИН было продиктовано поражением моджахедов в партизанской войне против правительства Ирана: шансы прийти к власти в стране своими силами стали нулевыми. Итогом сделки между правительством Ирака и руководством ОМИН стало создание сети лагерей, развернутой вдоль ирано-иракской границы, а также полноценного военного подразделения – Национальной

⁴ Iran: The Left and the War // Central Intelligence Agency. 22.10.1980. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp-85t00287r000102440001-2> (дата обращения 26 апреля 2026).

⁵ *Bani-Sadr A. My Turn to Speak: Iran, the Revolution & Secret Deals with the U.S.* Washington, D.C.: Brassey's, 1991. P. 213.

⁶ Ibid. P. 193.

освободительной армии Ирана (НОАИ)⁷. Хотя она воевала на стороне Ирака, моджахеды позиционировали себя как отдельную структуру, не подчиняющуюся Багдаду напрямую.

Летом 1988 г. Тегеран и Багдад, осознав бесперспективность войны, завершили ее. Несмотря на то, что моджахеды принимали полноценное участие в боевых действиях, иракская сторона никак не консультировалась с ними насчет условий перемирия. ОМИН восприняла конец войны негативно: завершение конфликта резко ограничивало спектр возможных действий по свержению правительства в Тегеране. Однако чрезмерная зависимость ОМИН от Ирака мешала моджахедам как-либо опротестовать действия Багдада. Вскоре правительство С. Хусейна и вовсе начало ограничивать деятельность ОМИН: Ирак снизил финансирование, закрыл радиостанции моджахедов, вещавшие на иранскую аудиторию, и приказал руководству ОМИН передать иракской армии пленных иранских солдат, захваченных моджахедами в ходе своих боевых операций. Также существует информация, что во время экономического кризиса, вызванного санкциями ООН против режима С. Хусейна после его вторжения в Кувейт в 1990 г., Ирак выслал в Иран часть моджахедов в обмен на гуманитарные поставки⁸.

Завершение ирано-иракской войны показало, что, несмотря на глубокую заинтересованность ОМИН и Ирака в сотрудничестве друг с другом, их мотивация к союзу различалась. Багдад руководствовался тактическим интересом: получать через моджахедов разведанные об Иране [Cohen 2009, p. 66]. ОМИН же опиралась на долгосрочные интересы и надеялась использовать поддержку Багдада для прихода к власти в Иране. Хотя Ирак помогал этим начинаниям, в момент выбора между поддержкой моджахедов и завершением затянувшегося конфликта, победила вторая опция. Ситуация в Ираке 1988 г. была похожа на ситуацию во Франции двумя годами ранее. Однако в этот раз диапазон возможных действий для моджахедов значительно сократился. Сотрудничество с Ираком было для ОМИН гораздо важнее, чем сотрудничество с Францией: без финансовой и материальной поддержки со стороны Багдада потенциал ОМИН в условиях разгрома иранских ячеек организации был бы значительно подорван.

⁷ Trainor B. Iran Dissidents Enter Gulf War // The New York Times. 1988. May 16. URL: <https://www.nytimes.com/1988/05/16/world/iran-dissidents-enter-gulf-war.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

⁸ Beeman W.O. Sealing a Trade Deal With Human Lives: Iran-Iraq: Baghdad sends Iranian resistance fighters home to certain death to secure supplies from Tehran // Los Angeles Times. 1990. Sept. 19. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1990-09-19-me-485-story.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

Зависимость моджахедов от режима С. Хусейна сыграла с ними злую шутку. Поражение Ирака в войне в Персидском заливе привело к восстанию иракских этнорелигиозных меньшинств: курдов и шиитов. Баасистское правительство привлекло ОМИН к борьбе с противниками режима. Моджахеды пользовались доверием Багдада, поскольку не зависели ни от одной из политических сил Ирака. Подавление восстания было отмечено многочисленными зверствами с ее стороны: в интервью с западными журналистами бывшие члены ОМИН вспоминали, что Масуд Раджави призвал своих сторонников «давить курдов танками, ведь пули нужны для стражей исламской революции»⁹. Подобный подход укрепил связи ОМИН с правительством С. Хусейна, однако подорвал любые возможности для будущего сотрудничества с курдами и шиитами. Кроме того, связь с властями Ирака окончательно испортила образ ОМИН в глазах западных политиков: до этого негативное впечатление об организации было обусловлено лишь дореволюционной борьбой ОМИН против США. В 1995 г. глава комитета НССИ по международным делам Мохаммад Мохаддесин, пытаясь реабилитировать моджахедов в глазах американской аудитории, дал интервью лоббисту ОМИН Дэниелу Пайпсу. М. Мохаддесин заявил, что недемократическая сущность союзного им баасистского режима обусловлена тоталитарным характером соседнего Ирана: демократизация ближневосточных государств возможна лишь после его уничтожения, которому США должны всячески способствовать¹⁰.

Также в 1990-е гг. моджахеды вернули себе роль ценного для Ирака актива в иранском вопросе. Отношения между Тегераном и Багдадом после окончания войны оставались холодными: страны так и не подписали мирный договор о завершении боевых действий. ОМИН при молчаливой поддержке Багдада начала проводить пограничные рейды на иранскую территорию. Тегеран инициировал ответные операции военно-воздушных сил и спецназа на иракской территории¹¹. Вялотекущее противостояние

⁹ *Rubin E.* The Cult of Rajavi // The New York Times. 2003. July 13. URL: <https://www.nytimes.com/2003/07/13/magazine/the-cult-of-rajavi.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

¹⁰ *Pipes D.* Interview with Mohammad Mohaddessin: «There is no Such Thing as Moderate Fundamentalist» // danielpipes.org. 1995. Sept. URL: <https://www.danielpipes.org/6309/mohammad-mohaddessin-no-such-thing-moderate-fundamentalist> (дата обращения 26 апреля 2026).

¹¹ *Iranian Planes Attacks Exiles' Base Inside Iraq* // Los Angeles Times. 1992. April 6. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1992-04-06-mn-443-story.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

с участием Ирана, Ирака и ОМИН продолжалось все 1990-е гг., приостанавливаясь лишь в редкие моменты нормализации отношений между Тегераном и Багдадом.

Таким образом, союз с режимом С. Хусейна заставил моджахедов пожертвовать поддержкой среди иранцев: после 1986 г. ОМИН выглядела в их глазах соучастником агрессии против Ирана. Расчет на то, что потеря сторонников внутри Ирана обернется значительной финансовой и материальной поддержкой со стороны Ирака, которая позволит свергнуть правительство в Тегеране военным путем, не оправдался. Когда издержки от ведения боевых действий превысили для Ирака все возможные выгоды, Багдад закончил войну: ОМИН никак не могла повлиять на это решение. После окончания войны моджахеды, не в силах заменить помощь режима С. Хусейна, были вынуждены встать на его сторону во внутривнутриполитическом иракском кризисе: в противном случае Ирак бы отказался спонсировать их дальше.

2003–2012. Повторная легализация на Западе и переезд в Албанию

Прежде чем хронологически продолжить повествование, необходимо дать *предысторию контактов ОМИН с США и странами Европы*, которые имели место параллельно с описанной выше деятельностью организации во Франции и Ираке. В 1980–1990-е гг. ОМИН пыталась выстроить контакты со странами Запада через создание медийной и лоббистской инфраструктуры на их территории. Реализация стратегии проходила с переменным успехом. Репутация ОМИН в США и странах Европы была плохой из-за прежней антизападной политики организации: в 1970-е гг. члены ОМИН совершали теракты против американских граждан¹².

Начавшаяся в 1981 г. борьба моджахедов с Тегераном заставила организацию изменить свою позицию. Теперь ОМИН видела в Западе не врага, а союзника: на их территории организация занялась выстраиванием инфраструктуры влияния на ситуацию в Иране. Моджахеды надеялись, что борьба против правительства в Тегеране поможет им заполучить симпатии стран Запада. В 1984 г. ОМИН запустила кампанию по сбору подписей среди американских политиков как из Демократической, так и из Республиканской партии в поддержку своей борьбы против Исламской

¹² Memo to Robert M. Jenkins // Central Intelligence Agency. 21.06.1988. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP90M00005R001100070001-7.pdf> (дата обращения 26 апреля 2026).

Республики. Подписантами писем в поддержку ОМИН стали республиканец Джон Маккейн, демократ Эдвард Кеннеди и будущий президент США Билл Клинтон¹³.

Несмотря на свою репутацию, ОМИН создала инфраструктуру на территории США, Великобритании, Германии и Франции. Во второй половине 1980-х гг. в американской прессе даже начали ходить слухи о финансовой поддержке ОМИН со стороны правительства США¹⁴. Однако документы ЦРУ говорят о скептицизме Вашингтона по отношению к моджахедам. Эксперты ведомства отрицали способность какой-либо оппозиционной группы, включая моджахедов, прийти к власти в Иране¹⁵. К тому же ОМИН продолжала восприниматься как террористическая группировка¹⁶.

1990-е гг. были для ОМИН временем перемен. На фоне краха мировой системы социализма моджахеда отказались от исламского марксизма как идейной основы организации. Теперь их целью стало создание в Иране республики, базировавшейся на демократических ценностях: выборных институтах, рыночной экономике, соблюдении прав и свобод человека. В 1993 г. НССИ избрал временного президента Ирана: им стала жена Масуда Раджави Марьям¹⁷. Идеологическим переменам сопутствовали организационные: на рубеже десятилетий ОМИН окончательно оформилась как политическая секта. Руководство запретило внутри организации межполовые отношения, приказав состоящим в браке моджахедам оформить развод [Cohen 2009, p. 37].

Деятельность ОМИН в странах Запада оказалась под угрозой после 1997 г., когда президентом Ирана стал реформатор Мохаммад Хатами, желавший нормализовать отношения со странами

¹³ Amb. Lincoln Bloomfield Attends Senate Meeting in Support of Iran Protests // National Council of Resistance of Iran. 18.03.2023. URL: <https://www.ncr-iran.org/en/demonization-speeches-conferences/amb-lincoln-bloomfield-attends-senate-meeting-in-support-of-iran-protests/> (дата обращения 26 апреля 2026).

¹⁴ Broder J. Moujahedeen Get Some U.S. Backing: Rebels Wage Campaign of War, Words Against Iran // Los Angeles Times. 1987. Nov. 30. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1987-11-30-mn-16899-story.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

¹⁵ Iran: Status of Opposition Groups // Central Intelligence Agency. 01.04.1985. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP-85T01058R000406060001-0.pdf> (дата обращения 26 апреля 2026).

¹⁶ Memo to Robert M. Jenkins...

¹⁷ Биография Марьям Раджави (زندگی نامه مریم رجوی) // Maryam-rajavi.com. <https://www.maryam-rajavi.com/biography/> (дата обращения 26 апреля 2026).

Запада. Вероятно, обоюдное желание администрации Б. Клинтона добиться улучшения отношений с Ираном привело к тому, что в 1997 г. власти США признали ОМИН террористической организацией¹⁸. В 2001 г. примеру США последовала Великобритания – запрета моджахедов на переговорах с британцами потребовал глава МИД Ирана Камаль Харрази¹⁹. В 2002 г. аналогичное решение принял ЕС, хотя и с оговоркой о легальном статусе НССИ²⁰. Стоит отметить, что еще до 2002 г. страны ЕС начали ограничивать активность ОМИН на своей территории. Так, в 1997 г. британский Форин-офис запретил Марьям Раджави въезд на территорию страны²¹.

Тем не менее нормализация отношений между странами Запада и правительством М. Хатами не удалась, что привело к парадоксальному статусу ОМИН в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Несмотря на свой террористический статус, связанные с ней структуры продолжили деятельность под эгидой НССИ, который с точки зрения закона террористической организацией не был. Двусмысленность была устранена лишь 2003 г., когда офисы совета в США были полностью закрыты²². Американские силовые органы помогали правоохранительным органам Германии и Франции в расследовании деятельности ОМИН на территории этих государств – итогом этого стал рейд 2003 г. Инициированный правительством Франции во главе с вернувшимся во власть президентом Ж. Шираком, он стал наиболее кризисным моментом за все время отношений ОМИН и стран Запада. Французская полиция произвела массовые аресты моджахедов, включая Марьям Раджави. Официально причиной рейда стала террорис-

¹⁸ Foreign Terrorist Organizations // U.S Department of State. <https://www.state.gov/foreign-terrorist-organizations> (дата обращения 26 апреля 2026).

¹⁹ British Foreign Secretary Jack Straw tells BBC Radio that Iran has opportunity to «Put itself back on track» // Voltairenet.org. 01.02.2006. URL: <https://www.voltairenet.org/article134962.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

²⁰ Council Common Position of 2 May 2002 updating Common Position 2001/931/CFSP on the application of specific measures to combat terrorism // EUR-lex. 02.05.2002. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32002E0340&qid=1777645548111> (дата обращения 26 апреля 2026).

²¹ *Smith B.* The People's Mujahedeen of Iran (PMOI) // House of Commons Library. 07.03.2016. P. 3.

²² *Katzman K.* Op. cit. P. 9.

тическая деятельность ОМИН во Франции²³. Однако вероятнее, что мотивация Парижа в 2003 г. была иной: французский политолог Оливье Руа предполагал, что арест моджахедов должен был поспособствовать успеху переговоров Франции и Ирана по ядерной программе²⁴ и борьбе с международным терроризмом²⁵. В пользу этой версии говорит тот факт, что конец преследования моджахедов совпал с началом кризиса вокруг иранской ядерной программы.

В 2003 г. в деятельности ОМИН начался новый этап: весной того года американская армия свергла режим С. Хусейна. В ходе вторжения, вероятно, погиб Масуд Раджави, в связи с чем единоличным лидером всех структур моджахедов стала его супруга Марьям. Силы моджахедов оказались заблокированы в собственных лагерях: их судьба решалась в переговорах с американским командованием в Ираке. Оно разрешило моджахедам разоружиться и продолжить свою деятельность на территории лагеря Ашраф. Правительство США также отказалось выдать моджахедов иранским властям.

Такая мягкость по отношению к организации, официально считавшейся в США террористической, была вызвана жесткой антииранской политикой президента Джорджа Буша-младшего и желанием представителей американской армии использовать моджахедов в своих целях. Хотя администрация Буша при этом сомневалась в способности любых представителей иранской оппозиции прийти к власти в Тегеране²⁶, Пентагон видел в сотрудничестве с ней возможность добиться своих краткосрочных целей. Так же, как и двадцать лет назад Ирак С. Хусейна, Пентагон был заинтересован в контактах с ОМИН для получения разведанных об Иране²⁷.

²³ Sciolino E. Iranian Opposition Movement's Many Faces // New York Times. 2003. June 30. URL: <https://www.nytimes.com/2003/06/30/world/iranian-opposition-movement-s-many-faces.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

²⁴ Стоит отметить, что начало широкого кризиса вокруг иранской ядерной программы было вызвано в 2002 г. публикацией данных о ядерных объектах Тегерана самими моджахедами.

²⁵ Rotella S. Hunger Strikers Line a Sunny Lane in France // Los Angeles Times. 2003. July 1. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2003-jul-01-fg-iranian1-story.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

²⁶ Marshall T. U.S. Hopes of Iran Change Have Little to Hang On // Los Angeles Times. 2004. Dec. 5. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2004-dec-05-fg-iranop5-story.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

²⁷ Bruck C. Exiles // The New Yorker. 2006. March 6. P. 58.

В то же время американские дипломаты выступали резко против любого сотрудничества с ОМИН, продолжая считать организацию террористической. В 2003 г. в американскую прессу утекла информация о том, что государственный секретарь США Колин Пауэлл написал осуждающее письмо министру обороны Дональду Рамсфельду: впоследствии Госдеп не опроверг, но и не подтвердил наличие подобного документа²⁸. Мнение Пауэлла поддерживал координатор Госдепа по антитеррористической деятельности Кофер Блэк²⁹ и советник по национальной безопасности, будущий государственный секретарь Кондолиза Райс³⁰. Противостояние дипломатов и военных продолжалось весь президентский срок Буша: документы Госдепа США с сайта WikiLeaks свидетельствуют о том, что ведомство намеренно затягивало процесс отмены признания ОМИН террористической организацией³¹.

Во второй половине 2000-х гг., на фоне нарастающих противоречий между странами Запада и Ираном, связанными с невозможностью разрешить иранский ядерный вопрос, а также с приходом к власти в Тегеране консерватора Махмуда Ахмадинежада, *оттепель в отношениях моджахедов с США и странами Европы продолжилась*. ОМИН смогла добиться отмены решений о признании моджахедов террористами: в этом организации помогла широкая сеть лоббистов. Сторонниками ОМИН могли быть представители всего политического спектра западных государств: и левые, и правые. Помимо денег, мотивация лоббистов строилась на неприязни к Тегерану: представители левых партий (демократы в США, лейбористы в Великобритании, социалисты во Франции) видели в нем антидемократическое государство, а представители правых (республиканцы в США, консерваторы в Великобритании)

²⁸ Holley D. General Seeks to Allay Fears About Iran Group // Los Angeles Times. 2003. Sep. 12. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2003-sep-12-fg-moujahedeen12-story.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

²⁹ Gordon M.R. AFTEREFFECTS: POLITICS; On Order From Bush, U.S. Troops in Iraq Begin Disarming Iranian Opposition Group // The New York Times. 2003. May 10. URL: <https://www.nytimes.com/2003/05/10/world/aftereffects-politics-order-bush-us-troops-iraq-begin-disarming-iranian.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

³⁰ Kessler G. Rice Clarifies Stand On Iranian Group // The Washington Post. 2003. Nov. 13. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2003/11/13/rice-clarifies-stand-on-iranian-group/> (дата обращения 26 апреля 2026).

³¹ Dear Doug, when we last spoke... // WikiLeaks. 2011. July 6. URL: <https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/8149> (дата обращения 26 апреля 2026).

считали угрозой своим государствам. Бывший губернатор Пенсильвании республиканец Том Ридж объяснял получение денег от ОМИН принципом «враг моего врага – мой друг»: моджахеда – соперники Ахмадинежада, угрожающего интересам США³².

Первой страной, отменившей признание ОМИН террористической организацией, стала Великобритания³³. Решение, принятое в 2008 г., не имело под собой консенсуса внутри британского правительства: его раскритиковал министр внутренних дел Тони Макналти³⁴. В начале 2009 г., несмотря на сопротивление европейских министров иностранных дел, ОМИН перестала быть вне закона и в ЕС³⁵. В 2012 г., уже в президентский срок Барака Обамы, решение об отзыве признания моджахедов террористами было принято и в США³⁶.

Формальной мотивацией для всех вышеописанных решений послужило отсутствие доказательств терроризма ОМИН, направленной против мирного населения. Кроме того, в пользу моджахедов играл тот факт, что их разоружение войсками США сократило возможности для терактов на территории Ирана. Другим важным событием, которое улучшило образ организации, стал кризис вокруг лагеря Ашраф, в котором моджахеда оказались заперты после вторжения в Ирак 2003 г. Власть в Багдаде после этого события оказалась в руках шиитов и курдов, в репрессиях против которых в правление С. Хусейна участвовали моджахеда. В 2009 г., когда контроль над безопасностью в лагере Ашраф был передан от американской армии иракским силовым структурам, Багдад решил привлечь ряд моджахедов по обвинению в преступлениях во время

³² *Shane S.* For Obscure Iranian Exile Group, Broad Support in U.S. // The New York Times. 2011. Nov. 26. URL: <https://www.nytimes.com/2011/11/27/us/politics/lobbying-support-for-iranian-exile-group-crosses-party-lines.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

³³ The Terrorism Act 2000 (Proscribed Organisations) (Amendment) Order 2008. // Legislation.gov.uk. 23.06.2008. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2008/1645/contents/made> (дата обращения 26 апреля 2026).

³⁴ *Murphy C.* Group's 'terrorist' label struck down // Los Angeles Times. 2007. Dec. 1. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2007-dec-01-fg-mujahedin1-story.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

³⁵ PRESS RELEASE. 2920th Council meeting // Council of the European Union. 26.01.2009. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/gena/105560.pdf (дата обращения 26 апреля 2026).

³⁶ Delisting of the Mujahedin-e Khalq // U.S. Department of State. 28.09.2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/198443.htm> (дата обращения 26 апреля 2026).

подавления восстания в 1991 г.: представители ОМИН назвали это решение «подарком Тегерану»³⁷. Попытка иракских властей взять лагерь под свой контроль оказалась неудачной и привела к затяжному кризису³⁸. Он закончился лишь в 2013 г.: при посредничестве ООН и США стороны договорились о переезде структур ОМИН в Албанию³⁹.

2013 – настоящее время.

Маргинализация при сохранении легального статуса

Во второй половине 2010-х гг. уровень контактов между ОМИН и странами Запада снизился. Причиной этого стало падение популярности моджахедов внутри Ирана и в диаспоре. По мнению зарубежных экспертных центров, ОМИН и НССИ ассоциируются в сознании иранцев не с демократической альтернативой правительству в Тегеране, а с политической сектой⁴⁰. Хотя моджахеды продолжают свою деятельность, в том числе на территории западных государств, их прежнее звание главной оппозиционной силы остается сомнительным.

Политики из Демократической партии США относятся к моджахедам без особой симпатии. В 2023 г., во время президентского срока Джо Байдена албанская полиция провела рейд на базу ОМИН Ашраф 3. Белый дом поддержал полицейскую операцию. Предполагается, что ее подоплека была схожа с рейдом во Франции двадцатилетней давности: добиться компромисса

³⁷ Iraqi court seeks arrest of Iranian exiles // Reuters. 2010. July 11. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSLDE66A0A0/> (дата обращения 26 апреля 2026).

³⁸ Williams T. Clashes at Iranian Exile Camp in Iraq // The New York Times. 2009. July 29. URL: <https://www.nytimes.com/2009/07/30/world/middleeast/30iraq.html> (дата обращения 26 апреля 2026).

³⁹ United States Welcomes Government of Albania Resettlement Offer for Former Camp Ashraf Residents // U.S Department of State. 18.03.2013. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/03/206362.htm> (дата обращения: 26.04.2026).

⁴⁰ Goulka J, Hansell L, Wilke E, Larson J. The Mujahedin-e Khalq in Iraq: A Policy Conundrum. RAND Corporation. 2009. P. 76-77. Деятельность корпорации RAND на территории Российской Федерации признана нежелательной.

с Ираном по ядерному вопросу⁴¹. Нынешняя опора моджахедов в США – ряд деятелей Республиканской партии США: бывший мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани, бывший советник Дональда Трампа Джон Болтон, бывший вице-президент Д. Трампа Майк Пенс⁴². Единственный на момент начала Двенадцатидневной войны сторонник ОМИН в руководстве США – госсекретарь Марко Рубио, до этого бывший лоббистом моджахедов⁴³. Однако неизвестно, имеет ли поддержка Рубио ОМИН мотивацию кроме финансовой. Помимо связей в американском руководстве, моджахеды сохраняют контакты со структурами Европейского союза. Марьям Раджави регулярно выступает в Европарламенте.

Маловероятно, что ОМИН на настоящем этапе обладает возможностью прийти к власти в Тегеране. Хотя уровень поддержки моджахедов внутри Ирана достоверно оценить невозможно, ряд признаков намекает на то, что он низкий. Социологи из числа представителей иранской диаспоры сообщают, что в их опросе только 0,3% респондентов выбрали Марьям Раджави желаемым лидером страны в будущем⁴⁴. В пользу отсутствия у ОМИН шансов на приход к власти говорит и тот факт, что в ходе январских массовых протестов 2026 г. объединяющей фигурой для участников демонстраций стал другой оппозиционер – наследный принц Реза Пехлеви.

Если допустить маловероятный сценарий прихода ОМИН к власти в Иране, то предположения и догадки о ней можно строить, анализируя существующие документы организации. В опубликованных в 2006 г. 10 пунктах Марьям Раджави заявляет свою приверженность «международному и региональному

⁴¹ *Weinthal B.* Was raid on Iran opposition group tied to possible new Biden-Tehran nuclear talks? // Fox News. 2023. June 25. URL: <https://www.foxnews.com/world/was-raided-iran-opposition-group-tied-possible-new-biden-tehran-nuclear-talks> (дата обращения 26 апреля 2026).

⁴² *Etehad M.* This Iranian opposition group was labeled a terrorist organization. Now it has supporters in the White House // Los Angeles Times. 2019. July 29. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2019-07-28/this-iranian-opposition-group-w-a-terrorist-organization-now-it-has-supporters-in-the-white-house> (дата обращения 26 апреля 2026).

⁴³ Remarks by Senator Marco Rubio at Iran webinar – September 18, 2020 // YouTube. 24.09.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ESrsFhtH_TU (дата обращения 26 апреля 2026).

⁴⁴ *Maleki A.* Iranians' Political Preferences in 2024: An Analytical Report on GAMAAN's Survey Findings // GAMAAN. 2025. URL: <https://gamaan.org/2025/08/20/analytical-report-on-iranians-political-preferences-in-2024/> (дата обращения 26 апреля 2026).

сотрудничеству»⁴⁵. Она также декларирует отказ нового Ирана от любых планов по созданию ядерного оружия и обогащения урана: при этом лидер моджахедов не дает никаких комментариев по поводу сферы мирного атома⁴⁶.

Другой важный момент – отказ гипотетического Ирана моджахедов от противостояния с Западом и другими странами региона. Подобное предположение исходит из того, что на современном этапе ОМИН активно критикует курс Тегерана на противостояние с Западом и поддержку союзных Ирану группировок из Оси сопротивления⁴⁷. Нетрудно представить, что Иран Марьям Раджави мог бы также нормализовать отношения с Тель-Авивом: ОМИН относится к еврейскому государству комплиментарно. Марьям Раджави вменяла Ирану вину за последнюю войну в Газе⁴⁸. С Израилем ОМИН также связывают эпизоды сотрудничества: Тель-Авив предоставлял оппозиционерам спутниковую инфраструктуру для вещания на иранскую аудиторию и, по некоторым данным, в 2002 г. именно Моссад передал ОМИН информацию о ядерной программе Ирана, которая впоследствии была обнародована широкой публике на заседании НССИ⁴⁹. При этом, скорее всего, Иран моджахедов будет менее прозападным, чем Иран других представителей иранской оппозиции, в частности – сторонников Р. Пехлеви: на протяжении истории существования ОМИН

⁴⁵ План Марьям Раджави из 10 пунктов: краткое введение (رجوی؛ معرفی به اختصار برنامه ۱۰ مادهای مریم) // Mojahedin.org. 22.06.2024. URL: <https://article.mojahedin.org/i/%D8%A8%D8%B1%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87-%D9%85%D8%A7%D8%AF%D9%87-%D8%A7%DB%8C-%D9%85%D8%B1%DB%8C%D9%85-%D8%B1%D8%AC%D9%88%DB%8C-%D9%85%D8%B9%8B%D9%81%DB%8C-%D8%A8%D9%87-%D8%A7%D8%AE%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%B1> (дата обращения 25.04.2026).

⁴⁶ Ядерная программа режима (برنامه هسته‌ای رژیم) // Maryam-rajavi.com. URL: <https://www.maryam-rajavi.com/viewpoints/regime-program-nuclear-free-iran/> (дата обращения 26 апреля 2026).

⁴⁷ Речь Марьям Раджави в Европейском парламенте (در پارلمان اروپا سخنرانی مریم رجوی) // Maryam-rajavi.com. 20.11.2024. URL: <https://www.maryam-rajavi.com/a-new-policy-on-iran-focused-on-its-people-and-resistance/> (дата обращения 26 апреля 2026).

⁴⁸ Today, the mullahs are engaged in three wars... // X.com. 28.11.2023. URL: https://x.com/Maryam_Rajavi/status/1729541998095307214 (дата обращения 26 апреля 2026). Социальная сеть “X” (бывшая “Twitter”) заблокирована в РФ с марта 2022 г. (ее материнская организация “Meta” признана «экстремистской организацией» и запрещена в России).

⁴⁹ Bruck C. Op. cit. P. 56.

ее уровень поддержки решений западных правительств был ниже, чем у других сегментов внесистемной оппозиции. В частности, моджахедаы последовательно выступали против военного вторжения в Иран, сохранив эту позицию во время Двенадцатидневной войны⁵⁰.

Помимо этого, высока вероятность, что приход моджахедаов к власти в Тегеране привел бы к снижению уровня сотрудничества Ирана с Россией. В 2022 г. ОМИН осудила действия России на Украине, пожелав победы Киеву⁵¹. Помимо этого, моджахедаы подвергли критике поставки иранского оружия в Россию, призвав мировое сообщество ввести за это санкции против Тегерана⁵². Последний факт указывает на то, что негативное отношение моджахедаов к России обусловлено не целенаправленным ресентиментом в сторону Москвы, а желанием использовать преобладающие в западном обществе нарративы в свою пользу, связав конфликт на Украине с иранским сюжетом.

Заключение

Главный фактор сотрудничества ОМИН с иностранными государствами – желание компенсировать отсутствие массовой поддержки внутри Ирана финансовой и материальной помощью со стороны внешних игроков. В начале 1980-х гг. деятельность ОМИН за границей ограничивалась просьбами о предоставлении политического убежища и созданием средств массовой информации. Это было связано с надеждой свергнуть правительство в Тегеране своими силами через партизанскую борьбу. Разгром струк-

⁵⁰ Подробнее см.: *Маргоев А.Р., Наумчик А.А.* Взгляды иранской внесистемной оппозиции на двенадцатидневную войну 2025 г. // Пути к миру и безопасности. 2025. № 2 (69). С. 85–99.

⁵¹ May 2023 be the year... // X.com. 29.12.2022. URL: https://x.com/Maryam_Rajavi/status/1608560794374914048 (дата обращения 26 апреля 2026). Социальная сеть “X” (бывшая “Twitter”) заблокирована в РФ с марта 2022 г. (ее материнская организация “Meta” признана «экстремистской организацией» и запрещена в России).

⁵² At least 178 people... // X.com. 24.09.2024. URL: https://x.com/Maryam_Rajavi/status/1838611517723603320 (дата обращения: 26.04.2026). Социальная сеть “X” (бывшая “Twitter”) заблокирована в РФ с марта 2022 г. (ее материнская организация “Meta” признана «экстремистской организацией» и запрещена в России).

тур моджахедов внутри Ирана к середине 1980-х гг. подтолкнул организацию к противоречивому союзу с режимом С. Хусейна. Хотя это подорвало популярность моджахедов среди иранцев, относившихся к Ираку как к агрессору, ОМИН надеялась компенсировать эти негативные аспекты получением значительной помощи от нового союзника. Неудача ОМИН в ирано-иракской войне лишь усугубила ситуацию: прекращение сотрудничества с патроном окончательно подорвало бы ее потенциал, заставив отказаться от любых планов по захвату власти в Тегеране.

Необходимость опираться на внешние силы ослабляет ОМИН и в других случаях. Стратегия ОМИН по выстраиванию отношений со странами Запада столкнулась с двумя нерешаемыми проблемами: желание внешних акторов ставить свои интересы выше интересов ОМИН и чувствительность к внутривнутриполитической конъюнктуре иностранных государств. В случае кризисной ситуации, как в 1986 г. во Франции, иностранные государства игнорируют интересы ОМИН в угоду своим целям – последствиями такого подхода могут быть как снижение финансирования, так и объявление моджахедов террористами. В случае прихода к власти политических сил, желающих нормализовать отношения с Тегераном, моджахеды часто становятся «разменной монетой» в таких переговорах. Попытки создать сеть сторонников внутри западных правительств также не оправдывают ожиданий. Даже в период расцвета ОМИН известны случаи, когда лоббист моджахедов, приходя во власть, отказывался от продвижения их интересов – например, Б. Клинтон, подписывавший письма в поддержку ОМИН, спустя несколько лет внес их в список террористов.

В настоящий момент возможность моджахедов прийти к власти с помощью иностранных государств остается маловероятной. На фоне кризиса в отношениях Запада и Ирана ОМИН рассчитывает добиться поддержки среди политиков США, стран Европы и Израиля, однако реноме секты и малое число сторонников внутри Ирана мешают этому: другие оппозиционные силы, такие как сторонники Р. Пехлеви, кажутся Западу более привлекательными. Тем не менее в том гипотетическом случае, если бы ОМИН пришла бы к власти в Тегеране, ее нынешняя внешнеполитическая деятельность могла бы лечь в основу дипломатии нового Ирана. Можно предположить, что гипотетический Тегеран моджахедов нормализовал бы отношения с Западом, убедил бы мировое сообщество в том, что у него нет планов по использованию атома в военных целях, и снизил бы уровень сотрудничества с Россией.

Литература

- Дружиловский 2007 – Дружиловский С.Б. США уже ведут войну против Ирана? // Азия и Африка сегодня. 2007. № 12. С. 6–10.
- Дунаева и др. 2022 – Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Иран: проблемы и протесты // Восточная аналитика. 2022. Т. 13. № 4. С. 9–30.
- Раванди-Фадаи 2002 – Раванди-Фадаи Л.М. Концептуальные основы шиитских подсистем в современном Иране // Востоковедный сборник. Сб. ст. / Отв. ред. А.В. Федорченко, А.О. Филоник. М.: ИВ РАН, 2002. С. 112–120.
- Филин 2008 – Филин Н.А. Террористическая деятельность радикальной оппозиции в Иране (1998–2008) // Восток. Oriens. 2009. № 2. С. 117–124.
- Филин 2015 – Филин Н.А. Неудавшаяся революция цвета ислама: причины подъема и упадка Зеленого движения в Иране. М.: URSS, 2015. 320 с.
- Юртаев 1993 – Юртаев В.И. Иран: студенты в исламской революции. М.: Наука. Восточная литература, 1993. 218 с.
- Abrahamian 1989 – Abrahamian E. Radical Islam: the Iranian Mojahedin. L.: I.B. Tauris & Co. Ltd., 1989. 307 p.
- Cohen 2009 – Cohen R. The Rise and Fall of the Mojahedin Khalq, 1987–1997: Their Survival after the Islamic Revolution and Resistance to the Islamic Republic of Iran. Brighton; Portland: Sussex Academic Press, 2009. 233 p.
- Izadi 2012 – Izadi P. French-Iranian Relations: A New Realistic Perspective // Iranian Review of Foreign Relation. 2012. No. 3. P. 37–56.

References

- Abrahamian, E. (1989), *Radical Islam: The Iranian Mojahedin*, I.B.Tauris & Co. Ltd, London, UK.
- Cohen, R.A. (2009), *The Rise and Fall of the Mojahedin Khalq, 1987–1997: Their Survival after the Islamic Revolution and Resistance to the Islamic Republic of Iran*, Sussex, Academic Press, Brighton, UK, Portland, USA.
- Druzhilovskii, S.B. (2007), “Are the USA Already Waging War against Iran?”, *Asia and Africa Today*, no. 12, pp. 6–10.
- Dunayeva, E.V., Mamedova, N.M., and Sazhin, V.I. (2022), “Iran: problems and protests”, *Vostochnaya analitika* [Oriental Analytics], vol. 13, no. 4, pp. 9–30.
- Filin, N. A. (2009), “The Terrorist Activity of the Radical Opposition in Iran”, *Vostok. Oriens*, no. 2, pp. 117–124.
- Filin, N.A. (2015), *Neudavshayasya revolyutsiya tsveta islama: prichiny pod'yoma i upadka Zelyonogo dvizheniya v Irane* [The Failed Revolution of the Color of Islam: Causes of the Rise and Decline of the Green Movement in Iran], URSS, Moscow, Russia.
- Izadi, P. (2012), “French-Iranian Relations: A New Realistic Perspective”, *Iranian Review of Foreign Relation*, no. 3, pp. 37–56.

- Ravandi-Fadai, L.M. (2002), "Conceptual Bases of Shia' Subsystems in Contemporary Iran", Fedorchenko, A.V. and. Filonik, A.O (eds.), *Vostokovedniy sbornik [Oriental Records]*. IV RAN, Moscow, Russia, pp. 112–120.
- Yurtaev, V.I. (1993), *Iran: studenty v islamskoi revolyutsii* [Iran: Students in the Islamic Revolution], Nauka, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», Moscow, Russia.

Информация об авторе

Арсений А. Наумчик, Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; naumchikarseny@gmail.com

Information about the author

Arseny A. Naumchik, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 76. Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119454; naumchikarseny@gmail.com

Ирано-китайские отношения: практическое наполнение, стимулы и препятствия к стратегическому партнерству

Иван Е. Паппинен

Центр внешнеполитического сотрудничества

им. Е.М. Примакова

Москва, Россия, iv.pappinen@yandex.ru

Аннотация. Сегодня Китай выступает важнейшим международным партнером Исламской Республики Иран. В 2016 г. страны объявили о повышении уровня отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства; в то же время в Иране нет консенсуса о том, что означает стратегическое партнерство, и существуют различные оценки того, соответствуют ли отношения с Китаем этому уровню. Цель данной статьи – определить, на каком уровне сегодня находятся ирано-китайские отношения, каковы интересы и ожидания сторон в отношении друг друга. В статье сделан обзор отношений между ИРИ и КНР начиная с 1979 г. и проведен комплексный анализ их современного состояния, охватывающий политические, экономические и военно-технические аспекты их взаимодействия. Выявлены и сопоставлены интересы двух стран в двустороннем, региональном и глобальном измерении; определены внутренние и внешние факторы, влияющие на динамику развития отношений. Делается вывод о том, что препятствия к наращиванию ирано-китайского сотрудничества лежат, прежде всего, на иранской стороне, а взаимные ожидания двух стран различаются как в силу их глубоко различного внутреннего и международного положения, так и принципиальной разницы во внешнеполитических стратегиях. При этом ряд сближающих факторов свидетельствуют о высоком конструктивном потенциале партнерства, который может быть реализован при условии качественных изменений ситуации внутри и вокруг Ирана, а также более грамотного управления ожиданиями в Тегеране в отношении Китая.

Ключевые слова: Иран, Китай, ирано-китайские отношения, всеобъемлющее стратегическое партнерство

Для цитирования: Паппинен И.Е. Ирано-китайские отношения: практическое наполнение, стимулы и препятствия к стратегическому

партнерству // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 4. С. 58–76. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-58-76

Iran-China relations: practical substance, drivers, and obstacles to strategic partnership

Ivan E. Pappinen

*Primakov Center for Foreign Policy Cooperation
Moscow, Russia, iv.pappinen@yandex.ru*

Abstract. Today, China is a key international partner of the Islamic Republic of Iran. In 2016, the countries announced the elevation of their relations to a comprehensive strategic partnership; at the same time, there is no consensus in Iran on what strategic partnership means, and various assessments exist regarding whether relations with China meet this level. The purpose of this article is to determine the current state of Iran-China relations, as well as the interests and expectations of the parties toward each other. The article reviews relations between the IRI and the PRC since 1979 and provides a comprehensive analysis of their current state, covering the political, economic, and military-technical aspects of their interaction. The interests of the two countries in the bilateral, regional, and global dimensions are identified and compared; internal and external factors influencing the dynamics of the relationship are determined. It is concluded that the obstacles to expanding Iran-China cooperation lie primarily on the Iranian side, while the mutual expectations of the two countries differ both due to their vastly different domestic and international positions and the fundamental divergence in their foreign policy strategies. At the same time, a number of converging factors indicate a high constructive potential for the partnership, which could be realized provided there are qualitative changes in the situation inside and around Iran, as well as more skillful management of expectations in Tehran regarding China.

Keywords: Iran, China, Iran-China relations, comprehensive strategic partnership

For citation: Pappinen, I.E. (2026), “Iran-China relations: practical substance, drivers, and obstacles to strategic partnership”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 58–76, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-58-76

Среди партнеров Исламской Республики Иран на международной арене нет другой страны, которая в совокупности играет для нее большее значение, чем Китайская Народная Республика.

Сегодня Иран с Китаем объединяют узы устойчивого партнерства, значение которого возрастает по мере затягивания ирано-американского и ирано-израильского конфликтного узла. В 2016 г. Иран и Китай объявили о выводе отношений на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. Вместе с тем в Иране нет консенсуса о том, что означает стратегическое партнерство, и в общественно-политической дискуссии присутствуют различные оценки того, соответствуют ли отношения с Китаем этому уровню. В связи с этим цель данной статьи – определить, на каком уровне сегодня находятся ирано-китайские отношения и каковы ожидания сторон в отношении друг друга. Автор стремится внести вклад в восполнение пробела в российской иранистике, связанного с недостатком академических работ по ирано-китайским отношениям¹.

Ирано-китайские отношения после 1979 г.: исторический экскурс

История контактов между Персией и Китаем уходит корнями в глубокое прошлое. Первые задокументированные контакты между двумя странами относятся ко II в. до н. э.; на протяжении истории Китай и Иран никогда не вступали в конфликт, поэтому сегодня их отношения не отягощены грузом негативной исторической памяти. Напротив, их объединяет наличие глубокого цивилизационного фундамента, а также схожий опыт притеснения со стороны европейских государств.

С победой исламской революции в Иране Китай поспешил установить отношения с новым руководством Ирана. Наиболее сильный импульс развитию отношений Ирана и Китая придала ирано-иракская война. Иран, оказавшийся в международной изоляции, остро нуждался во внешней помощи, в частности, в поставках вооружений, а также стремился заручиться поддержкой Китая на международной арене.

При этом ни официально, ни фактически Китай не был союзником Ирана. Для Пекина было важно зарекомендовать себя

¹ За последние более чем 10 лет в России было издано всего несколько работ по этой теме, а также изредка появляются аналитические публикации, посвященные текущим событиям в ирано-китайских отношениях. См.: [Полищук 2014; Дунаева и др. 2025]; *Сажин В.И.* Иран – Китай: стратегический союз? // *Международная жизнь*. 14.04.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/printable/29749?ysclid=mq3w1qiw49982181988>

«ответственной» державой² с глобальными интересами, а также не допустить полноценного вмешательства США в конфликт. Китай на уровне официальной риторики призывал мировое сообщество к прекращению поставок вооружений воюющим сторонам, в то же время сам негласно продолжал это делать. Он воздержался от осуждения иракской агрессии и занял нейтральную позицию, созвучную другим ведущим державам, хотя и не проявлял предвзятости в пользу Ирака. Китай поставлял вооружения обеим воюющим сторонам, так что в 1980-е гг. 57% китайского экспорта военной продукции пришлось на Иран и Ирак. При этом Иран импортировал из Китая 22% своих вооружений на 3,3 млрд долл., а Ирак – 9% на 4,2 млрд долл. [Пирсалами 2016].

В долгосрочном отношении Китай сделал ставку на Иран. Если в 1979 г. над устанавливающимися китайско-иранскими отношениями довлела свежая память о дружбе КНР с шахом Пехлеви, теплые отношения между Пекином и Вашингтоном и страх китайских коммунистов перед религиозно-революционной идеологией нового Ирана, то к концу 1980-х гг. значение этих обстоятельств сошло на нет, в ходе войны Китай зарекомендовал себя как основной партнер Ирана, и между странами установились конструктивные политико-дипломатические и разноплановые экономические отношения [Garver 2014, p. 93]. Иранская экономика нуждалась в инвестициях для послевоенного восстановления, и Иран стал первым региональным рынком для китайского капитала.

Китайские фирмы участвовали в строительстве ряда важных объектов в Иране: тегеранского метро, железных дорог, нефтеперерабатывающих заводов, плотин и пр. Начиная с 1990-х гг. можно проследить, что экономическое сотрудничество Китая с Ираном вписывалось в китайскую геоэкономическую стратегию «выхода за рубеж» (going out), нацеленную на широкое экономическое проникновение и освоение китайскими производителями внешних рынков³. Кроме того, Иран выступал одним из крупнейших поставщиков нефти в Китай, что было особенно актуально для последнего

² Понятие «ответственной державы», хотя и имеет западное происхождение, отнюдь не чужд китайской политической мысли. Китайские исследователи активно используют его при анализе внешней политики своей страны начиная с последней четверти XX в., в частности, применительно к китайско-иранским отношениям. См., например: [Esmaceli, Zhang 2022].

³ Данная концепция была официально сформулирована в 2000 г. К этому времени темпы роста производства в Китае опережали темпы роста внутреннего потребления, что было чревато кризисом. Выход был найден в развитии экспортоориентированной экономики. См.: [Столярова 2009].

в условиях начавшегося интенсивного роста экономики. В 1993 г. Китай впервые стал нетто-импортером нефти, а за 1990-е гг. его внутреннее потребление нефти и нефтепродуктов выросло почти вдвое⁴. Китай также внес значительный вклад в становление атомных исследований и промышленности в Иране.

На фоне потепления в отношениях с США в конце 1990-х гг. Китай отказался от атомного сотрудничества с Исламской Республикой и поставок в Иран противокорабельных ракет – наиболее чувствительной для США статьи ирано-китайского военно-технического сотрудничества. Иран при президенте М. Хатами (1997–2005) также делал акцент на взаимодействии с США: к периоду его президентства относятся наиболее конкретные примеры сотрудничества Тегерана и Вашингтона, например, в рамках операции США в Афганистане и в ходе послевоенного обустройства Ирака. Приоритетной задачей для Хатами было развитие отношений с Западом.

В то же время Китай взял курс на углубление экономического сотрудничества с Ираном. В 2000-е и 2010-е гг. китайские нефтегазовые корпорации Sinorep и CNPC инвестировали в разработку иранских месторождений Ядавара [Solhdoost 2021], Северный Азадеган (нефть) и Южный Парс (газ). Тем не менее в дальнейшем участие Китая в данных проектах было свернуто в связи с санкциями против иранского нефтяного сектора и двусторонними разногласиями [Ehteshami et al. 2017].

Во второй половине 2000-х – первой половине 2010-х гг. основным фактором, влиявшим на развитие ирано-китайских отношений, стал международный кризис вокруг иранской ядерной программы и рост санкционного давления на Иран. По мере разрастания кризиса Китай взял на себя (наряду с Россией) роль посредника между США и Ираном. Пекин стремился защитить свои экономические интересы в Иране, не допустить создание Ираном ядерного оружия, равно как и военное вмешательство США [Scita 2022]. Китай поддержал все резолюции СБ ООН, принятые с 2006 по 2012 г. и вводившие санкции против Тегерана. В то же время он избегал солидаризации с Западом в вопросе давления на Иран и стремился к сохранению позитивной динамики в отношениях с последним.

Западные санкции оказали глубокое воздействие на иранскую экономику, в частности, создали вакуум на иранском потребитель-

⁴ Iran & China: A Trade Lifeline. The Iran Primer: Power, Politics and U.S. Policy / United States Institute of Peace: electronic resource. July 5, 2023. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/jun/28/iran-china-trade-lifeline> (дата обращения 10 марта 2026).

ском рынке. Это открыло его двери для китайских производителей: годы президентства М. Ахмадинежада (2005–2013) стали периодом затоваривания полок иранских магазинов дешевой и низкосортной китайской продукцией. Китайская конкуренция вкупе с высокой инфляцией создавала непростые условия для иранского бизнеса.

В 2016 г. Председатель КНР Си Цзиньпин нанес государственный визит в Иран, в ходе которого было подписано соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Таким образом, Иран стал четвертым государством на Ближнем Востоке, с которым Китай поднял отношения до этого уровня⁵. Си первым из руководителей крупнейших держав мира нанес визит в Тегеран после подписания Совместного всеобъемлющего плана действий, положившего конец (как оказалось, временно) кризису вокруг ядерной программы Ирана.

Палитра сотрудничества на современном этапе

В марте 2021 г., после весьма долгой подготовки и обсуждений, министры иностранных дел Ирана и Китая подписали соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, призванное наполнить содержанием провозглашенный пятью годами ранее новый уровень двусторонних отношений. Текст документа не опубликован, поэтому судить о его содержании можно только на основе вторичных источников. Можно с уверенностью утверждать, что соглашение представляет собой дорожную карту сотрудничества в различных областях и носит декларативно-политический, а не юридический обязывающий характер⁶. Тем не менее оно вызвало широкий медийный резонанс, активизировав дискуссии о перспективах сотрудничества Тегерана и Пекина.

При этом реальный уровень ирано-китайских отношений, смысл понятия «стратегическое партнерство» и его практическое наполнение порождают у исследователей различные мнения. Для определения фактического характера и глубины двустороннего сотрудничества необходимо проанализировать актуальные направления взаимодействия Ирана и Китая, а также сопоставить взаимные интересы, риски и ожидания двух стран.

⁵ Китай установил отношения всеобъемлющего стратегического партнерства с Египтом и Алжиром в 2014 г., а с Саудовской Аравией – в 2016 г. в ходе ближневосточного турне Си Цзиньпина, когда он посетил Египет, Саудовскую Аравию и Иран.

⁶ Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что соглашение не требовало ратификации законодательными органами двух стран.

Военно-политическое измерение. Динамика политического взаимодействия между Тегераном и Пекином выступает важным индикатором реального характера и уровня двусторонних отношений. Концепция «взгляда на Восток», получившая новое звучание в конце 2010-х гг., ясно свидетельствует о важности развития отношений с Китаем и Россией для Ирана. В Иране воспринимают Китай как растущую мировую державу, которая бросает вызов американской гегемонии и займет ключевое место в новом формирующемся миропорядке [Bazoobandi 2024]. Иран на уровне официальной политики стабильно демонстрирует дружелюбность и солидарность с Китаем.

В свою очередь, Китай оказывает Ирану международную политическую и информационную поддержку. В 2018 г. Пекин осудил выход США из соглашения по ядерной программе Ирана (СВПД), а в 2020 г. Китай совместно с Россией заблокировал выдвинутый США в СБ ООН проект резолюции о продлении эмбарго на военно-техническое сотрудничество с Ираном [Abid Ali et al. 2023]. В 2025 г., когда на повестку дня в ООН европейскими странами был вынесен вопрос о восстановлении международных санкций против Ирана, совместно с Россией выдвинул проект резолюции о продлении действия СВПД на полгода, что позволило бы урегулировать за это время вопрос о санкциях. В 2023 г. при посредничестве Китая было достигнуто соглашение о нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией.

Ирано-китайские политические отношения не безупречны; время от времени напряженность возникает вследствие расхождения позиций по тем или иным вопросам, взаимной подозрительности и негативных общественных настроений. Ярким примером конфликтной ситуации стало возмущение в Тегеране в 2022 г. в связи с принятием Китаем совместного заявления со странами ССАГПЗ, в котором китайская сторона выразила поддержку усилиям ОАЭ по достижению мирного решения проблемы трех островов посредством двусторонних переговоров в соответствии с международным правом⁷. Однако это не подрывает общую позитивную динамику в отношениях.

Военно-техническое сотрудничество Ирана и Китая начиная с середины 1990-х гг. демонстрировало нисходящую динамику, что было обусловлено как оглядкой Пекина на позицию США, так и в дальнейшем санкциями ООН против Ирана. В 2010-е гг. акцент в ирано-китайском ВТС сместился с продажи вооружений и передачи технологий на совместные учения и доступ к системам слежения. В 2015 г. стороны заключили соглашение, по которому

⁷ Посла Китая в Иране вызвали в МИД из-за позиции по спорным островам // РБК. 02.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/665c89529a794702bee5cc57> (дата обращения 13 марта 2026).

Иран должен был получить доступ к китайской системе спутниковой навигации BeiDou 2, что и было реализовано в 2021 г.⁸ Начиная с 2019 г. Россия, Китай и Иран пять раз проводили совместные военно-морские учения «Морской пояс безопасности»⁹. В части продажи Ирану вооружений и военной техники Китай давно уступил пальму первенства России, однако ирано-китайское ВТС не снято с повестки дня – вопрос заключается лишь в достижении сторонами взаимоприемлемых и взаимовыгодных условий, в частности, привлекательности китайских вооружений и техники в сравнении с российскими.

Значимыми событиями в контексте ирано-китайских отношений стало вступление Ирана в ШОС¹⁰ (2023 г.) и БРИКС¹¹ (2024 г.). Иран долгое время ожидал возможности присоединиться к этим организациям, стремясь к развитию отношений с Пекином и Москвой, упрочению своего международного положения и открытию новых возможностей для экономического развития [Zoe Liu 2024]. Китай же заинтересован в членстве Ирана в ШОС с целью создания единого пространства безопасности в Центральной Азии [Yildirimcakar 2023]. Географическое положение Ирана определяет его роль как препятствия для перетекания исламского радикализма и экстремизма с Ближнего Востока в Центральную Азию. Вступление Ирана – наряду с Саудовской Аравией, ОАЭ и Египтом – в БРИКС стало демонстрацией привлекательности

⁸ Iran & China: Military Ties. The Iran Primer: Power, Politics and U.S. Policy // United States Institute of Peace. 28.06.2023. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/jun/28/iran-china-military-ties> (дата обращения 10 марта 2026).

⁹ Какие послания стоят за крупными военно-морскими учениями Ирана, Китая и России? // Iran.ru. 12.03.2025. URL: https://www.iran.ru/news/analytics/127665/Kakie_poslaniya_stoyat_za_krupnymi_voenno_morskimi_ucheniymi_Irana_Kitaya_i_Rossii (дата обращения 13 марта 2026). В 2026 г. учения также состоялись, однако Китай, судя по некоторым сообщениям, в последний момент отозвал свои корабли. См.: Военно-морские учения России и Ирана завершились, Китай решил не участвовать? // EurAsia Daily. 19.02.2026. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2026/02/19/voenno-morskie-ucheniya-rossii-i-irana-zavershilis-kitay-reshil-ne-uchastvovat?ysclid=mq451r36kl770631343> (дата обращения 13 марта 2026).

¹⁰ Стекольников Т. Иран вступил в ШОС // РБК. 04.07.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/07/2023/64a3f9e49a794764425d8329> (дата обращения 12 июня 2026).

¹¹ Иран заявил, что вступил в ШОС и БРИКС, несмотря на давление иностранных государств // ТАСС. 04.06.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20989141> (дата обращения 12 июня 2026).

альтернативных западным принципам многосторонности и справедливому международному порядку.

Экономическое измерение. В годы ирано-иракской войны и вплоть до конца XX в. оно ограничивалось уровнем торговли, однако на рубеже 1990–2000-х гг. в Иран потекли китайские инвестиции¹², что стало свидетельством повышением уровня экономического сотрудничества. Основными сферами приложения китайского капитала первоначально стала энергетика, а позднее транспортная инфраструктура. Наибольших показателей приток китайских инвестиций в Иран достиг в 2006–2007 гг. В 2000-е гг. китайские компании выступали подрядчиками при строительстве электростанций, плотин, цементных заводов, аэропортов, авто- и железных дорог и прочей инфраструктуры в Иране [Liu, Wu2010].

Подписание СВПД и снятие с Ирана международных санкций привели к всплеску интереса к Ирану у иностранного бизнеса, в частности, из Китая. Как следствие, в последующие годы между Ираном и Китаем было подписано значительное число инвестиционных соглашений в области логистики и транспорта, энергетики, строительства и пр.¹³ В 2016–2017 гг. наблюдался новый всплеск прямых инвестиций из Китая, которые в 2016 г. превысили 3,5 млрд долл. [Garlick, Havlová 2021]¹⁴. Тем не менее практически все проекты оказались заморожены после того, как США вышли из СВПД и восстановили в полном объеме санкции против Ирана. По оценкам, за 2018–2022 гг. Китай вложил в иранскую экономику порядка 600 млн долл. прямых инвестиций, в основном в строительный сектор. В 2023 г. китайская государственная нефтяная компания Sinopec объявила о прекращении участия в разработке иранских месторождений и выводе своих вложений из Ирана¹⁵.

¹² Точно оценивать реальный объем иностранных, в т. ч. китайских, инвестиций в экономику Ирана затруднительно в связи с частичной закрытостью информации во избежание санкций, частым свертыванием ранее достигнутых контрактов и т. д.

¹³ См., например: [Zreik 2023]; China wins deal to build major petchem plant in Iran. Press TV. 25.04.2018. URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2018/04/25/559692/China-wins-deal-to-build-major-petchem-plant-in-Iran> (дата обращения 9 марта 2026).

¹⁴ В то же время неясно, учитывались ли в данной статистике только реально вложенные инвестиции или также достигнутые соглашения об инвестициях. Скорее всего, запланированные инвестиции также учитываются, на что указывает сам факт резкого роста показателей сразу после вступления в силу СВПД.

¹⁵ Shokri U. Obstacles and opportunities for closer Iranian-Chinese economic cooperation. Middle East Institute. 2023. URL: <https://mei.edu/>

Ирано-китайская торговля начала стремительно расти на рубеже столетий, достигнув пика в более чем 60 млрд долл. в 2014 г.¹⁶, что было обусловлено отчасти ростом мировых цен на нефть, отчасти – превращением Китая в основного торгового партнера Ирана на фоне разрыва экономических связей последнего с западными партнерами. Однако в дальнейшем снижение цен на нефть вкупе с восстановлением в полном объеме американских санкций против Ирана, а также воздействие пандемии коронавируса нанесли ущерб товарообороту Ирана и Китая. К примеру, за 2017–2019 гг. китайский экспорт в Иран сократился примерно в два раза¹⁷.

Основу ирано-китайского товарооборота составляет торговля нефтью¹⁸. Иран уже в 1990-е гг. стал крупным поставщиком энергоносителей в Китай; на фоне расширения санкций против иранского нефтяного сектора Китай превратился в единственного крупного покупателя иранской нефти. В последние годы, по оценкам, Иран обеспечивал от 10 до 20% китайского потребления нефти, что составляло не менее 80%, а в 2025 г. на Китай пришлось более 90% иранского экспорта нефти¹⁹. Китайский бизнес получает большую выгоду, так как покупает иранскую нефть с существенной скидкой. При этом китайский потребитель стремится минимизировать сопряженные риски, что определяет конкретные механизмы в этой торговле. Основными покупателями иранской подсанкционной нефти в Китае выступают независимые нефтеперерабатывающие заводы. Доставку нефти до потребителя берет на себя продавец, что также позволяет китайцам снять с себя риски,

publication/obstacles-and-opportunities-closer-iranian-chinese-economic-cooperation/ (дата обращения 15 марта 2026).

¹⁶ Iran & China: A Trade Lifeline. The Iran Primer: Power, Politics and U.S. Policy / United States Institute of Peace. 2023. July 5. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/jun/28/iran-china-trade-lifeline> (дата обращения 10 марта 2026).

¹⁷ Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=5%7c156%7c%7c364%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения 25 июня 2026).

¹⁸ Из-за санкций Иран и Китай не публикуют официальную статистику по нефтяной торговле, поэтому оценивать ее количественные масштабы можно лишь приблизительно.

¹⁹ Галактионов И. Какую роль играет Иран на мировом рынке нефти // Альфа инвестор.13.01.2026. URL: <https://alfabank.ru/alfa-investor/t/kakuyu-rol-igraet-iran-na-mirovom-rynke-nefti/> (дата обращения 12 июня 2026).

связанные с перевозкой²⁰. Средства от продажи нефти по условиям сотрудничества используются для закупки Ираном китайских товаров²¹.

Развитию китайско-иранского торгово-экономического сотрудничества препятствуют как санкционное давление, так и внутренние проблемы в иранской экономике, которая сегодня сталкивается с проблемами в обеспечении пресной водой, электроэнергией и в области экологии²². Существуют различные барьеры, препятствующие торговле между Ираном и Китаем: «бутылочные горлышки» в логистике, таможенные барьеры, низкая прозрачность²³. Среди факторов, препятствующих притоку китайского капитала в Иран, можно выделить отсутствие четкой правовой базы в этой сфере, слабое развитие инфраструктуры в Иране, а также низкий рейтинг Ирана в Группе разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF)²⁴. Иран отнесен к категории государств с высоким уровнем риска (т.н. «черный список») в части борьбы с отмыванием преступных доходов, финансированием терроризма и распространения оружия массового уничтожения. Это существенно осложняет для Ирана международное инвестиционное сотрудничество. Кроме того, высокие темпы инфляции в иранской экономике создают неблагоприятные условия для долгосрочных инвестиций.

²⁰ Nencini T. Interview: Why China Has Not and Will Not Come to Iran's Rescue w/ Esfandiyar Batmanghelidj // ChinaMed. 03.03.2026. URL: <https://www.chinamed.it/observer/interview-why-china-has-not-and-will-not-come-to-irans-rescue-w-esfandiyar-batmanghelidj> (дата обращения 8 марта 2026).

²¹ سهم ایران در تجارت چین [Доля Ирана во [внешней] торговле Китая] // دنیای اقتصاد [Мир экономики] 09.06.2026. URL: <https://donya-e-qetasad.com/بخش-صنعت-معادن-3/4275313-سهم-ایران-در-تجارت-چین> (дата обращения 9 июня 2026).

²² Подробнее об этом см.: [Дунаева и др. 2025].

²³ چرا چین با ایران کار نمی‌کند؟ | گفتگوی فریدون وردی‌نژاد و حامد وفايي [Почему Китай не сотрудничает с Ираном? | Интервью с Ферейдунм Варадинеджадом и Хамедом Вафаи]. Azad: YouTube channel. 2024, September 20. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cTb23JdyxDk> (дата обращения: 03.05.2026).

²⁴ چین متحد راهبردی ایران یا فقط شریک تجاری؟ [Китай – стратегический союзник или только торговый партнер Ирана?] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jYWA6fQ0RdQ> (дата обращения 18 марта 2026).

*Иран и Китай: асимметрия взаимных ожиданий
как препятствие к стратегическому партнерству*

Ограниченность потенциала роста ирано-китайских отношений на современном этапе связана с различиями в целях и принципах внешней политики двух стран, а также с особенностями взаимного восприятия.

Цели внешней политики любого государства обусловлены стратегией его национального развития. В Китае начиная с последней четверти XX в. ставка была сделана на внутреннее экономическое и социальное развитие, призванное обеспечить мощь страны; внешняя политика при этом нацелена на создание благоприятной международной среды, которая позволяла бы сосредоточить усилия на внутреннем развитии и содействовала бы ему. В основу своей внешней политики Пекин положил принципы прагматизма, сдержанности и деидеологизованности. Китай избегает вовлечения в конфликты и вступления в союзы, стремится к минимизации своих международно-политических обязательств и расширению сети партнеров. В первой четверти XXI в. Пекин, достигнув значительного веса в мировой экономике, стал проводить политику глобального расширения своего влияния, утверждаясь в качестве великой державы. Сердцевиной внешнеполитической стратегии Китая сегодня выступает геοэкономика: за основу международного сотрудничества Пекин взял категорию развития, что проявляется, например, в выдвигании концепции «безопасность через развитие»²⁵. В то же время растущий международный вес Китая воспринимается как угроза в США; американо-китайское соперничество на сегодня стало одной из ключевых примет современного миропорядка.

Особенности внешнеполитической парадигмы Китая влияют на его интересы, цели и стратегию в отношении Ирана. Основные интересы Пекина в отношении Тегерана носят геοэкономический характер: Иран служит источником дешевой нефти, оказывает непосредственное влияние на безопасность судоходства в стратегически важном для мировой энергетики Ормузском проливе

²⁵ Ло Тяньюй. Политика Китая на Ближнем Востоке: переход к комплексному сотрудничеству. Ключевые интересы Пекина в регионе в 2025 г. // Российско-китайский диалог: функциональное и региональное измерения: доклад № 117 / 2026 [А.А. Маслов, Ю.Ю. Мельникова, Ма Бинь и др.; под ред. С.М. Гавриловой, Д.О. Растегаева и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2026. С. 92.

и выступает важным международно-транспортным узлом, который при благоприятных внешних условиях мог бы стать значимым элементом в системе транспортных коридоров «Пояс и путь». С точки зрения международной политики, наличие конфликта между Ираном и США выгодно Китаю в той мере, в какой оно оттягивает на себя ресурсы и внимание Вашингтона. В то же время Пекин осторожен в своей политике в отношении Тегерана, так как вступление с Ираном в классический союз на сегодня несет в себе больше рисков, нежели преимуществ.

В Иране после исламской революции на внутреннюю и внешнюю политику сильное влияние стала оказывать идеология. В основу государственности легло религиозно-политическое учение имама Хомейни. Онтологической функцией государства стало построение справедливого общества на исламских принципах, реализация принципов Корана на государственном уровне и подготовка ко встрече со Всевышним путем непрерывного продолжения исламской революции²⁶. Международную политику стали трактовать в морально-нравственных терминах; целями Ирана в сфере внешней политики были провозглашены борьба с мировым злом (в лице США, Израиля и – в первое десятилетие существования ИРИ – СССР) и помощь угнетенным, прежде всего, мусульманским народам [Salimi et al. 2025]. Однако помимо идеологии, Иран оказался во власти внешних обстоятельств: затяжной и истощающей войны против Ирака, международной изоляции и конфронтации с Израилем и США. В силу этих факторов основными целями внешней политики Ирана стали выживание, обеспечение безопасности, поиск партнеров и союзников, а также противодействие США и Израилю. В условиях агрессивной международной среды, внутренних проблем и существенного влияния идеологии во внешней политике Ирана доминирует логика

²⁶ Базовые принципы и установки исламского правления изложены в Конституции Ирана, см.: Конституция Исламской Республики Иран // Конституции государств Азии: В 3 т. Т. 1 / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 237. Исламская революция, по замыслу основателей Исламской Республики, должна быть перманентной; в свете этого в 2019 г. верховный лидер революции А. Хаменеи объявил о начале второго этапе революции. См.: The “Second Phase of the Revolution”: Statement addressed to the Iranian nation // Khamenei.ir : официальный сайт верховного лидера. 2019. 11 февраля. URL: <https://english.khamenei.ir/news/6415/The-Second-Phase-of-the-Revolution-Statement-addressed-to-the> (дата обращения 3 мая 2026).

позиционализма²⁷, силовых блоков, военно-политических союзов и баланса сил.

Данные особенности международного положения и внешней политики Ирана определили и характер его отношения к Китаю. Для Тегерана Китай – это альтернатива американоцентричному миропорядку, иной центр силы, союз с которым усилит позиции Ирана в противостоянии «глобальному империализму»²⁸. Многие в Иране стремятся к превращению Китая в союзника Ирана в классическом понимании. Это основано на допущении, что по мере возрастания веса Китая на международной арене он перейдет от экономических методов наращивания своей мощи к силовым и вступит в более острое противостояние с США, что будет способствовать сближению Пекина и Тегерана и улучшению международного положения последнего.

В то же время Иран воспринимает Китай не только как противовес враждебным Соединенным Штатам, но и как самостоятельную великую державу с великодержавной логикой поведения. Иран заинтересован в росте международного могущества Китая лишь до тех пор, пока оно не начнет создавать угрозу непосредственным интересам Ирана. К примеру, в Иране опасаются, что в случае обострения великодержавного противостояния между Китаем и США Пекин может привести свой флот в регион Персидского залива [Хадж Заргарбаши, Забихи 2025]. Такой сценарий неблагоприятен для Ирана, так как вопрос о контроле над южными водами является для него одним из наиболее чувствительных; в Тегеране в идеале стремятся к созданию в регионе Залива независимой системы безопасности без участия внерегиональных игроков, присутствие которых создает угрозы для стран региона и повышает риски дестабилизации.

²⁷ Позиционализм – научная и мировоззренческая категория, обозначающая, что субъекты социальных, в т. ч. международных отношений определяют свое положение исходя из его сопоставления с другими; стремление улучшить свое положение в системе ведет к конфликту с другими субъектами. Позиционализм выступает одним из опорных принципов реалистской теории международных отношений.

²⁸ В иранских академических работах по отношениям с Китаем также преобладает анализ геополитических вызовов и угроз. См., например, работы М. Хафезния, основателя иранской школы политической географии [Хафезния и др. 2019].

Заключение

Таким образом, взаимное восприятие и ожидания Пекина и Тегерана различаются как в силу глубоко различного положения двух стран, так и принципиальной разницы во внешнеполитических стратегиях. В политике Ирана сочетаются стремление к союзу с Пекином, попытки играть на великодержавной конкуренции (противопоставление Китая и России Соединенным Штатам) и чувствительность к любым вопросам, связанным с национальной независимостью. Китай как мировая держава, стремящаяся к дальнейшему распространению своего глобального влияния на основе стратегии экономического прагматизма, видит в Иране важного регионального партнера в силу конкретных экономических и геополитических преимуществ, которые сулит сотрудничество с ним. Китай не выделяет Иран на фоне других своих основных партнеров (в регионе Залива это также Саудовская Аравия и ОАЭ) и готов поднимать уровень отношений с Тегераном до тех пор, пока такое сотрудничество не создает угроз для отношений Китая с другими игроками на международной арене.

Препятствия для наращивания объема и углубления двустороннего сотрудничества лежат главным образом на иранской стороне; они связаны как с международным положением Ирана, так и с внутренними, прежде всего, экономическими условиями в этой стране. Кроме того, для иранского общества и элит характерно настороженное отношение к крупным державам. В связи с этим в текущих реалиях потенциал ирано-китайского партнерства ограничен. Однако у двух стран есть предпосылки для расширения и углубления партнерства на долгосрочной основе: общность взглядов на направление трансформации мирового порядка, стабильно позитивная динамика отношений в политической плоскости на протяжении десятилетий, востребованность иранских энергоресурсов и логистического потенциала для Китая, потребность Ирана в иностранных товарах, инвестициях и технологиях, которая растет с учетом урона, понесенного страной в результате американо-израильской агрессии. Углублению сотрудничества способствовала бы, во-первых, стабилизация положения внутри и вокруг Ирана, а во-вторых, более грамотное управление ожиданиями в Тегеране и анализ интересов Китая в контексте задач внешней политики и национального развития Ирана.

Литература

- Дунаева и др. 2025 – Иран и глобальные вызовы. Напряженное десятилетие 2013–2023: Колл. монография / Отв. ред. Е.В. Дунаева, В.И. Сажин. М.: ИВ РАН, 2025. 476 с.
- Полищук 2014 – *Полищук А.И.* Ирано-китайские отношения на современном этапе // Иран: история и современность / Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой; Сост. И.Е. Федорова, Л.М. Раванди-Фадаи. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 258–270.
- Столярова 2009 – *Столярова Е.С.* Внешнеэкономическая стратегия КНР в начале XXI в. и миграционная политика // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 327. С. 86–89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshneekonomicheskaya-strategiya-kr-v-nachale-xxi-v-i-migratsionnaya-politika> (дата обращения 26 апреля 2026).
- Abid Ali et al. 2023 – *Abid Ali L., Abbas H., Abbasi S.* China-Iran Comprehensive Strategic Partnership: An Evolving New Security Complex and its Implications // Central European Management Journal. 2023. Vol. 31. Iss. 2. P. 388–395. DOI: 10.57030/23364890.CEMJ.31.2.43
- Azad 2017 – *Azad Sh.* Iran and China: A New Approach to Their Bilateral Relations. Lexington Books, 2017. 156 p.
- Bazooobandi 2024 – *Bazooobandi S.* Iran's Strategies in Response to Changes in US-China Relations // Middle East Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 1. P. 120–132. DOI: 10.1111/mepo.12727
- Ehteshami et al. 2017 – *Ehteshami, A., Horesh N., Xu. R.* Chinese-Iranian Mutual Strategic Perceptions // The China Journal. 2017. Vol. 79. Iss. 4. P. 1–20. DOI: 10.1086/693315
- Esmaili, Zhang 2022 – *Esmaili, Amir M., Zhang, Y.* Identity, China's foreign policy and Iran's nuclear program // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. Vol. 16. Iss. 1. P. 46–61. DOI: 10.1080/25765949.2022.2057068
- Garlick, Havlová 2021 – *Garlick J., Havlová, R.* The dragon dithers: assessing the cautious implementation of China's Belt and Road Initiative in Iran // Eurasian Geography and Economics. 2021. Vol. 62. Iss. 4. P. 454–480. DOI: 10.1080/15387216.2020.1822197
- Garver 2014 – *Garver J.W.* China and Iran: Ancient Partners in a Post-Imperial World. Seattle: University of Washington Press, 2014. 401 p.
- Liu, Wu 2010 – *Liu J., Wu L.* Key Issues in China-Iran Relations // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2010. Vol. 4. Iss. 1. P. 40–57. DOI: 10.1080/19370679.2010.12023147
- Mackenzie 2010 – *Mackenzie P.* A Closer Look at China-Iran Relations, Roundtable Report. 2010. CNA China Studies.
- Salimi et al. 2025 – *Salimi R. et al.* Examining the Influence of Iranian and Chinese Strategic Cultures on Their Bilateral Strategic Partnership // Iranian Review of Foreign Affairs. 2025. Vol. 15. Iss. 2. P. 425–443. DOI: 10.22034/irfa.2025.524865.1288

- Scita 2022 – *Scita J.* China-Iran Relations Through the Prism of Sanctions // Asian Affairs. 2022. Vol. 53. Iss. 1. P. 87-105. DOI: 10.1080/03068374.2022.2029060.
- Solhdoost 2021 – *Solhdoost M.* Iran's geo-strategic orientations toward China and India // Journal of the Indian Ocean Region. 2021. Vol. 17. Iss. 1. P. 60–77. DOI: 10.1080/19480881.2021.1878583
- Yildirimcakar 2023 – *Yildirimcakar E.* The Dynamics of Iran-China “New” Strategic Cooperation // Alternatif Politika. 2023. Vol. 15, I. 2. P. 344–367. DOI: 10.53376/ap.2023.13
- Zoe Liu 2024 – *Zoe Liu, Zongyuan.* China's Attempts to Reduce Its Strategic Vulnerabilities to Financial Sanctions // China Leadership Monitor. 2024. Iss. 79. URL: <https://www.prleader.org/post/china-s-attempts-to-reduce-its-strategic-vulnerabilities-to-financial-sanctions> (дата обращения 17 февраля 2026).
- Zreik 2023 – *Zreik M.* Geopolitical Factors and Impact of BRI on Iran-China Relations. Journal for Iranian Studies. 2023. Iss. 17. P. 45–55. URL: <https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploads/sites/2/2023/06/GEOPOLITICAL-FACTORS-AND-IMPACT-OF-BRI-ON-IRAN-CHINA-RELATIONS.pdf> (дата обращения 9 марта 2026).
- Пирсалами 2016 – عقلانيت استراتژيک چين و روابط دفاعی -امنیتی با ايران – فریبرز ارغوانی پیرسلامی. [Пирсалами Ф.А. Стратегическая логика Китая и отношения с Ираном в области обороны и безопасности] // فصلنامه علمی پژوهشی روابط بین الملل [Журнал международных исследований]. Т. 21. С. 159–194.
- Хафезния 2019 – خسرو بولحسنی، رضا روشنی. دغغه های ژئوپلیتیک مشترک و موثر بر روابط جمهوری اسلامی ایران و چین – محمدرضا حافظنیا، منوچهر متقی، [Хафезния М., Моттаки М., Бульхасани Х., Роушани Р. Общие геополитические проблемы, влияющие на отношения между Исламской Республикой Иран и Китаем]. [Ежеквартальный научный журнал междисциплинарных стратегических исследований]. 2019. № 34. С. 91–112.
- Хадж Заргарбаши, Забихи 2025 – روح الله حاج زرگرباشی، رضا ذبیحی. نقش آفرینی – چین در منطقه خلیج فارس و تاثیر آن بر امنیت منطقه ای ایران – سید روح الله حاج سید [Хадж Заргарбаши Р., Забихи Р. Роль Китая в регионе Персидского залива и ее влияние на региональную безопасность Ирана] // فصلنامه [Журнал стратегических политических исследований]. 2025. Т. 52. № 14. С. 155–188. DOI: 10.22054/QPSS.2024.77339.3356

References

- Abid, Ali L., Abbas, H. and Abbasi, S. (2023), “China-Iran Comprehensive Strategic Partnership: An Evolving New Security Complex and its Implications”,

- Central European Management Journal*, vol. 31, iss. 2, pp. 388–395, DOI: 10.57030/23364890.CEMJ.31.2.43
- Dunaeva, E. V. and Sazhin, V. I. (eds.) (2025), *Iran i global'nye vyzovy. Napryazhennoe desyatiletie 2013–2023: Monografiya* [Iran and global challenges. The Busy Decade 2013–2023: a monograph], IV RAN, Moscow, Russia.
- Ehteshami, A., Horesh, N. and Xu, R. (2017), “Chinese-Iranian Mutual Strategic Perceptions”, *The China Journal*, vol. 79, iss. 4, pp. 1–20, DOI: 10.1086/693315
- Esmaili, Amir M. and Zhang, Y. (2022), “Identity, China’s foreign policy and Iran’s nuclear program”, *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, vol. 16, iss. 1, pp. 46–61, DOI: 10.1080/25765949.2022.2057068
- Garlick, J. and Havlová, R. (2021), “The dragon dithers: assessing the cautious implementation of China’s Belt and Road Initiative in Iran”, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 62, iss. 4, pp. 454–480, DOI: 10.1080/15387216.2020.1822197
- Garver, J. W. (2014), *China and Iran: Ancient Partners in a Post-Imperial World*, University of Washington Press, Seattle, USA.
- Liu, J. and Wu, L. (2010), “Key Issues in China-Iran Relations”, *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*, vol. 4, iss. 1, pp. 40–57, DOI: 10.1080/19370679.2010.12023147
- Mackenzie, P. (2010), *A Closer Look at China-Iran Relations*, Roundtable Report. CNA China Studies.
- Polishchuk, A. I. (2014), “Iran-China Relations at the Present Stage”, Kulagina, L. M. and Mamedova, N. M. (eds.), *Iran: istoriya i sovremennost'* [Iran: History and Modernity], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 258–270.
- Salimi, R. et al. (2024), “Examining the Influence of Iranian and Chinese Strategic Cultures on Their Bilateral Strategic Partnership”, *Iranian Review of Foreign Affairs*, vol. 15, iss. 2, pp. 425–443, DOI: 10.22034/irfa.2025.524865.1288
- Scita, J. (2022), “China-Iran Relations Through the Prism of Sanctions”, *Asian Affairs*, vol. 53, iss. 1, pp. 87–105, DOI: 10.1080/03068374.2022.2029060
- Solhdoost, M. (2021), “Iran’s geo-strategic orientations toward China and India”, *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 17, iss. 1, pp. 60–77, DOI: 10.1080/19480881.2021.1878583
- Stolyarova, E. S. (2009), “Foreign economic strategy of the PRC in the early 21st century and migration policy”, *Vestnik of Tomsk State University*, no. 327, pp. 86–89
- Yildirimcakar, E. (2023), “The Dynamics of Iran-China ‘New’ Strategic Cooperation”, *Alternatif Politika*, vol. 15, iss. 2, pp. 344–367, DOI: 10.53376/ap.2023.13
- Zoe Liu, Zongyuan (2024), “China’s Attempts to Reduce Its Strategic Vulnerabilities to Financial Sanctions”, *China Leadership Monitor*, iss. 79, available at: <https://www.prcleader.org/post/china-s-attempts-to-reduce-its-strategic-vulnerabilities-to-financial-sanctions> (Accessed 9 March 2026).
- Zreik, M. (2023), “Geopolitical Factors and Impact of BRI on Iran-China Relations”, *Journal for Iranian Studies*, no. 17, pp. 45–55, available at: <https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploads/sites/2/2023/06/GEOPOLITICAL->

FACTORS-AND-IMPACT-OF-BRI-ON-IRAN-CHINA-RELATIONS.pdf
(Accessed 9 March 2026).

[Pirsalami, F. (2016) China's Strategic Rationality and Defense-Security Relations with Iran]. فصلنامه پژوهشها بر روابط بین الملل [International Relations Research Quarterly], vol. 21, pp. 159–194.

خسرو بولحسنی، رضا روشنی. دغغه های ژئوپلیتیک مشترک و موثر بر روابط جمهوری اسلامی ایران و چین [Hafeznia, M., Mottaki, M., Bulhasani, H., Roushani, R. (2019) Common Geopolitical Issues Affecting Relations Between The Islamic Republic Of Iran And China]. علمی پژوهشی مطالعات بین رشته ای دانش راهبردی فصلنامه [Scientific Interdisciplinary Strategic Studies Quarterly], no. 34, pp. 91–112.

گرباشی، رضا ذبیحی. نقش آفرینی چین در منطقه خلیج فارس و تاثیر آن بر امنیت منطقه ای ایران [Hajj Zargarbashi, R. and Zabihhi, R. (2025), "China's Role in the Persian Gulf Region and Its Impact on Iran's Regional Security"] // فصلنامه پژوهش های علمی سیاست راهبردی [Journal of Strategic Political Studies], vol. 52, no. 14, pp. 155–188, DOI: 10.22054/QPSS.2024.77339.3356

Информация об авторе

Иван Е. Паппинен, Центр внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова, Москва, Россия; 105064, Россия, Москва, Яковопо-
стольский переулок, д. 10, стр. 1; iv.pappinen@yandex.ru

Information about the author

Ivan E. Pappinen, Primakov Center for Foreign Policy Cooperation, Moscow, Russia; bld. 10/1, Yakovoapostolsky Lane, Moscow, Russia, 105064; iv.pappinen@yandex.ru

Турция: исторический опыт и современная идентичность

УДК 327(560)

DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-77-90

«Защищая угнетенных», или Турецкая внешнеполитическая идентичность в дискурсе Новой партии благоденствия

Кирилл В. Белоконь

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, mrkirill23@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется внешнеполитическая идентичность Турецкой Республики в дискурсе Новой партии благоденствия (НПБ) (Yeniden Refah Partisi). Работа была выполнена с помощью метода дискурс-анализа в рамках конструктивистской теории международных отношений. В риторике деятелей этой партии выявлено несколько узловых точек, формирующих турецкую идентичность. Исследование политической программы Новой партии благоденствия, а также корпуса речей ее лидера Фатиха Эрбакана дает понять, что ключевыми нарративами партии являются исламистский и антиколониальный. Путем сочетания идей о религиозном единстве и о его важности в современном мире, о необходимости борьбы с угнетателями из стран Запада, партия Эрбакана-младшего создает смысловые рамки для своего внешнеполитического курса, основу которого составляет неизбежная интеграция с мусульманскими и развивающимися государствами. Цель подобной интеграции – усиление позиций этих государств на мировой арене и стремление к «справедливому миру». При этом восприятие отношений с западными государствами, несмотря на обвинения их в угнетении, можно оценить как прагматичное. Лидер НПБ, говоря об этом, отмечает, что отношения с Западом будут строиться исключительно на основе турецких национальных интересов. Все вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что Новая партия благоденствия видит в рамках турецких национальных интересов активное противодействие западным государствам в их борьбе против мусульманских государств и формирование новых интеграционных блоков.

© Белоконь К.В., 2026

Ключевые слова: Новая партия благоденствия, исламизм, внешнеполитическая идентичность, конструктивизм, Турция

Для цитирования: Белоконов К.В. «Защищая угнетенных» или Турецкая внешнеполитическая идентичность в дискурсе Новой партии благоденствия // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 4. С. 77–90. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-77-90

“Defending the Oppressed” or Turkish foreign policy identity in the discourse of the New Welfare Party

Kirill V. Belokon

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, mrkirill23@yandex.ru*

Abstract. This article analyzes the foreign policy identity of the Republic of Turkey as expressed by the New Welfare Party (NWP). Using critical discourse analysis methods within the constructivist theory of international relations, several key discourse points were identified that shape the core components of Turkish identity within the rhetoric of this political party's leaders. An examination of the NWP's political platform, as well as the speeches of its leader, Fatih Erbakan, reveals that the key narratives within Turkey's identity discourse are Islamist and anti-colonialist. By combining rhetoric about religious unity, its importance in the modern world, and the need to fight Western oppressors, Erbakan Jr.'s party creates a semantic framework for its foreign policy, which is based on inevitable integration with Muslim and developing countries. The goal of such integration is to strengthen the position of these countries and strive for a “just world”. At the same time, the perception of relations with Western states, despite accusations of oppression, can be assessed as pragmatic. The Chairman of the National Party of Turkey, speaking on this topic, notes that relations with the West will be built solely on the basis of Turkish national interests. These judgments allow us to characterize the entire discourse of Erbakan Jr.'s political organization as combining Islamist-anti-colonialist and national narratives.

Keywords: New Welfare Party, Islamism, foreign policy identity, constructivism, Türkiye

For citation: Belokon, K.V. (2026), “Defending the Oppressed” or Turkish foreign policy identity in the discourse of the New Welfare Party”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 77–90, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-77-90

Политические партии как ключевой актор общественной жизни зачастую не только обещают народу процветание, но каждая из них формирует свою картину мира, основанную на сочетании конкретных символов [Goldstein, Keohane 1993, p. 54]. Особенно это актуально для сферы внешней политики. Вследствие этого анализ культивируемой партиями внешнеполитической идентичности государства представляет собой значительный интерес. Он позволяет охарактеризовать то, каким видит положение собственного государства политическая элита в случае прихода к власти. Выводы этого исследования позволяют изучить строение национальных интересов, формируемых в результате осмысления той или иной формы самовосприятия.

Партийная система современной Турецкой Республики представляет собой значительный интерес для исследования из-за многообразия партий и их идеологической направленности. Турецкий политический плюрализм способствует развитию общественной дискуссии о наиболее подходящей для Турции внешнеполитической линии, не утихающей и по сей день. И если две крупнейшие партии, Партия справедливости и развития (ПСР)¹ и Народно-республиканская партия (НРП)² не видят необходимости в радикальном изменении поведения Анкары на мировой арене, то малые парламентские партии не стремятся к сохранению статуса-кво. Отсутствие необходимости лавировать между различными социальными группами в попытках набрать как можно больше голосов позволяет малым партиям сформировать крепкое идеологическое ядро, предлагать радикальные изменения в государственном управлении. Одним из наиболее одиозных партийных проектов по изменению турецкой идентичности на мировой арене является, несомненно, проект Новой партии благоденствия (НПБ)³, анализу дискурса внешней политики которой и посвящена данная статья.

Работа выполнена в рамках конструктивистской теории в международных отношениях, приверженцами которой являются такие ученые как А. Вендт [Wendt 2003] С. Баркин [Barkin 2003] и Д. Уэлдс [Weldes 1996]. Она позволяет представить национальные интересы, государственную идентичность и внешнеполитическую деятельность как результат взаимодействия различных социальных акторов.

В работе используется методология дискурса-анализа, предложенная Э. Лакло и Ш. Муфф. Согласно их теории, дискурс – это совокупность фиксированных значений в рамках специфичной

¹ Adalet ve Kalkınma Partisi (AK Parti).

² Cumhuriyet Halk Partisi (CHP).

³ Yeniden Refah Partisi (YRP).

области. Ключевую роль в нем играют узловые точки, специфические знаки, смысл которых и формирует дискурс. Вся эта система создает поле значений, которые, в свою очередь, организуют идентичность. Самовосприятие, которое, согласно как конструктивистам, так и Лакло и Муффа, присуще и государствам. Продуктом этого самовосприятия являются национальные интересы – отражение видения потребностей того или иного государства. Такая методологическая рамка открывает возможность провести дискурс-анализ ключевых смыслов и нарративов политических партий для того, чтобы выявить характер культивируемой ими идентичности как ключевого определителя характера их проекта национальных интересов. Полученный в результате этого вывод можно будет распространить на всю внешнеполитическую программу, которую эти партии предлагают избирателям. Это позволит ее деконструировать, а затем – охарактеризовать.

Для начала следует обратиться к истории НПБ. Корни этой организации уходят в историю политического ислама в Турции. Во многом его идеологическая база строится на концепции «Национального видения», или «Милли Герюш» («*Milli Görüş*»), созданной Неджметтином Эрбаканом, отцом руководителя Новой партии благоденствия Фатиха Эрбакана и основателя «оригинальной» партии благоденствия⁴. Это политическое движение Эрбакана-старшего стремилось всеми силами сохранить свою целостность и конкурентоспособность в светской Турции, что отражено в партийной программе от 1986 г., написанной в год, когда в стране должны были пройти выборы в парламент. Согласно этой программе, движение постулировало «связь с национализмом Ататюрка и приверженность принципам республики и светского государства»⁵. При этом сама партия выступила на довыборах с результатом в 5.48%, не позволившим ей получить ни одного депутатского мандата⁶. Всеобщие выборы 1987 г. также не позволили последователям «Национального видения» пройти в парламент: при десятипроцентном электоральном пороге движение Эрбакана-старшего набрало 7.2%⁷. В дальнейшем, вследствие неолиберальной политики правительства Тургута Озала, исламисты стали использовать

⁴ Refah Partisi.

⁵ Refah Partisi program // TBMM. URL: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/items/13ddb36a-b516-4e5d-9771-0f87c99d3118> (дата обращения 3 марта 2026).

⁶ 1986 milletvekili ara seçimleri sonuçları // Resmi Gazete. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/19247.pdf> (дата обращения 3 марта 2026).

⁷ 1987 Genel Seçimi Sonuçları // Yeni Şafak. URL: <https://www.yenisafak.com/secim-1987/secim-sonuclari> (дата обращения 3 марта 2026).

риторику социальной справедливости, что позволило им получить значительное преимущество среди беднейших слоев населения, наиболее пострадавших от реформ руководства страны.

Эта стратегия дала свои плоды уже в 1994 г., когда на местных выборах Партия благоденствия набрала 19,54%, а в 1995 г. – 16,87%, сформировав таким образом крупнейшую депутатскую группу в турецком парламенте [Шлыков 2009, с. 146]. противодействие западным государствам в их борьбе против мусульманских государств коалиции с правоцентристской Партией верного пути⁸ позволили Неджеттину Эрбакану в 1996 занять кресло премьер-министра, пусть и ненадолго: уже спустя год и два месяца лидер ПБ будет вынужден под давлением военных уйти в отставку. Это открыло дорогу для других последователей «Милли Герюш» в лице Партии добродетели⁹ во главе с Р. Кутаном, однако сама партия вследствие сильных изменений в структуре идей «Национального Видения» пережила раскол в 2000 г. [Шлыков 2009, с. 149] между ортодоксальными последователями идей Эрбакана (*gelenekçi*) и реформистами во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом (*yenilikçi*).

В дальнейшем политический ислам в Турции будет представлен в рамках двух этих направлений. НПБ оказалась одним из наиболее примечательных представителей именно ортодоксального крыла исламистов. Но и среди них не было единства: после раскола 2000 г. последовал роспуск Партии добродетели и создание Партии счастья, которая в дальнейшем оказалась в состоянии конфликта с Новой партией благоденствия, основанной в 2018 Фатихом Эрбаканом. Последняя возникла на основе Фонда имени Неджеттина Эрбакана и выступала с позиций возвращения к следованию пути «Милли Герюш», в отступлении от которого обвиняла руководителей Партии счастья¹⁰. Политическая организация Фатиха Эрбакана получила известность, пройдя в парламент на всеобщих выборах 2023 г. и получив в нем пять мест из 600¹¹, а также заняв третье место на муниципальных выборах в 2024 г., на которых она уступила двум наиболее влиятельным соперникам: Партии справедливости и развития и Народно-рес-

⁸ Doğru Yol Partisi.

⁹ Fazilet partisi.

¹⁰ Fatih Erbakan'dan çok konuşulacak 'Saadet Partisi' açıklaması: 'Bize oy yönelmesinin nedeni...' // Cumhuriyet. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/fatih-erbakandan-cok-konusulacak-saadet-partisi-aciklamasi-bize-oy-yonelmesinin-nedeni-2091440> (дата обращения 3 марта 2026).

¹¹ Cumhurbaşkanı ve milletvekili seçimi // Sözcü Report. URL: <https://secim.sozcu.com.tr/secim2023mayis14> (дата обращения 2 февраля 2026).

публиканской партии¹². С тех пор ее активность только нарастала, а число сторонников постоянно росло¹³, несмотря на то, что рейтинг партии Фатиха Эрбакана колеблется в диапазоне 2–3%¹⁴.

Прежде чем проанализировать внешнеполитический дискурс партии, следует обратиться к содержанию «Национального видения», так как именно эта концепция стала базой не только для идейного фундамента Новой партии благоденствия, но еще и для созданной ею модели идентичности. Согласно исследователю Талипу Тугрулу, «Милли Герюш» как идеологический конструкт включает следующие отличительные черты: исламизм, идеальную модель исламского союза, сплав национализма и религиозной идентичности, антиимпериализм, антисиионизм [Talip 2017, S. 617]. Подобные элементы можно проследить в текстах и речах НПБ. В преамбуле партийной программы говорится: «Мы будем опираться на национальное видение («milli görüş» [sic]), которое формировалось нашим народом на протяжении столетий»¹⁵. Подобное высказывание примечательную отсылкой к движению Эрбакана-старшего и демонстрирует преемственность партий на идейно-дискурсивном уровне.

Раздел программы о внешней политике начинается так:

Наш основополагающий принцип во внешней политике – это приверженность справедливости и праведности как выражению нашей веры и исторической ответственности, которая ставит правосудие и справедливость выше грубой силы...¹⁶.

В этом отрывке отражены важные для понимания дискурса НПБ элементы. Так, например, использование слов «справедливость» и «правосудие» («hak ve adalet») в контексте, связанном с верой. Подобная расстановка акцентов может быть объяснена исламистской идеологической базой, допускающей и даже поощ-

¹² 31 mart 2024 yerel seçim sonuçları // Sözcü Report. URL: <https://secim.sozcu.com.tr/secim2024mart31> (дата обращения 2 февраля 2026).

¹³ Partilerin üye sayıları açıklandı: Yeniden Refah sürprizi // Yetkin Report. URL: <https://yetkinreport.com/2024/02/09/partilerin-uye-sayilari-aciklandi-yeniden-refah-suprizi/> (дата обращения 30 января 2026).

¹⁴ Son anket: Seçmenin üçte biri kararsız; işte bu pazar seçim olsa partilerin oy oranları... // T24. URL: <https://t24.com.tr/haber/son-anket-seçmenin-üçte-biri-kararsız-iste-bu-pazar-seçim-olsa-partilerin-oy-oranlari,1294049> (дата обращения 30 января 2026).

¹⁵ Yeniden Refah Partisi Parti Programı // YRP. URL: <https://yenidenrefahpartisi.org.tr/page/parti-programi> (дата обращения 30 января 2026).

¹⁶ Ibid.

ряющей проникновение религиозных элементов. Это подчеркивает восприятие Турции членами НПБ как государства, в первую очередь, мусульманского. Дальнейшие положения, посвященные важности расширения сотрудничества с «Исламской восьмеркой», перекликаются с дальнейшими идеологов Новой Партии благоденствия по созданию союза «D-160» «для спасения не только мусульман, но и всего человечества»¹⁷.

О самом проекте союза не сказано ничего конкретного в рамках программы, но в одной из статей, описывающих деятельность Фатиха Эрбакана, говорится следующее:

Наш председатель, д-р Фатих Эрбакан, заявил, что идеал «Нового и справедливого мира», первый шаг к которому был сделан с созданием D-8, будет реализован в три этапа: «Во-первых, создание организации D-8 составляет ядро нового, справедливого мира. Во-вторых, D-8 объединит 57 мусульманских стран для построения справедливого мира, и будет создана D-60. В то же время ядро D-8 объединит 160 угнетенных стран и начнет с ними совместную работу по построению справедливого мира...»¹⁸

Сама идея расширения D8 пропитана не столько исламским, сколько антиколониальным духом. Включение в новый союз на глобальном уровне всех «угнетенных» государств является демонстрацией как приобщения себя к их числу, так и обвинением государств-«угнетателей». Учитывая преемственность Новой партии благоденствия идеям «Милли Герюш», а также риторику Неджметтина Эрбакана, становится ясно, что «угнетателями» являются страны Западной Европы и США [Ünlü Bilgiç 2025, p. 679]. При этом отношении к этим государствам, как и в период премьерства Эрбакана-старшего, у НПБ также отличается прагматичностью. Об отношениях с Западом в программе написано следующее:

Наша страна стала членом НАТО, системы обороны западных стран, после Второй мировой войны. До вступления в НАТО Турция выполняла и продолжает выполнять множество обязательств в Корею, а затем в Афганистане, Сомали и везде, где это было необходимо. Однако многие события, особенно сирийский конфликт, показали, что НАТО затягивает выполнение своих обязательств

¹⁷ Ibid.

¹⁸ D-8 Somut Adim! Hedef D-60, D-160 ardından 'Yeni Ve Adil Bir Dünya' // YRP. URL: <https://yenidenrefahpartisi.org.tr/page/d-8-somut-adim-hedef-d-60-d-160-ardindan-39-yeni-ve-adil-bir-dunya-39-/1828> (дата обращения 30 января 2026).

перед нами. После распада СССР НАТО перестало уделять основное внимание угрозе коммунизма и вместо этого стало использовать различные террористические группы в качестве предлога для нападок на мусульманские страны. Мы решительно осуждаем нападения на мусульманские страны под такими предлогами. Если НАТО будет настаивать на этой ошибке, мы не верим, что оно сможет сохранить свое существование в долгосрочной перспективе¹⁹.

В разделе, посвященном членству Турции в международных организациях, отмечено следующее:

Сохраняя приверженность международным соглашениям, в частности соглашениям с НАТО, ЕС, Организацией исламского сотрудничества и Организацией черноморского экономического сотрудничества, на основе принципа взаимности, вопросы, противоречащие нашим национальным интересам и ценностям, будут пересмотрены²⁰.

Такое позиционирование Североатлантического альянса и места Турции в нем характерно для внешнеполитического курса Анкары с момента прихода к власти ПСР: последовательная критика при сохранении членства и поиске ориентиров для проведения независимой от блока политики. Однако высказывание не подразумевает противопоставление Турецкой Республики НАТО. Здесь, напротив, выражается обеспокоенность серьезным «отклонением от курса» военного объединения западных стран и желанием Турции поспособствовать его изменению.

Таким образом, Новая партия благоденствия в своей программе сохраняет приверженность идеям «Милли Герюш». В ее дискурсе Турция представляет государство с мусульманской идентичностью как главенствующей, и демонстрирует не только решимость в деле ее сохранения, но и стремление возглавить исламский мир, не допустить его угнетения западными государствами. Вместе с тем партия Эрбакана-младшего не упускает случая упомянуть о важности отношений с НАТО и ЕС, пусть и с оговоркой о необходимости опоры на национальные интересы самой Турции. Тем самым НПБ заявляет, что не собирается мириться с угнетением мусульманских стран со стороны НАТО и ЕС, но будет готова с ними сотрудничать, если они изменят свою политику.

Идеи, изложенные в партийной программе, подкрепляются речами Фатиха Эрбакана. На конференции «Ислам и поиск модели справедливого миропорядка» в Пакистане в ноябре 2025 г.,

¹⁹ Yeniden Refah Partisi Parti Programı...

²⁰ Ibid.

председатель НПБ произнес речь о современной международной системе. В ходе выступления он сослался на времена Ялтинской конференции, четко продемонстрировав водораздел между теми, «кто имел власть и теми, кто не имел». И затем, в рамках промежуточного итога, руководитель Новой партии благоденствия констатирует: «Американская стратегия в значительной степени зависима от монополии на ресурсы мусульманской уммы и морского суверенитета мусульманских государств»²¹.

Вся его речь – описание того, как Эрбакан видит современную мировую политику: доминирование сильных над слабыми путем использования первыми ресурсов последних. В дискурсе главы НПБ Турция как неотъемлемая часть уммы также страдает от действий американской гегемонии. Это созвучно с положениями партийной программы, в которой блок НАТО упрекался в неверном пути, связанном с войной с мусульманскими странами. При этом западные страны рассматриваются сыном основателя движения «Милли Герюш» как недружественные еще и вследствие их поддержки Израиля:

Ослабление мусульманских стран и конфликты внутри них создают возможности для других держав, действующих совместно с США, стать региональными лидерами. Например, отсутствие единства мусульманской уммы позволяет Израилю стать региональным центром власти²².

Отсылка к Израилю в рамках конференции, посвященной мусульманскому единству, необходима прежде всего для закрепления образа врага. В какой-то степени подобный прием созвучен явлению в политической социологии под названием «Эффект собрания» (Rally 'round the flag effect) [Мухаметов 2022, с. 82], возникающим в моменты международных кризисов или конфликтов и характеризующийся резким ростом одобрения правительства своей страны.

Таким образом, риторика Фатиха Эрбакана нацелена, в первую очередь, на сплочение мусульманской уммы и предполагает стремление к интеграции мусульманских государств в целях противостояния несправедливому с их точки зрения мировому порядку.

Подобные суждения тем или иным образом повторяются в разных выступлениях Эрбакана-младшего. Так, например, в речи от 19 октября 2023 г. он обращается как к правительству, так и к турецкой общественности со словами:

²¹ Genel Başkanımız Dr. Fatih Erbakan'ın Pakistan Konuşması // YRP. URL: <https://yenidenrefahpartisi.org.tr/page/genel-baskanimiz-dr-fatih-erbakan-39-in-pakistan-konusmasi/3414> (дата обращения 30 января 2026).

²² Ibid.

Если мы хотим остановить сионистский террор, мы должны ввести санкции и предпринять конкретные шаги. Наш посол в Израиле должен быть немедленно отозван, израильский посол в Анкаре должен быть выслан, авиабаза Инджирлик и радиолокационная база Кюречик, принадлежащие США, которые открыто поддерживают это угнетение, должны быть немедленно закрыты, и все мусульманские страны должны прекратить продажу всех стратегически важных ресурсов, особенно нефти, США и Израилю. Воздушное пространство, территориальные воды и порты мусульманских стран должны быть закрыты для США и Израиля, все контракты, которые американские и израильские компании имеют с правительствами всех мусульманских стран, должны быть немедленно расторгнуты...²³

Дихотомия «США и Израиль – мусульманские страны» в дискурсе лидера НПБ является ключевой при формировании турецкой внешнеполитической идентичности, подчеркивая конкретный образ «иного». В ноябре 2025 г., на съезде партии он с исламистских позиций критикует правящую партию Турции:

В течение 23 лет они были настолько поглощены фразами «Америка» и «Европейский союз», что забыли о цели создания Исламского союза. Они не предприняли никаких шагов в направлении Д-60²⁴.

Приверженность мусульманской идентичности также подтверждается реакцией Фатиха Эрбакана на нападение США и Израиля на Исламскую Республику Иран. 1 марта 2026 г., спустя сутки после убийства верховного лидера Али Хаменеи глава Новой партии благоденствия выступил с заявлением:

Верховный лидер Исламской Республики Иран, сеид Али Хаменеи, погиб в результате нападений сионистских террористов и администрации США, которая открыто поддерживает этот терроризм. Мы молимся Богу о милосердии к погибшему и выражаем соболезнования иранскому народу и исламскому миру. Это нападение было совершено не в отношении отдельного человека; оно было совершено

²³ Genel Başkanımız Fatih Erbakan'dan İktidara İsrail çağrısı: İncirlik ve Kürecik kapatılmalı! // YRP. URL: <https://yenidenrefahpartisi.org.tr/page/genel-baskanimiz-fatih-erbakan-39-dan-iktidara-israil-cagrisi-incirlik-ve-kurecik-kapatilmali-/2661> (дата обращения 30 января 2026).

²⁴ Genel Başkanımız Dr. Fatih Erbakan'ın 3. Olağan Büyük Kongre Konuşması // YRP. URL: <https://yenidenrefahpartisi.org.tr/page/genel-baskanimiz-dr-fatih-erbakan-39-in-3-olagan-buyuk-kongre-konusmasi/3384> (дата обращения 30 января 2026).

против независимой воли и сопротивления исламского мира. Сионизм нацелен не только на Иран, но и на Турцию. Мы предупреждаем правительство: необходимо решительно принять политические, военные и стратегические меры, пока не поздно... История неоднократно показывала, что молчание – это унижение, а решимость – это честь. Эти нападения не прекратятся, пока эта кровавая цепь не будет разорвана. Исламский мир должен отказаться от разногласий и занять единую позицию, чтобы избежать платы более высокой цены²⁵.

Комментарий Эрбакана-младшего примечателен не только декларацией исламской идентичности. Он также крайне любопытен с точки зрения осмысления отношений с Ираном в рамках идей исламской солидарности. Лидер Новой партии благоденствия, активно критикуя действия американских и израильских войск, призывает к действию правительство Турции, апеллируя к необходимости сохранения так называемого сопротивления исламского мира. Таким образом, прагматичное отношение к государствам Запада оказалось нивелировано интересами, продиктованными мусульманской идентичностью.

Свою позицию руководитель НПБ развивает в другой речи, также посвященной иранской проблематике:

С Божьей помощью, единственная сила, которая может противостоять планам региональной оккупации США и Израиля и остановить сионистскую экспансию, – это Турция. Турция – это реальность региона, надежный друг и общее будущее древних народов. Точно так же, как ближневосточный вопрос не может быть решен без Турции, угрожающие заявления и высказывания в адрес Турции – это не что иное, как пустой шантаж²⁶.

В его речи, включавшей призывы к закрытию вышеупомянутых баз Инджирлик и Кюречик, также можно увидеть «конфликт идентичностей». Он активно выражается в несовместимости

²⁵ Fatih Erbakan'dan, Hamaney'in ölümü sonrası AKP'ye çağrı: 'Hükümeti uyarıyoruz; geç olmadan...' // Cumhuriyet. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/fatih-erbakan-dan-hamaney-in-olumu-sonrasi-akp-ye-cagri-hukumeti-uyariyoruz-gec-olmadan-2483000> (дата обращения 03.03.2026).

²⁶ Fatih Erbakan: Türkiye, Büyük Orta Doğu Projesi'nden çekildiğini ilan etmelidir // İndependent Türkçe. URL: <https://www.indyturk.com/node/773743/siyaset/fatih-erbakan-t%C3%BCrkiye-b%C3%BCy%C3%BCk-orta-do%C4%9Fu-projesi%E2%80%99nden-%C3%A7ekildi%C4%9Fini-ilan-etmelidir> (дата обращения 03.03.2026).

значений ключевых точек, общих для различных дискурсов. В данном случае речь идет о совершенно разном восприятии понятия «Турция», которое деятели НПБ трактуют, скорее, в религиозном ключе. Фатих Эрбакан как представитель турецкой политической элиты и член парламента оказывается в состоянии внутреннего противоречия между национальной и мусульманской идентичностями, несомненно, отдавая приоритет последней. При этом свое несогласие с действиями Турции он экстраполирует на действия турецкого правительства, раз за разом требуя закрытия американских баз и радикального пересмотра отношений Анкары со своими западными союзниками.

Сложность взаимодействия религиозной и национальных составляющих идентичности проявляется в речах руководителя Новой партии благоденствия и в рамках памятных мероприятий, посвященных основателю движения «Милли Герюш». На совместном выступлении с главой Партии счастья Махмудом Арыканом Эрбакан-младший заявил: «Мы будем решительно работать над достижением цели вновь построить великую Турцию, Исламский Союз и справедливый мир»²⁷. Здесь риторика о построении «великой Турции» неразрывно связана с идеей исламской солидарности. НПБ и ее лидер в рамках своего дискурса стремятся нивелировать противоречия между двумя идентичностями, предлагая синтез.

Вместе с тем нельзя сказать, что подобные нарративы новы для турецкого политического поля. Так, например, выступления с критикой гегемонии США и западных стран, а также о важности мусульманской идентичности были слышны у представителей националистической ветви турецкого евразийства еще в 1990-е гг., что подмечал ученый Озгюр Тюфекчи [Tufekci 2017, p. 105].

Внешнеполитический образ Анкары, культивируемый в Новой Партии Благоденствия, исходя из вышеуказанных источников, вполне конкретен и переключался, как уже было сказано, из идей «Милли Герюш». Движение Эрбакана-младшего видит свою страну, в первую очередь, как мусульманскую державу, часть уммы, которая считает своим долгом оказывать сопротивление угнетающим ее и собратьев и по вере странам. Это красноречиво демонстрируют высказывания лидера партии, который не просто осуждает Израиль и США вследствие их атаки на Иран, но призывает к активному сопротивлению «сионизму». При этом Анкара должна играть главную роль в расширении существующих международных организаций и создании новых, основанных на идее антиколо-

²⁷ Saadet ve Yeniden Refah, Erbakan'ın anmasında bulundu // Yeni Çağ. URL: <https://www.yenicaggazetesi.com/saadet-ve-yeniden-refah-erbakanin-anmasinda-bulustu-1004691h.htm> (дата обращения 3 марта 2026).

ниальной и исламской солидарности. Такой подход, с точки зрения партийного мировосприятия, должен закрепить турецкие позиции в развивающихся государствах. Видение Фатиха Эрбакана, лидера партии, позволяет сочетать религиозный и национальный аспекты идентичности. Это способствует формированию в рамках риторики Новой партии благоденствия целостный образ активного актора, стремящегося получить ведущую роль в новом, формирующемся мировом порядке.

Литература

- Мухаметов 2022 – Мухаметов Р. Международные детерминанты популярности президента России. Имеет ли значение эффект «сплочения вокруг флага»? // Международные процессы. 2022. № 20 (3). С. 80–94.
- Шлыков 2009 – Шлыков П. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Россия и мусульманский мир. 2009. № 5. С. 144–152.
- Barkin 2003 – Barkin, J.S. “Realist Constructivism”, *International Studies Review*, vol. 5, no. 3, 2003, pp. 325–342.
- Goldstein, Keohane 1993 – Goldstein J. and Keohane R.O. *Ideas and Foreign Policy*, Cornell University Press, Toronto, Canada, 1993.
- Talip 2017 – Talip T. “Milli Görüş Hareketi’nin Temel Karakterleri”, *e-Makalat Mezhep Araştırmaları Dergisi*, 10/2, 2017, p. 617–657.
- Tufekci 2017 – Tufekci O. *The Foreign Policy of Modern Turkey: Power and the Ideology of Eurasianism*, I.B. Tauris, London, New York, 2017.
- Ünlü Bilgiç 2025 – Ünlü Bilgiç T. Turkish anti-Americanism: between Europe and the Middle East, *Middle Eastern Studies*, 2025, № 61(5), p. 659–681.
- Weldes 1996 – Weldes J. “Constructing National Interest”, *European Journal of International Relations*, no. 2, 1996, pp. 275–318.
- Wendt 2003 – Wendt A. *Social Theory of International Politics*, 2 ed., 2003, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

References

- Barkin, J.S. (2003), “Realist Constructivism”, *International Studies Review*, vol. 5, no. 3, pp. 325–342.
- Goldstein, J. and Keohane, R.O. (1993), *Ideas and Foreign Policy*, Cornell University Press, Toronto, Canada.
- Mukhametov, R. (2022), “International sources of the popularity of Russia’s president. Does the ‘rally around the flag’ effect matter?”, *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, no. 20 (3), pp. 80–94.
- Shlykov, P. (2009), “Political Islam in Turkey: The search for a new identity”, *Russia and the Muslim World*, no 5. pp. 144–152.

- Talip, T. (2017), “Milli Görüş Hareketi’nin Temel Karakterleri”, *e-Makalat Mezhep Araştırmaları Dergisi*, 10/2, s. 617–657.
- Tufekci, O. (2017), *The Foreign Policy of Modern Turkey: Power and the Ideology of Eurasianism*, I.B. Tauris, London, New York.
- Ünlü Bilgiç, T. (2025), Turkish anti-Americanism: between Europe and the Middle East, *Middle Eastern Studies*, no. 61 (5), pp. 659–681.
- Weldes, J. (1996), “Constructing National Interest”, *European Journal of International Relations*, no. 2, pp. 275–318.
- Wendt, A. (2003), *Social Theory of International Politics*, 2 ed., Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Кирилл В. Белоконь, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; mrkirill23@yandex.ru

Information about the author

Kirill V. Belokon, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; mrkirill23@yandex.ru

Восточная Азия: образовательная и идеологическая политика КНР

УДК 37(510)

DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-91-111

Конфуцианский традиционализм в образовательной системе КНР: между государственной политикой и общественным запросом

Полина А. Кузнецова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, apollinariasmith21@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается роль традиционализма в образовательной системе Китайской Народной Республики. Проанализированы философские и исторические корни традиционализма, его влияние на современную образовательную практику и политику в Китае. Особое внимание уделяется синтезу традиционных ценностей, основанных на конфуцианстве, с инновационными педагогическими технологиями и современными реформами образования. Исследованы проблемы и вызовы, связанные с сохранением традиционализма в условиях глобализации, технологического прогресса и общественных преобразований. Показано, что традиционализм продолжает играть ключевую роль в формировании национальной идентичности, поддержании социальной стабильности и развитии образовательной системы, находя свое выражение в государственной политике и образовательных стандартах. Статья будет полезна исследователям в области педагогики, культурологии и социологии образования, а также специалистам, занимающимся вопросами модернизации образования в условиях культурного разнообразия.

Ключевые слова: традиционализм, образовательная система Китая, конфуцианство, педагогика, инновации в образовании, образовательные реформы, национальная идентичность.

Для цитирования: Кузнецова П.А. Конфуцианский традиционализм в образовательной системе КНР: между государственной политикой и общественным запросом // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 4. С. 91–111. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-91-111

© Кузнецова П.А., 2026

Confucian traditionalism in China's educational system: between state policy and public demand

Polina A. Kuznetsova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, apollinariasmith21@gmail.com*

Abstract. The article examines the role of traditionalism in the educational system of the People's Republic of China. It analyzes the philosophical and historical roots of traditionalism and its influence on contemporary educational practice and policy in China. Special attention is paid to the synthesis of traditional values based on Confucianism with innovative pedagogical technologies and modern educational reforms. The problems and challenges associated with preserving traditionalism in the context of globalization, technological progress, and social transformation are investigated. It is shown that traditionalism continues to play a key role in shaping national identity, maintaining social stability, and developing the educational system, finding expression in state policy and educational standards. The article will be useful for researchers in pedagogy, cultural studies, and the sociology of education, as well as for specialists dealing with the modernization of education in conditions of cultural diversity.

Keywords: traditionalism, China's educational system, Confucianism, pedagogy, innovations in education, educational reforms, national identity

For citation: Kuznetsova, P.A. (2026), "Confucian traditionalism in China's educational system: between state policy and public demand", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 91–111, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-91-111

Образовательная система Китайской Народной Республики является сложным и многогранным механизмом, который гармонично сочетает в себе использование передовых образовательных технологий и международных стандартов с глубоко укоренившимися историческими и философскими традициями, уходящими корнями в многотысячелетнее культурное наследие страны. Одним из краеугольных камней этой системы выступает традиционализм – идеологический и педагогический подход, направленный на сохранение, передачу и актуализацию классических культурных и нравственных ценностей в образовательном процессе, что способствует формированию национальной идентичности и устойчивости общества.

Традиционализм в Китае имеет многовековую историю, начиная с древних философских учений, таких как конфуцианство, даосизм и буддизм, которые оказали значительное влияние

на формирование культурной идентичности китайского общества и образовательных практик. Эта концепция служит не только для сохранения национального культурного кода, но и для формирования воспитательной базы, направленной на развитие личностных и социально значимых качеств учащихся, поддержания морально-этических норм и укрепления национального единства [Бекбаев 2024, с. 17].

В условиях глобализации и быстрого технологического прогресса традиционализм в образовательной системе Китая сталкивается с вызовами модернизации, что требует от педагогики умения балансировать между инновациями и традиционными ценностями. Современная образовательная политика КНР активно интегрирует традиционные подходы с инновационными методиками и технологиями, создавая уникальную модель, которая стремится сочетать уважение к прошлому с требованиями современности.

Современные исследования традиционализма в образовательной системе КНР опираются на междисциплинарный анализ философских, исторических и нормативных источников, выявляя синтез конфуцианского наследия с государственной политикой XXI в. Российские авторы акцентируют историко-философские корни проблемы. М.А. Константинова [Константинова 2011] обосновывает конфуцианские императивы как основу современной китайской педагогики. Е.В. Кремнев [Кремнев 2024] анализирует идеологизированные модели социального управления через призму традиционализма в образовании. Чжан Кэу [Чжан Кэу 2017] реконструирует роль конфуцианских ценностей в музыкальном воспитании.

Официальные документы фиксируют институционализацию традиций. Закон КНР «Об образовании» (ред. 2021) прямо декларирует цели «立德树人 *ли дэ шу жэнь*» – воспитывать высокоморальных людей (ст. 6) и «弘扬中华优秀传统文化 *хун ян чжун хуа ю сю чуань тун взнь хуа*» – продвигать превосходную традиционную культуру Китая (ст. 7) – аутентичные конфуцианские директивы. Программы морального воспитания (德育大纲 *дэ юй да ган дэ юй да ган*, 2020–2023) и учебники 人民教育出版社 *жэнь минь цзяо юй чу бань шэ жэнь минь цзяо юй чу бань шэ* (2022) систематически интегрируют категории 仁 (гуманность) и 义 (справедливость) в школьную практику.

Западная наука подчеркивает идеологический потенциал традиционализма. S. Ambrogio [Ambrogio 2017] трактует возрождение конфуцианства как инструмент конструирования «нового китайского человека». Meng Wanjin [Meng Wanjin 2010] документирует преемственность традиций в специальном образовании.

Цель данного исследования – определить роль и место традиционализма в образовательной системе КНР, раскрыть его историко-философские основы, влияние на современную образовательную политику и реформы.

Методология исследования. В работе использован междисциплинарный подход, сочетающий методы педагогической компаративистики, анализа нормативно-правовых документов (Закон КНР «Об образовании» 2021 г., программы 德育大纲 2020–2023 гг.) и вторичный анализ социологических данных (опрос на платформе 中国政治坐标系). Ограничение исследования – фокус на конфуцианской составляющей традиционализма как наиболее институционализированной в образовательной политике КНР.

Теоретические основы традиционализма в образовании

Традиционализм как педагогическая концепция представляет собой систему взглядов и практик, которые ориентированы на сохранение и передачу устоявшихся культурно-исторических ценностей изнаний через образовательный процесс. В контексте Восточной Азии и, в частности, Китая, традиционализм имеет особое философское и культурное значение, тесно связанное с интерпретацией конфуцианства, даосизма и буддизма как моральных и этических систем, определяющих жизненный уклад общества и методологию воспитания.

Важно разграничить влияние этих традиций. Конфуцианство составляет нормативно-педагогическое ядро традиционализма, закреплённое в законодательстве (принципы 孝, 忠, 仁, 义). Даосизм влияет преимущественно на практики саморазвития в образовании, но не на институциональную политику. Буддизм, хотя и присутствует в культурном фоне, не имеет системного нормативного закрепления в государственных образовательных стандартах КНР. В данной статье под «традиционализмом» преимущественно понимается конфуциански ориентированная модель.

Обзор литературы. Исследования традиционализма в образовании КНР развиваются в трех направлениях. Первое (российское: [Константинова 2011; Кремнев 2024]) фокусируется на историко-философских корнях конфуцианской педагогики. Второе (западное: [Ambrogio 2017]) трактует возрождение конфуцианства как идеологический инструмент конструирования «нового китайского человека». Третье (нормативно-аналитическое: анализ законов и программ 2020–2025 гг.) документирует институционализацию традиций. Настоящая статья встраивается в третье направление, дополняя его эмпирическими данными об общественном запросе (опрос 中国政治坐标系).

Историческое развитие Китая свидетельствует о непрерывной эволюции и воспроизводстве его традиционной культуры, которая глубоко проникает в когнитивные процессы, поведенческие модели и образовательные концепции народа. Это культурное наследие формирует не только цели и содержание обучения, но и методы передачи знаний, динамику образовательных процессов и их качество.

Значение образования в китайской традиции уходит в глубины веков: в древности статус человека в обществе, его продвижение по служебной лестнице и общественное признание напрямую зависели от уровня полученных знаний и образования. Для китайцев учеба всегда была не столько инструментом личностного саморазвития, сколько ключом к достижению коллективного и социального благополучия¹.

Основой традиционалистской педагогики служит идеология, согласно которой образовательный процесс должен охватывать не только академическую подготовку, но и воспитание нравственных устоев, ответственности, дисциплины, а также почтительного отношения к старшим и обществу в целом. Такая модель способствует формированию гармоничной личности, способной сохранить и приумножить национальные ценности. В итоге традиционная культура Китая выступает фундаментом для формирования образовательных стратегий и программ, обеспечивая преемственность поколений, укрепляя социальное единство и адаптируя национальное сознание к вызовам современности. Конфуцианская педагогика, выраженная в трудах Конфуция и его последователей, подчеркивает важность иерархичности в отношениях «учитель–ученик», коллективистских ценностей, а также долгосрочной ориентированности на самосовершенствование и социальную гармонию.

Методологическим основанием традиционализма служит также концепция передачи знаний «из поколения в поколение», при которой учитель является хранителем не только научных данных, но и культурных норм и традиций. Такая система предполагает четкую дисциплину, систематичность обучения, ритуализированные формы взаимодействия между педагогом и обучающимися. Традиционалистский подход оценивает педагогическую деятельность как неразрывную часть общего процесса воспитания с приоритетом морального и этического совершенствования личности.

В целостном понимании традиционализма в Китае образовательная система детально интегрирует исторический опыт и культурные ценности, формируя у учащихся сознание национальной

¹ Васильев Л.С. История религий Востока: Для студентов вузов. М.: Университет, 2001. С. 297.

принадлежности и уважение к культурному наследию. Это способствует сохранению культурной целостности в условиях социальных и экономических трансформаций, а также усиливает роль образования как фактора национальной стабильности и развития.

Особую роль в теоретических основах традиционализма занимает идея о «постоянстве нравственной истины» – предписаниям, которые не должны меняться с течением времени, несмотря на изменение внешних условий и социального контекста. В педагогике это проявляется в последовательном использовании проверенных временем методов, акценте на повторении и глубоком освоении базовых знаний, а не на быстрых модных инновациях, что является характерной чертой современной западной образовательной парадигмы.

Тем не менее традиционализм в китайской образовательной системе не является статичным или догматичным. Современные исследования указывают на наличие диалектического подхода, когда классические принципы активно пересматриваются и трансформируются с учетом изменений в обществе, технологий и мировых образовательных тенденций².

Таким образом, теоретические основы традиционализма в КНР создают платформу для устойчивого развития образовательных практик, которые сохраняют национальное культурное ядро и одновременно снабжают поколение новыми знаниями и компетенциями для жизни в быстро меняющемся мире.

Исторические корни традиционализма в китайском образовании

Традиционализм в образовательной системе Китая имеет глубокие исторические корни, уходящие в древние эпохи, богатые философскими и культурными традициями. Главным источником педагогического традиционализма в КНР является конфуцианство, которое на протяжении нескольких тысячелетий формировало основу не только образовательной, но и социальной и политической жизни Китая.

Конфуций (551–479 гг. до н. э.) и его последователи внесли решающий вклад в осмысление роли образования как основы нравственного развития личности и поддержания гармонии

² КНР рассказала о развитии образования // CGTN. 2025. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-02-07/1887688413687259138/index.html> (дата обращения 14 августа 2025).

в обществе. Философ в своих трудах неоднократно подчеркивал значение морального воспитания, уважения к старшим и старшинству, а также соблюдения правил и традиций, которые обеспечивают социальный порядок (Лунь юй, гл. 1, аф. 2; гл. 12, аф. 1; гл. 2, аф. 5)³. Эти идеи нашли отражение в знаменитой системе государственных экзаменов – кэцзюй, которая была внедрена в период династии Суй (VII век) и получила развитие в эпоху Тан и особенно Мин и Цин. Система кэцзюй строилась на знании классических текстов, основанных на конфуцианских учениях, и позволяла отбирать кадры для государственного управления на основе интеллекта и моральных качеств, а не по происхождению.

Буддизм и даосизм также оказали влияние на формирование образовательных подходов, особенно в области этики, самодисциплины и духовности. Однако именно конфуцианство стало фундаментом традиционалистской педагогики. Образование в традиционном Китае многократно рассматривалось как процесс, который должен культивировать «чэньминь» – благородного наставника, способного не только передавать знания, но и служить моральным примером для подрастающего поколения.

Влияние традиционного мировоззрения ощущается в таких аспектах образовательной системы, как иерархия ролей – учитель обладает абсолютным авторитетом, а ученик должен проявлять смирение и усердие; ритуализация учебного процесса; акцент на повторение и усвоение классических знаний как основополагающий способ образования [Бекбаев 2024].

Роль учителя в образовании

Правительство Китая уделяет особое внимание делу образования и подчеркивает, насколько важно для дальнейшего развития страны качество профессиональных ресурсов и их соответствие современному экономическому темпу. Современная идеологическая концепция «以人为本 и жэнь взй бэнь» – «человек – в основе всего» может рассматриваться и как образовательная парадигма. Человек – основа социального развития, а образование – это своеобразный показатель уровня общественного состояния [Meng Wanjin 2010].

³ *Конфуций*. Лунь юй (Беседы и суждения) / Пер. с др.-кит. и примеч. П.С. Попова. М.: Восточная литература, 2010. Гл. 1, аф. 2 (Юй-цзы); Гл. 12, аф. 1 (Ян Ху); Гл. 2, аф. 5 (Мэн У-цай). URL: <https://dostoevskiyfyodor.ru/confuciu/tvorchestvo/lun-yuj/> (дата обращения 23 января 2026).

Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул на Всекитайской конференции по образованию, что «чтобы укрепить страну, нужно сначала укрепить образование, а чтобы укрепить образование, нужно сначала укрепить преподавательский состав»⁴.

Учителя являются основой и источником обучения в КНР (закреплено ст.4 Закона КНР «Об образовании» 2021 г.)⁵. Со времени XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая ЦК партии во главе с товарищем Си Цзиньпином выступил с рядом важных речей и дал ряд важных указаний по созданию педагогического коллектива с точки зрения общего развития, развития партии и дела страны. В Китае учителей называют «инженерами человеческой души» (人类灵魂的工程师 *жэнь лэй лин хунь дэ гун чэн ши*).

Таким образом, мы видим, что в Китае в образовательном процессе огромную роль играет именно личность педагога. Педагогическая практика показывает, что личность учителя не только влияет на результаты воспитательно-педагогической деятельности, но и во многом определяет, может ли она эффективно способствовать развитию личности учащихся. Ведь педагог не только дает знания, но и учит быть человеком. Он также воспитывает у учеников чувство патриотизма и помогает им выработать правильную жизненную позицию. Именно из-за такого существенного влияния, оказываемого преподавателем на успехи и развитие учащегося, китайские исследователи считают, что именно наличие здоровой личности является необходимым психологическим качеством учителя [Ли Дунмэй, Сюэзе Ли 2001].

Современная система образования КНР не ограничивается риторическими отсылками к культурному наследию, а систематически внедряет конфуцианские этические принципы в структуру учебных планов и повседневную воспитательную практику. Классические категории (忠 *чжун* – преданность), (孝 *сяо* – сыновняя почтительность), (仁 *жэнь* – человеколюбие) и (义 *и* – справедливость) переосмыслены в рамках социалистической идеологии и находят отражение в школьных материалах и государственных стандартах воспитания 2020-х гг.

⁴ Си Цзиньпин. Выступление на Всекитайской конференции по образованию (全国教育大会) // CGTN. 2024. 10 сент. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-09-10/1833348166924353537/index.html> (дата обращения 23 января 2026); Россап primavera. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bcd016b8> (дата обращения 23 января 2026).

⁵ Закон КНР «Об образовании» (中华人民共和国教育法: в ред. от 29.04.2021). URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyfl/202107/t20210730_547843.html (дата обращения 28 января 2026).

Дальнейшее развитие нормативной базы продолжилось и в последующие годы. В 2024 г. Министерство образования КНР выпустило «Руководство по углублению реформы морального воспитания на основе традиционной культуры» (教育部关于深化传统文化道德教育改革的指导意见). Данный документ вышел за рамки простого декларирования ценностей, предписав обязательное включение ключевых конфуцианских категорий гуманность, справедливость, 礼 (ли – ритуал/этикет), 智 (чжи – мудрость), 信 (синь – верность) в систему критериев оценки воспитанности учащихся⁶. Этот шаг знаменует собой переход от интеграции традиций в содержание учебников к их институционализации в оценочных процедурах, что подтверждает вывод о системном характере традиционализма в образовательной политике КНР.

В учебниках по моральному воспитанию (德育 *дэ юй*) для китайских начальных и средних школ конфуцианские нравственные понятия органично встроены в темы семьи и общественных отношений. Так, глава о *сыновней почтительности* содержит рассказы о сыновней почтительности с прямыми ссылками на «Лунь юй», а *преданность* раскрывается через примеры патриотизма и верности коллективу. Издания 2020–2023 гг. ярко иллюстрируют сохранение традиций в реальной школьной жизни [Фань Чушу 2022].

Закон КНР «Об образовании» 2021 г. закрепляет конфуцианские нравственные принципы через обязательную «сыновью почтительность» и «социальную ответственность» как ключевые элементы морально-нравственного воспитания учащихся. В школьных программах 2020-х гг. категории «человеколюбие» и «справедливость» интерпретируются как фундамент коллективизма и патриотизма, что наглядно проявляется в современных методических материалах по этическому воспитанию.

Закон КНР «Об образовании» 2021 г. посвящен конфуцианским моральным ориентирам и оформляет их в нормативном поле. Рассмотрим ключевые положения:

立德树人 (ли дэ шу жэнь) – «Воспитание высокоморальной личности»

Статья 6: «教育应当坚持立德树人 *цзяо юй ин дан цзянь чи ли дэ шу жэнь*» – ключевая конфуцианская директива Конфуция («Лунь юй» 2:4), возводящая моральное самосовершенствование в первооснову образования.

⁶ Министерство образования КНР. Руководство по углублению реформы морального воспитания на основе традиционной культуры (教育部关于深化传统文化道德教育改革的指导意见). Пекин, 2024. URL: <http://www.moe.gov.cn/> (дата обращения 8 мая 2026).

德智体美劳 (Dé zhì tǐ měi láo) – «Воспитание высокой морали»

Статья 5: «培养德智体美劳全面发展的社会主义建设者和接班人 *péi yǎn dé zhì tǐ měi láo quán miàn fā zhǎn de shǒu yì zhǎn jiàn shè zhě hé jiē bān rén* *pэй ян дэ чжи тй мэй лао цюань мянь фа чжань дэ шэ хуэй чжу и цзянь шэ чжэ хэ цзе бань жэнь»* всестороннее воспитание высоко-моральных строителей и преемников социализма – адаптация конфуцианской концепции гармоничного человека (君子 *цзюнь цзы*), где 德 *дэ* (добродетель) предшествует знанию (智 *чжи*).

中华优秀传统文化 (*чжун хуа ю сю чуань тун вэнь хуа*)

Статья 7: «教育应当继承和弘扬中华优秀传统文化 *цзяо юй ин дан цзи чэн хэ хун ян чжун хуа ю сю чуань тун вэнь хуа*, образование должно унаследовать и продвигать прекрасную традиционную китайскую культуру» – нормативное закрепление конфуцианского канона как культурной матрицы, где ритуал (礼 *ли*) и сыновняя почтительность (孝 *сяо*) обязательны.

尊敬师长 (*цзунь цзин ши чжан*) – «Почитание учителя»

Статья 44: «尊敬师长, 养成良好的思想品德和行为习惯 *цзунь цзин ши чжан, ян чэн лян хао дэ сы сян пинь дэ хэ син вэй си гуань* – «Уважайте учителей и развивайте хорошие идеологические, моральные и поведенческие привычки» – воплощение конфуцианского принципа 师道尊严 *ши дао цзунь янь* («Путь учителя достоин уважения»)⁷.

Таким образом, закон об образовании КНР использует аутентичные конфуцианские термины, переводя их из «Лунь юй» в государственную политику, обеспечивая преемственность традиций.

В программах морального воспитания (德育大纲 *дэ юй да ган*, 2020–2023 гг.) «гуманность» и «справедливость» интерпретируются через «заботу о людях, взаимопомощь сверстникам, поддержку нуждающихся» (занятия по коллективизму, классные часы о социалистических ценностях); раскрываются как «общественная справедливость, борьба с коррупцией, служение Отечеству» (патриотические темы в учебниках 1–9 классов)⁸.

В учебнике «Моральное воспитание» для 5 класса (人民教育出版社 *жэнь минь цзяо юй чу бань шэ*, 2022 г.) принцип гуманности проиллюстрирован рассказом о взаимопомощи между товарищами, а принцип справедливости – примерами честности перед классным коллективом и Родиной⁹.

⁷ Закон КНР «Об образовании»...

⁸ Программы морального воспитания школ КНР (中小学德育大纲, 2020–2023 гг.) / Министерство образования КНР. Пекин: Изд-во народного просвещения (人民教育出版社), 2020–2023.

⁹ Моральное воспитание: Учеб. для 5 класса начальной школы (道德与法治五年级上册) / Министерство образования КНР. Пекин: 人民教育出版社, 2022. 128 с.

Один из основателей китайского музыкального образования Сяо Юмэй в своих научных работах неоднократно подчеркивает особую важность таких конфуцианских ценностных категорий, как «верность» и «сыновья почтительность» – почитание родителей в формировании гармоничной личности через уважение к старшим и коллективу, что напрямую коррелирует с современными школьными программами патриотического воспитания [Чжан Кэу 2017].

Таким образом, анализ современных источников (2020–2025 гг.) убедительно демонстрирует, что конфуцианские категории (忠 *чжун*), (孝 *сяо*), (仁 *жэнь*) и (义 *и*) не просто сохраняются, а систематически интегрируются в образовательную практику Китая через законодательство (Закон об образовании 2021 г.), школьные учебники морального воспитания (人民教育出版社 *жэнь минь цзяо юй чу бань шэ*, 2022) и официальные программы (德育大纲 *дэ юй да ган*, 2020–2023 гг.). Эти принципы адаптированы к социалистическому дискурсу – сыновья почтительность тесно связана с семейным долгом, а гуманность и справедливость выступают основой патриотизма и коллективизма.

Категории нравственности, представленные в конфуцианстве, такие как верность, сыновья почтительность, гуманизм и справедливость, продолжают служить краеугольными камнями педагогики и этического воспитания. В этом контексте коллективные интересы общества ставятся выше личных, что соотносится с идеей приоритета общественного блага. Конфуцианская модель взаимодействия предоставляет системный механизм для поддержания гармонии между человеком, обществом и природой [Seong Hwan Cha 2003].

Важно отметить, что традиционализм закрепился в системе образования не только через формальные институты, но и через семейное воспитание, где большое внимание уделялось уважению к старшим, соблюдению обычаев и передаче культурных ценностей. Семья являлась первым и основным образовательным институтом.

Безусловно, с течением времени традиционалистская модель образования претерпела изменения под воздействием западных влияний, колониального опыта и реформ XIX–XX вв. Однако фундаментальные принципы конфуцианской педагогики остались важной частью национальной идентичности Китая¹⁰.

В новейшее время, несмотря на внедрение советских образовательных моделей, традиционализм сохраняет влияние, особенно в начальной и средней школе, а также в воспитательном компоненте политики.

¹⁰ КНР рассказала о развитии образования // CGTN. 2025. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-02-07/1887688413687259138/index.html> (дата обращения 14 августа 2025).

Влияние традиционализма на современную образовательную систему Китая

Современная китайская образовательная система – уникальное сочетание новаторства и традиций, где традиционалистские элементы продолжают играть ключевую роль. Несмотря на бурное развитие технологий и открытость к мировым тенденциям, сформированные тысячелетиями ценности сохраняются и в современном китайском обществе.

В условиях стремительной цифровизации и расширения информационных технологий китайское общество придает особое значение образовательному процессу, который становится важнейшим социокультурным ресурсом и основой формирования инновационного государства. Образование выступает ключевым элементом государственной стратегии, направленной на подготовку высококвалифицированных специалистов, необходимый ресурс для устойчивого экономического роста и повышения уровня жизни граждан.

Роль «образованных кадров» рассматривается как центральный фактор обеспечения конкурентоспособности страны и успешной реализации технологических прорывов. В январе 2006 г. на встрече с ведущими китайскими учеными Ху Цзиньтао обозначил амбициозную цель национального развития: в течение пятнадцати лет Китай должен трансформироваться в государство с инновационной экономикой. Эта задача была закреплена в «Средне- и долгосрочном плане научно-технического развития на период до 2020 года» (План-2020), который стал ориентиром для модернизации научной сферы и системы образования. По словам председателя КНР,

...суть такого государства заключается в том, чтобы мощь науки и техники способствовала экономико-социальному развитию и обеспечению национальной безопасности, чтобы синтез базовых научных исследований и изучения передовых технологий существенно усиливал и позволял достичь таких научно-технических результатов, которые были бы существенны для всего мира [Константинова 2011. с. 73].

Китайские ученые подчеркивают, что элементы традиционной культуры в системе образования выступают важным стабилизирующим фактором, способным смягчить негативные эффекты, вызванные процессами глобализации. Исследователи отмечают, что значимость традиций подчеркивается в речах и политическом дискурсе генерального секретаря Си Цзиньпина.

Китайские исследователи подчеркивают, что актуальная значимость традиционной культуры постоянно прослеживается в риторике генерального секретаря Си Цзиньпина.

Он сформулировал концепцию «китайской мечты» (*чжунго мэн* 中国梦) – стратегической цели своего срока, представляющей собой замысел процветания и гармонии, неотделимый от китайских культурных ценностей, традиций и глубокого изучения классических источников. Современное культурное самосознание в этой концепции выступает краеугольным камнем государственной стратегии и рассматривается как возрождение национальной культуры при поддержке сознательных действий на уровне партии и общества. Это подразумевает сохранение и преемственность традиционных культурных кодов, осознанное и критическое заимствование мировых культурных практик, а также комплексную поддержку исконного наследия. В образовательной парадигме КНР ключевым постулатом является девиз – «помнить корни, исходящие из сердца»¹¹.

Коммунистическая партия Китая отвечает на массовый запрос общественности на возвращение традиционных ценностей, учитывая, что несмотря на долгое время критики и запретов, народные традиции не исчезли и продолжают жить в сознании простых граждан. Этот факт подтверждается различными источниками, одним из которых стал масштабный опрос, проведенный с 2012 по 2014 г. на сайте 中国政治坐标系 *чжун го чжэн чжи цзо бяо си* (Китайский политический компас). В ходе исследования было сформулировано пятьдесят вопросов, охватывающих темы национальной и международной политики, экономики, безопасности, культуры и социума. Более 460 тыс. респондентов приняли участие в опросе, выбирая степень согласия с утверждениями – от категорического несогласия до полного одобрения [Ambrogio 2017, p. 118].

Из пятидесяти вопросов следующие два представляют наибольший интерес для нашего исследования:

43. «Современному китайскому обществу необходимо конфуцианство». 现代中国社会需要儒家思想 *сянь дай чжун го шэ хуэй суй яо жу цзя сы сян*;

49. «Традиционная китайская классика должна быть основным образовательным материалом для детей» (应当将中国传统文化的经典作品为儿童基础教育读物 *ин дан цзян чжун го чуань тун вэнь хуа дэ цзин дянь цзо пинь вэй эр тун цзи чу цзяо юй ду у*).

В отношении значимости конфуцианства (вопрос № 43) подавляющее большинство опрошенных выразили несогласие – 73,4%. Однако такой результат кажется противоречащим здравому смыслу, учитывая, что основные принципы конфуцианства – сыновняя почтительность, ритуалы и этикет – все еще составляют краеугольный камень этой философии. Исходя из данных опроса, можно сделать вывод, что в Китае негативное восприятие конфу-

¹¹ Guangming Daily. 2019. February 22.

цианства связано скорее с его ролью института власти, чем с его значением как социальной нормы или образовательного феномена. В то же время 62,1% респондентов поддержали идею использования китайской классики в школьных учебных программах (вопрос № 49). Распределение ответов было следующим: 10,9% полностью согласились, 51,2% выразили согласие, 33,9% – сомневались, и лишь 3,9% выступили категорически против. Под термином *经典 цзин дянь* (Классика) понимается обширный корпус древних текстов, включающий в себя Пять классических произведений (*五经* уцзин), среди которых – Книга документов (*书经* Шуцзин), Книга поэзии (*诗经* Шицзин), Классика обрядов (*礼记* Лицзи), Книга перемен (*易经* Ицзин) и Весенне-осенние летописи (*春秋* Чуньцю), а также Четыре книги (*四书* сишу), в том числе *论语* Луньюй Конфуция и «Менцзы» (*孟子*). Сопоставляя результаты по двум вопросам, наблюдается интересное противоречие: несмотря на низкую поддержку конфуцианства как идеи, значительная часть респондентов положительно оценивает использование текстов, формировавшихся в рамках конфуцианской традиции, в образовательном процессе. Это позволяет предположить, что конфуцианство в его политическом аспекте воспринимается скептически, тогда как его морально-этические и социальные функции продолжают занимать важное место в жизни многих китайцев. Международные исследования – китайские, российские и западноевропейские – сходятся во мнении, что конфуцианская традиция не только служит идеологической основой образовательной системы КНР, но и активно влияет на процесс социализации, формируя ценностные ориентиры и нормы поведения в современном обществе Китая [Ambrogio 2017, p. 120].

Главные проявления традиционализма включают уважение к учителю как носителю знаний и авторитета, дисциплину, коллективизм, приоритет морально-этического воспитания. Педагогический процесс ориентирован на гармоничное сочетание академических знаний и воспитания «правильного» гражданина, поддерживающего общественные нормы и национальные цели [Кремнев 2024, с. 93].

В государственных стандартах преподавания традиционные ценности интегрированы в программы по истории, литературе, искусству и морально-этическому воспитанию. Мотивация учащихся основана на долге перед семьей и обществом, отражая коллективистский тип культуры [Бекбаев 2024, с. 17].

Сохраняется система экзаменов высокого уровня, с акцентом на глубокое изучение классических знаний, которая в совокупности с инновационными методами обеспечивает качество образования.

Однако традиционализм порождает дилеммы: сопротивление инновациям и недостаток развития критического мышления. Китай стремится сохранять уникальную образовательную модель, отвечающую глобальным вызовам без утраты культурной самобытности.

Традиционализм усиливает национальную идентичность, социализацию, передачу этических норм и патриотизма, через учебные программы и практики, направленные на укрепление стабильности общества.

В последние годы в КНР активно внедряются цифровые и интерактивные технологии, сохраняя при этом традиционные ценности, что отражает диалектическое развитие образования в Китае [Гордеева и др. 2023].

В системе образования КНР, начиная с середины 2010-х гг., активно развиваются современные государственные проекты, направленные на интеграцию интернет-технологий и искусственного интеллекта в просветительскую сферу. Главным импульсом служит стратегия «Интернет+» – масштабная концепция внедрения цифровых сервисов, платформ и интерактивных образовательных ресурсов как на уровне отдельных учебных заведений, так и по всей стране.

Китайское правительство системно обеспечивает запуск и развитие национальных онлайн-платформ, где реализуются дистанционные учебные курсы, электронные библиотеки, интеллектуальные системы управления учебным процессом¹².

Такая технология позволяет преодолеть территориальные и социальные ограничения, делая качественное образование доступным для учащихся всех регионов и социальных групп.

Цифровая модернизация сопровождается специальными нормативными актами, инвестициями, и контролируется на федеральном уровне через механизмы оценки и совершенствования образовательных практик.

Под нормативными правовыми актами, сопровождающими цифровую модернизацию образования в Китае, подразумеваются следующие ключевые документы: «Ключевые направления работы Министерства образования КНР в 2022 году» – стратегический документ, в котором цифровизация обозначена как одна из приоритетных задач развития образования и определены меры по повышению информационной грамотности педагогов. Законо-

¹² Internet Plus Education Policy Solves Chinese Education Imbalance // Elearning Industry. 2021. May 11. URL: <https://elearningindustry.com/internet-plus-education-policy-solves-chinese-education-imbalance> (дата обращения 10 октября 2025).

дательные постановления и рекомендации по интеграции ИКТ в образование, опубликованные Министерством образования КНР, включая «Постановление о реформе системы интеграции информационных технологий с образованием» 1985 г. – исторический фундамент развития информатизации образования. Регулятивные меры Государственного совета Китая и профильных ведомств, которые устанавливают требования к реализации и контролю программ цифровизации, включая нормы по информационной безопасности, защите персональных данных обучающихся и педагогов. Национальные стандарты и руководства по созданию образовательной инфраструктуры с применением передовых цифровых технологий, разработанные с учетом современных тенденций искусственного интеллекта и больших данных (Big Data) [Ли Тянь 2024, р. 35].

Эти документы образуют правовую основу для федерального контроля и оценки эффективности образовательных практик в условиях цифровой трансформации в КНР, а также задают стратегические ориентиры для внедрения инноваций и повышения качества педагогической деятельности.

Одной из ключевых инноваций в образовательной системе безусловно стало массовое внедрение систем искусственного интеллекта, которые обеспечивают автоматизированную диагностику учебных затруднений, формирование индивидуальных траекторий развития, интеллектуальную проверку письменных и тестовых работ, цифровую поддержку преподавателей через ассистентское ПО. ИИ анализирует большие массивы данных об успехах и активности студентов, помогая персонализировать обучение и делать его адаптивным к потребностям каждого. В вузах развиваются интеллектуальные онлайн-курсы, адаптирующие сложность материалов в реальном времени, а в школах – системы мониторинга и оптимизации учебных программ¹³.

Масштабы цифровизации радикально повысили уровень доступности и гибкости учебного процесса, особенно в условиях экстренного перехода к онлайн-форматам. Вместе с тем появляются новые вызовы:

- риски нарушения конфиденциальности информации;
- повышение требований к кадровому составу и цифровой грамотности педагогов;
- необходимость постоянной адаптации государственных стандартов.

Эта модель требует не только технологического обновления, но и тонкой настройки системы воспитания на основе национальных культурных и этических ценностей.

¹³ Internet Plus Education Policy Solves Chinese Education Imbalance...

Таким образом, китайское образование развивается по пути глубокой интеграции интернет-сервисов и ИИ-инструментов, опираясь на стратегическое планирование, государственное регулирование и инновационный подход к созданию цифровой образовательной среды.

Роль традиционализма в формировании образовательной политики

Образовательная политика КНР – важнейший инструмент национальной стратегии, направленной на социальное единство, культурную идентичность и устойчивое развитие. Традиционализм выступает не только как культурная ценность, но и как идеологический ресурс, стимулирующий консолидацию общества на базе исторических принципов.

Государственная стратегия ориентирована на укрепление «китаецентризма», подчеркивающего уникальность национальных традиций в условиях модернизации. Традиционализм служит механизмом поддержки стабильности и противодействия размыванию культурных основ под воздействием глобальных вызовов.

Образовательная политика интегрирует традиционные ценности с современными технологиями, формируя у учащихся чувство национальной гордости и исторической преемственности.

Воспитательный аспект направлен на пропаганду моральных норм, соответствующих конфуцианской традиции: уважению, преданности семье, трудолюбию и коллективизму, что широко транслируется через учебные стандарты, внеклассные мероприятия и государственные инициативы [Бекбаев 2024].

Роль учителя как наставника и хранителя традиций подкреплена нормативной базой и поддержкой государства. Одновременно развиваются меры по гармонизации традиций с цифровыми инновациями, что способствует всестороннему развитию учащихся [Гордеева и др. 2023].

Таким образом, традиционализм интегрирован в образовательную политику как фактор устойчивого развития, сохранения идентичности и реализации идеологических задач государства.

Проблемы и вызовы традиционализма в китайском образовании

Описанная выше институционализация конфуцианского традиционализма порождает внутренние противоречия. С одной стороны, государство закрепляет традиционные ценности в зако-

нодательстве и учебниках. С другой стороны, эта же модель становится с системными вызовами, которые недостаточно освещены в официальном дискурсе.

Традиционализм сталкивается с вызовами изменений в экономике, технологиях и глобализации. Главная проблема – сопротивление реформам, направленным на развитие критического мышления и творческих способностей, из-за акцента на дисциплине и усвоении классических знаний.

Система экзаменов «гаокао» подвергается критике за чрезмерный стресс и ограничение всестороннего развития учащихся¹⁴.

Социальное неравенство между городскими и сельскими школами влияет на доступность качественного образования и социальную стабильность¹⁵.

Необходим интеграционный баланс между традиционализмом и мировыми образовательными стандартами, что требует новых педагогических концепций.

Традиционализм также вызывает дискуссии в контексте прав ребенка и демократизации образовательного процесса [Кремнев 2024, с. 83].

Таким образом, традиционализм в образовании КНР функционирует в режиме напряжения: он востребован обществом (62,1% за классику в школах), но вызывает скепсис в политической ипостаси (73,4% против конфуцианства как идеологии). Это противоречие требует отдельного анализа, выходящего за рамки данной статьи.

Традиционализм и современные педагогические технологии

В Китае развивается интеграция традиционализма с инновационными педагогическими методами. Цифровые платформы расширяют доступ к образованию, позволяя индивидуализировать учебный процесс и повысить мотивацию [Гордева и др. 2023].

При этом сохраняется традиционная роль учителя как наставника и хранителя ценностей, теперь фасилитатора самостоятельного мышления и коллективной работы¹⁶.

¹⁴ Особенности школьного образования в Китае // Mandarin School. 2025. URL: <https://mymandarin.ru/news/osobennosti-shkolnogo-obrazovaniya-v-kitae/> (дата обращения 14 августа 2025).

¹⁵ Не плошку риса съесть: как Китай превратил образование в стратегический ресурс развития // Сайт НИУ «Высшая школа экономики». 2025. URL: <https://ioe.hse.ru/news/892384219.html> (дата обращения 14 августа 2025)

¹⁶ Особенности школьного образования в Китае....

Внедряются формативное оценивание и исследовательские проекты, развивающие творчество и практические навыки. Межкультурный обмен и изучение иностранных языков способствуют формированию глобальной компетентности при сохранении национальной идентичности. Современные технологии способствуют гармонизации традиционного и инновационного компонентов национального образования. Реформы образования направлены на синтез традиционализма и инноваций, поддержание качества и доступности образования и формирование всесторонне развитой, патриотичной личности. Поддержание роли учителя как хранителя традиций сочетается с внедрением новых педагогических методов и технологий, развивающих творческий потенциал и критическое мышление.

Комплексный подход включает сохранение здоровья и психического благополучия учеников через гармонию тела и духа как традиционное представление¹⁷.

Заключение

Традиционализм в образовательной системе КНР – фундаментальный элемент, объединяющий историческое наследие и современные практики. Он опирается на конфуцианские ценности уважения, дисциплины и коллективизма, поддерживающие национальную идентичность и социальную гармонию. Проведенный анализ показывает, что традиционализм в КНР является не только историко-культурным феноменом, но и действенным инструментом государственной образовательной политики. Именно сочетание традиционных ценностей с инновационными методами позволяет сохранять устойчивость и конкурентоспособность китайской образовательной системы в эпоху глобальных перемен.

Традиционализм адаптируется к изменениям, формируя модель образования, сочетающую традиции с инновациями. Вместе с тем вызовы требуют баланса между сохранением культурных ценностей и развитием творческого потенциала обучающихся.

Будущее образования в Китае – в диалоге традиций и прогресса, определяющем социальную значимость системы и качество подготовки граждан.

Литература

Бекбаев 2024 – Бекбаев Р.Р. Трансформация образования через призму традиционализма: компаративный анализ // Proceedings of MMIT'24 International Conference. 28 мая 2024. Ташкент, 2024. С. 16–18.

¹⁷ Не плошку риса съесть...

- Гордеева и др. 2023 – Инновационные технологии управления обучением взрослых: Материалы конференции Digital Learning 2023 / Под ред. Е.В. Гордеевой. М., 2023. 120 с.
- Константинова 2011 – Константинова М.А. Философские основы современного китайского образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. 1. С. 72–74.
- Кремнев 2024 – Кремнев Е.В. Идеологически-ориентированные модели изучения социального управления в Китайской Народной Республике // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. № 1. С. 85–100.
- Ли Дунмэй, Сюэце Ли 2001 – Ли Дунмэй (李冬梅), Сюэце Ли (李雪杰). Анализ качеств квалифицированного преподавателя иностранного языка (合格外语教师的素质分析) // Журнал Северо-китайского технологического института (华北工学院学报). 2001. № 3. С. 72–88.
- Ли Тянь 2024 – Ли Тянь. Информатизация педагогического образования в КНР как условие совершенствования качества подготовки учителя: Дис. ... канд. пед. наук. / Московский гос. пед. ун-т. М., 2024. 303 с.
- Чжан Кэу 2017 – Чжан Кэу. Сяо Юмэй и его роль в становлении современного китайского музыковедения: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Нижегород. гос. консерватория им. М.И. Глинки. Нижний Новгород, 2017. 24 с. URL: https://nnovcons.ru/files/Dis/ar_zhang.pdf (дата обращения 26 января 2026).
- Фань Чушу 2022 – Фань Чушу. Ценности конфуцианства в современной системе образования Китая // Современное педагогическое образование. 2022. № 4. С. 63–67.
- Ambrogio 2017 – Ambrogio S. Moral Education and Ideology: The Revival of Confucian Values and the Harmonious Shaping of the New Chinese Man // Asian Studies. 2017. Vol. XXI, no. 2. P. 113–135.
- Meng Wanjin 2010 – Meng Wanjin. Sixty Years of Splendid Special Education // Education. 2010. № 1. P. 14–19.
- Seong Hwan Cha 2003 – Seong Hwan Cha. Modern Chinese confucianism: The contemporary neo-confucian movement and its cultural significance // Social Compass. 2003. Vol. 50. No. 4. P. 481–491.

References

- Ambrogio, S. (2017), "Moral Education and Ideology: The Revival of Confucian Values and the Harmonious Shaping of the New Chinese Man", *Asian Studies*, vol. XXI, no. 2, pp. 113–135.
- Bekbaev, R. (2024), "Transformation of education through the prism of traditionalism: comparative analysis", *Proceedings of MMIT'24 International Conference*, Tashkent, Uzbekistan, pp. 16–18.

- Gordeeva, E.V. (ed.) (2023), *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya obucheniem vzroslykh: Materialy konferentsii Digital Learning [Innovative Technologies for Managing Adult Learning: Proceedings of the "Digital Learning 2023" Conference]*, Moscow, Russia.
- Fan Chushu (2022), "The Confucianism values in the modern educational system of China", *Modern Pedagogical Education*, no. 4, pp. 63–67.
- Konstantinova, M.A. (2011), "Philosophical foundations of modern Chinese education", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Issues of Theory and Practice*, no. 4 (10), part 1, Tambov, Gramota, pp. 72–74.
- Kremnyov, E.V. (2024), "Ideologically-oriented models for the study of social management in the People's Republic of China", *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, no. 17(1), pp. 85–100.
- Li Dongmei and Li Xuejie (2001), "Analysis of the qualities of a qualified foreign language teacher", *Journal of North China Institute of Technology*, no. 3, pp. 72–88.
- Li Tian (2024), *Informatization of pedagogical education in the PRC as a condition for improving the quality of teacher training*, Ph.D. dissertation, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.
- Meng Wanjin (2010), "Sixty Years of Splendid Special Education", *Education*, no. 1, pp. 14–19.
- Seong Hwan Cha (2003), "Modern Chinese confucianism: The contemporary neo-confucian movement and its cultural significance", *Social Compass*, vol. 50, no. 4, pp. 481–491.
- Zhang Keu (2017), *Xiao Yumei and his role in the formation of modern Chinese musicology* [in Russian], Abstract of Ph.D. dissertation, Nizhny Novgorod State Conservatory named after M.I. Glinka, Nizhny Novgorod, Russia, available at: https://nnovcons.ru/files/Dis/ar_zhang.pdf (Accessed 26 January 2026).

Информация об авторе

Полина А. Кузнецова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6, стр. 6; apollinariasmith21@gmail.com

Information about the author

Polina A. Kuznetsova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; apollinariasmith21@gmail.com

Россия в Африке и Евразии: двусторонне и интеграционное сотрудничество

УДК 327(470+689.1)

DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-112-133

Перспективы развития российско-зимбабвийских отношений

Егор В. Куропятник

*Институт Африки РАН, Москва, Россия
gosha051198@mail.ru*

Аннотация. В Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается, что Россия намерена способствовать становлению Африканского континента в качестве самобытного и влиятельного центра мирового развития. Принятые декларации саммитов Россия-Африка свидетельствуют об исторически сложившихся и проверенных временем дружественных связях между Российской Федерацией и африканскими государствами, взаимном уважении и доверии, традициях совместной борьбы за искоренение колониализма и становления независимости стран Африки. Одной из традиционно дружественных России африканских стран является Зимбабве. Российско-зимбабвийские отношения в последние десятилетия претерпели существенную трансформацию, хотя исторические связи времен СССР создали определенную основу для современного диалога. В исследовании приводятся текущие успешные и требующие дополнительного внимания двусторонние проекты в различных сферах. Анализируя концептуальные основы российской политики на Юге Африки, автор выявляет перспективные пути развития двусторонних связей с Республикой Зимбабве. Исследование базируется на анализе официальных документов, СМИ, материалах саммитов Россия – Африка, а также личных бесед автора с представителями зимбабвийских государственных структур и дипломатического корпуса. В работе предлагаются рекомендации по углублению двустороннего взаимодействия России с Зимбабве, включая диверсификацию торгово-экономических связей и координацию позиций на международных площадках.

© Куропятник Е.В., 2026

Ключевые слова: российско-зимбабвийские отношения, внешняя политика России, многополярность, перспективы сотрудничества, Юг Африки, санкции, стратегическое партнерство, Глобальный Юг

Для цитирования: Куropyatник Е.В. Перспективы развития российско-зимбабвийских отношений // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 4. С. 112–133. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-112-133

Prospects for the development of Russia-Zimbabwe relations

Egor V. Kuropiatnik

*Russian Academy of Sciences Institute for African Studies
Moscow, Russia, gosha051198@mail.ru*

Abstract. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation notes that Russia intends to contribute to the formation of the African continent as an original and influential center of global development. The adopted declarations of the Russia-Africa summits attest to the historically established and time-tested friendly ties between the Russian Federation and African States, mutual respect and trust, traditions of joint struggle for the eradication of colonialism and establishment of African independence. Zimbabwe is one of the traditionally friendly African countries to Russia. Russia-Zimbabwe relations have undergone a significant transformation in recent decades, although the historical ties of the Soviet era have created a certain basis for modern dialogue. The study highlights current successful and requiring additional attention bilateral projects in various fields. Analyzing the conceptual foundations of Russian policy in Southern Africa the author identifies prospective ways to develop bilateral relations with the Republic of Zimbabwe. The research is based on analysis of official documents, media, materials from the Russia–Africa summits, as well as personal conversations between the author and representatives of Zimbabwean government agencies and diplomatic corps. The paper offers recommendations on deepening bilateral cooperation between Russia and Zimbabwe including the diversification of trade and economic ties and coordination of positions on international platforms.

Keywords: Russia-Zimbabwe relations, Russian foreign policy, multipolarity, prospects for cooperation, South Africa, sanctions, strategic partnership, Global South

For citation: Kuropiatnik E.V. (2026), “Prospects for the development of Russia – Zimbabwe relations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 112–133, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-112-133

Введение

Развитие взаимоотношений с африканскими государствами выступает одним из магистральных направлений внешнеполитического курса России. Республика Зимбабве для СССР играла роль важного партнера на африканском континенте, что позволяет говорить о наличии исторически сформированного опыта двустороннего взаимодействия, включавшего политическую поддержку национально-освободительного движения и последующее выстраивание многоплановых связей уже с независимым государством.

Преемственность советских подходов прослеживается в логике современной российской стратегии, однако присутствуют заметные корректировки, обусловленные изменением международной конъюнктуры и трансформацией внешнеполитических приоритетов России после распада Советского Союза.

Экономические показатели сотрудничества России с Зимбабве сегодня носят относительно скромный характер. С учетом этого проблемного аспекта автором настоящей статьи предпринята попытка практического анализа и критического осмысления многоплановых перспектив развития российско-зимбабвийских отношений, в том числе в экономической сфере.

Цель настоящей работы – анализ перспектив развития российско-зимбабвийских отношений. Предстоит оценить эффективность продвижения российских интересов. Внимание также уделяется выявлению факторов, которые влияли на интенсивность взаимодействия в различные исторические периоды. Помимо аналитической составляющей, исследование предполагает выработку практико-ориентированных рекомендаций, направленных на углубление сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах с перспективой выхода на новый уровень стратегического партнерства.

Российско-африканские связи на протяжении последних десятилетий привлекали внимание отечественных исследователей. Экономические аспекты взаимодействия представлены в работах Е.В. Ковалевой [Ковалева 2024]. Военно-политическую сферу, включая вопросы безопасности и миротворчества, изучала А.А. Пачина [Пачина 2024]. Научно-техническое направление нашло отражение в публикациях Р.С. Джоланова, Е.А. Крыловой, М.А. Купоровой и К.В. Предеина [Джоланов и др. 2023]. Отдельного упоминания заслуживают труды И.О. Абрамовой, Л. Фитуни и Г. Сидоровой [Абрамова, Фитуни 2019; Сидорова 2023] о различных формах российского присутствия на африканском континенте.

В России немногие авторы исследуют политико-экономическую ситуацию в Зимбабве и российско-зимбабвийские отношения. В постсоветский период в Институте Африки РАН об этой стране было подготовлено лишь несколько работ: в 2007 г. – сборник статей «Проблемы развития ЮАР и Зимбабве» [Сосновская 2007]; монографии В.Г. Шубина «Судьбы Зимбабве» [Шубин 2015] и «Горячая “холодная война”» [Шубин 2013].

Текущее состояние и перспективы развития сотрудничества России со странами Африки, включая Зимбабве, в политической, экономической и гуманитарной сферах представлены в диссертационных работах П.Ю. Ровчака «Перспективы развития отношений России со странами Африки» [Ровчак 2022] и Г.Г. Шаламова «Национально-государственные интересы Российской Федерации в регионе Африки к Югу от Сахары в условиях глобализации» [Шаламов 2019].

Э.Р. Салахетдинов анализирует новый внешнеполитический курс Зимбабве «Смотри на Восток» в диссертационной работе «Влияние внешних факторов на кризис в Зимбабве в начале XXI века» и уделяет особое внимание раскрытию проблем и перспектив сотрудничества Зимбабве с группой альтернативных партнеров, включая Россию [Салахетдинов 2015].

Всесторонний анализ российско-зимбабвийских отношений представлен в сборнике «Зимбабве: на пути устойчивого развития», выпущенном Институтом Африки РАН [Токарев, Горелик 2025].

Научная новизна и актуальность настоящего исследования определяются комплексным подходом к рассмотрению перспектив межгосударственных отношений России и Зимбабве с детализацией конкретных проектов и инициатив в различных сферах по их дальнейшей реализации.

При обращении к эмпирическим данным, содержащимся в статистических материалах российских и зарубежных организаций, а также в средствах массовой информации, использовались методы контент-анализа, системный и структурно функциональный подходы.

Метод контент-анализа был применен при анализе официальных выступлений и интервью, заявлений руководства России и Зимбабве, документов МИД России и министерства иностранных дел и международной торговли Зимбабве.

Системный подход был необходим для исследования текущего взаимодействия России с Зимбабве. Структурно функциональный подход был полезен при изучении перспективных проектов российско-зимбабвийского сотрудничества.

Для систематизации приводимых в исследовании данных применялся статистический анализ на основе данных ООН, МВФ, зимбабвийского статистического агентства.

Источниковую базу исследования составили научные монографии и статьи, а также документы органов государственной власти Российской Федерации. Кроме того, изучены российские и зимбабвийские материалы средств массовой информации и интернет-ресурсы.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке практических мер по укреплению российско-зимбабвийского сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах.

История взаимоотношений

Республика Зимбабве исторически занимала последовательную позицию в отстаивании принципов независимости и невмешательства во внутренние дела суверенных государств [Ровчак 2022].

Истоки и эволюция внешней политики СССР в отношении Зимбабве предоставляют ценный исторический опыт и создают фундамент для современного этапа развития двусторонних связей. Советский Союз, руководствуясь идеологическими соображениями и прагматическими интересами в контексте глобального противостояния с Западом, активно поддерживал народ Зимбабве в борьбе за независимость и подлинный суверенитет, вносил значительный вклад в процесс деколонизации страны [Шубин 2015].

СССР оказывал существенную политическую и экономическую поддержку Союзу африканского народа Зимбабве (ЗАПУ). Руководитель ЗАПУ Джошуа Нкомо ориентировался прежде всего на советскую позицию по многим международным вопросам. Однако в конце 1970-х гг. на политической арене Зимбабве начал доминировать Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ) во главе с Робертом Мугабе, который впоследствии стал президентом страны (1987–2017). В силу различных политических обстоятельств СССР долго не мог установить конструктивных связей с этой партией [Шубин 2013].

Только во второй половине 1990-х гг. были установлены межпарламентские связи между Зимбабве и Россией. В 1999 г. Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Зимбабве было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве [Шубин 2015].

В 2008 г. Россия поддержала Китай в Совете Безопасности ООН и заблокировала введение санкций против режима Р. Мугабе, что стало важным шагом в дальнейшем развитии российско-зим-

бабвийских отношений¹. В 2010-е гг. с изменением геополитической конъюнктуры и осознанием необходимости диверсификации внешнеполитических партнеров Россия вновь стала уделять повышенное внимание африканскому континенту [Кошкин 2019].

В этом широком контексте Республика Зимбабве с ее исторически сложившимися дружественными связями с Россией, восходящими еще к периоду национально-освободительной борьбы, вновь приобрела стратегическое значение.

Двусторонние отношения

В современной геополитической обстановке Зимбабве остается одним из важных внешнеполитических партнеров России в Африке.

Российско-зимбабвийское партнерство актуализировалось на фоне обострения отношений РФ с западными странами из-за разногласий позиций по ситуации в Украине. В марте 2014 г. Республика Зимбабве поддержала позицию России в Генеральной ассамблее ООН и проголосовала против принятия резолюции, признающей аннексию Крыма незаконной².

На фоне нарастающей конфронтации с Западом и введения масштабных санкций после 2022 г. Россия позиционирует себя как глобальная сила, которая отстаивает принципы подлинного равенства и справедливости на международной арене. По теме Специальной военной операции проявилась солидарная позиция правительства Зимбабве и правящей партии Африканский национальный союз Зимбабве – Патриотический фронт (ЗАНУ-ПФ) в отношении противодействия НАТО и защиты суверенитета России³.

Республика Зимбабве была представлена на высшем уровне на саммитах Россия-Африка в 2019 и 2023 гг. [Адебайо 2024]. Зимбабвийская делегация активно взаимодействовала с российской стороной «на полях» двух министерских конференция Форума партнерства Россия-Африка в 2024 и 2025 гг.

¹ РБК: Россия и Китай провалили в СБ ООН санкции против Зимбабве. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/07/2008/5703cdb89a79473dc81477c5> (дата обращения 2 февраля 2026).

² РБК: Генассамблея ООН признала крымский референдум незаконным. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/03/2014/57041a309a794761c0ce860a> (дата обращения 2 февраля 2026).

³ Официальные сетевые ресурсы Президента России. Российско-зимбабвийские переговоры. 6 июня 2024 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74232> (дата обращения 5 февраля 2026).

В фокусе внимания зимбабвийцев – формирование нового мироустройства на основе принципов суверенного равенства государств и невмешательства в их внутренние дела, а также солидарность этой африканской страны с Россией и Китаем в противодействии гегемонии Запада⁴.

Правительство Зимбабве последовательно выражает заинтересованность в присоединении к БРИКС и к Новому банку развития БРИКС, что свидетельствует о стремлении к интеграции в формирующиеся глобальные финансовые структуры и к усилению геополитического влияния страны на мировой арене. Министр иностранных дел и международной торговли Зимбабве А. Мурвира подчеркивает, что межгосударственное объединение рассматривается правящими кругами этого африканского государства как стабильная и прагматичная платформа для сотрудничества, в особенности для развивающихся экономик, которые находятся в поисках альтернативы западным финансовым системам и политическим условиям⁵.

С 2019 г. флагманским проектом российско-зимбабвийского инвестиционного партнерства является совместное предприятие с участием АК «АЛРОСА» (ПАО) и Национальной алмазодобывающей компанией Зимбабве (Zimbabwe Consolidated Diamond Company, ZCDC), осуществляющее геологоразведку. В 2025 г. совместное предприятие получило разрешение на разведку золота. На сегодняшний день СП «АЛРОСА – Зимбабве» имеет 40 специальных разрешений и эксклюзивных лицензий на перспективные участки недр [Сидоров 2025].

Параллельно Россия участвует в создании в Зимбабве национальной службы санитарной авиации на базе поставленных в 2023 г. Госкорпорацией «Ростех» вертолетов и путем подготовки российской компанией «Хели-драйв» пилотов и медперсонала⁶.

Перспективы двустороннего сотрудничества Политический аспект

Перспективы российско-зимбабвийского сотрудничества связаны с усилением координации на политическом уровне, существенным наращиванием и диверсификацией торгово-экономичес-

⁴ Rudland Ocheng. China, Russia: The game-changers for Africa // The Herald. 2024. September 12. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/china-russia-the-game-changers-for-africa/> (дата обращения 5 февраля 2026).

⁵ Marble Nkomo. Zimbabwe steps up bid for Brics membership // The Herald. 2026. January 25. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/zimbabwe-steps-up-bid-for-brics-membership/> (дата обращения 2 февраля 2026).

⁶ Официальный сайт Посольства России в Зимбабве. URL: https://zimbabwe.mid.ru/ru/about_zimbabwe/ (дата обращения 10 февраля 2026).

кого взаимодействия, выходом на новый уровень товарооборота и инвестиционного партнерства. Схожесть внешнеполитических подходов России и Зимбабве способствует налаживанию сотрудничества.

В Концепции внешней политики Российской Федерации (последняя редакция утверждена в 2023 г.) отмечается намерение всесторонне способствовать становлению Африканского континента как самобытного и все более влиятельного центра мирового развития и важного полюса формирующегося многополярного миропорядка⁷.

Зимбабвийская внешняя политика основана на защите суверенитета и продвижении национальных экономических интересов, а также исторически обусловлена антиимпериализмом и солидарностью с национально-освободительными движениями.

Под провозглашенным в 2021 г. президентом Республики Зимбабве Э. Мнангагвой лозунгом – «дружить со всеми и ни с кем не враждовать» внешняя политика Зимбабве сегодня сосредоточена на возобновлении взаимодействия с Западом и «взгляде на Восток»⁸.

Зимбабве демонстрирует приверженность формированию полицентричной архитектуры мироустройства при центральной роли ООН, соблюдению международного права, неприятию неоколониальных подходов, включая «порядок, основанный на правилах». В русле данного подхода руководство страны выражает солидарность с Россией в отношении обеспечения безопасности государственных рубежей и урегулирования украинского кризиса [Красильников 2025].

Зимбабве выступает за реформирование Совета Безопасности ООН в соответствии с «консенсусом Эзулвини». Это африканское государство заручилось поддержкой Африканского союза (АС) и Сообщества развития Юга Африки (САДК) как кандидата на вхождение в состав непостоянных членов СБ в 2027–2028 гг.⁹

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. 2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 12 февраля 2026).

⁸ Zimbabwe's Foreign Policy // Ministry of Foreign Affairs and International Trade of the Republic of Zimbabwe. 2021. URL: <https://www.zimfa.gov.zw/index.php/about-us/foreign-policy> (дата обращения 12 февраля 2026 г.).

⁹ Zimbabwe secures AU backing in UN Security Council bid // Informer East Africa. 2026. February 25. URL: <https://informereastafrica.com/index.php/east-africa/zimbabwe-secures-au-backing-in-un-security-council-bid> (дата обращения 28 февраля 2026).

Россия также выразила поддержку заявке Зимбабве, что является важным шагом в развитии двусторонних взаимоотношений¹⁰.

Одним из магистральных направлений внешней политики Зимбабве является развитие сотрудничества с государствами Африки в рамках региональных объединений – Африканского союза, Сообщества развития Юга Африки, Общего рынка стран юго-восточной Африки (КОМЕСА). Особое значение придается САДК, в котором Зимбабве позиционирует себя как одну из ведущих региональных сил. В 2019 г. Сообщество объявило 25 октября «Днем борьбы с санкциями», введенными в одностороннем порядке против Зимбабве со стороны США и ЕС [Нестерова, Токарев 2025]. Схожесть внешнеполитических подходов России и САДК в отношении санкций представляет возможность для установления долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества путем привлечения Зимбабве в качестве связующего звена. Для России развитие такого рода партнерства с региональным объединением способствовало бы закреплению своих позиций на Юге Африки.

По итогам переговоров Министра иностранных дел и международной торговли Зимбабве А. Мурвиры и Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в марте 2025 г. Зимбабве официально подала заявку на вступление в БРИКС¹¹. Решения в этом объединении принимаются на основе совместного консенсуса стран-участниц. Россия в свою очередь поддержала этот запрос¹². Как представляется, присоединение традиционно дружественной Республики Зимбабве к БРИКС поспособствует расширению российского влияния на Юге Африки и африканском континенте в целом. России необходимо простимулировать проявленную зимбабвийцами инициативу.

Для полноценной реализации перспектив двустороннего взаимодействия в политическом ключе требуется существенное укрепление диалога на высшем и высоком уровне через организацию

¹⁰ Permanent Mission of Zimbabwe to the United Nations. Security Council Bid 2027-2028. 2025. February 3. URL: <https://www.un.int/zimbabwe/zimbabwe/security-council> (дата обращения 28 февраля 2026).

¹¹ РИА Новости: Зимбабве подала заявку в БРИКС. 06.03.2025. URL: <https://ria.ru/20250306/zimbabwe--2003392388.html> (дата обращения 28 февраля 2026).

¹² Африканская инициатива. Россия поддерживает вступление Зимбабве в БРИКС – посол. 13.10.2025. URL: <https://afrinz.ru/2025/10/rossiya-podderzhivaet-vstuplenie-zimbabwe-v-briks-posol/> (дата обращения 28 февраля 2026).

регулярных официальных визитов президентов, председателей правительств, руководителей парламентов и профильных министров обеих стран.

Экономическая составляющая

В структуре двустороннего товарооборота в 2024 г. доминирует узкий круг позиций. Он включает традиционные для зимбабвийского экспорта сельскохозяйственные продукты – табак, чай, растения для парфюмерии и эфирные масла.

Рис. 1. Товарная структура экспорта Зимбабве в Россию в 2024 г. (в млн долл. США)¹³

¹³ Russia – Zimbabwe trade turnover (export) // Zimbabwe National Statistics Agency. URL: <https://zimstat.co.zw/external-trade/> (дата обращения 10 декабря 2025).

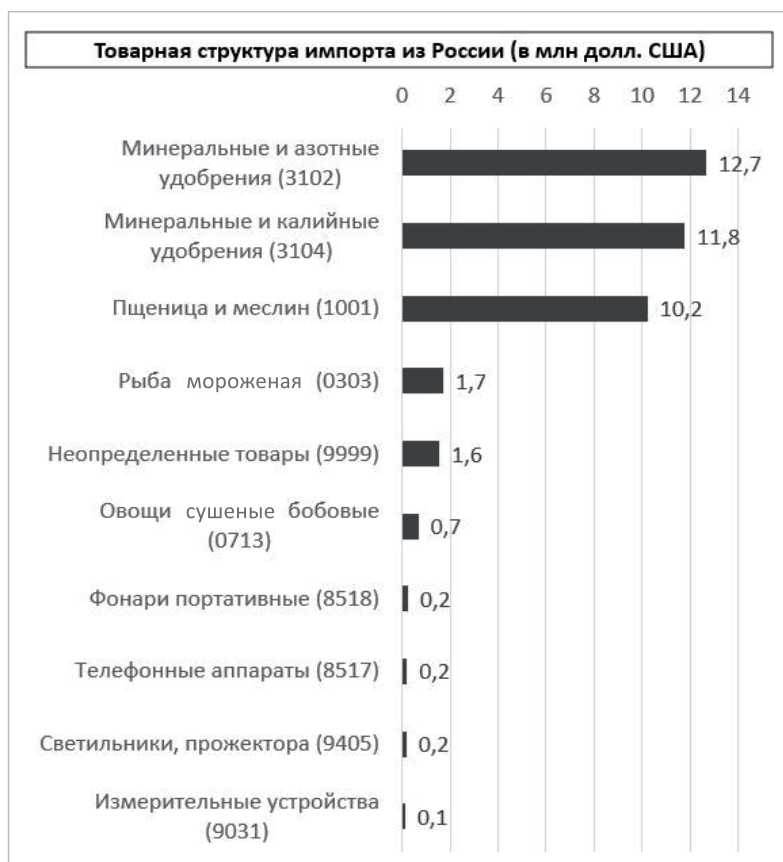

Рис. 2. Товарная структура импорта из России в Зимбабве в 2024 г.
(в млн долл. США)¹⁴

В 2023 г. товарооборот достиг рекордных 167,8 млн долл. за счет увеличения российских экспортных поставок зерна, удобрений и вертолетной техники¹⁵. На декабрь 2022 г. товарооборот между

¹⁴ Russia – Zimbabwe trade turnover (import) // Zimbabwe National Statistics Agency. URL: <https://zimstat.co.zw/external-trade/> (дата обращения 10 декабря 2025).

¹⁵ Гончарук Д. Матвиенко: Товарооборот между Россией и Зимбабве за год вырос почти в семь раз // Российская газета. 2024. 19 сентября. URL: <https://rg.ru/2024/09/19/matvienko-tovarooborot-mezhdu-rossiej-i-zimbabve-za-god-vyros-pochti-v-sem-raz.html> (дата обращения 20 декабря 2025).

Россией и Зимбабве составил 15,6 млн долл. – уменьшение на 38% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года по причине отсутствия в экспорте из России злаковых и фармацевтической продукции, двукратного снижения импорта табака и кофе¹⁶. В 2021 г. показатели двусторонней торговли составили 42,7 млн долл.¹⁷, уменьшившись на 6 млн долл. (16%) по сравнению с 2020 г.¹⁸

Таблица 1

Динамика общего торгового оборота России с Зимбабве
(в млн долл. США)

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Товарооборот	33,1	48,8	42,7	15,6	167,8	36,1
Российский экспорт в Зимбабве	3,2	3,0	7,9	6,4	166,3	34,8
Российский импорт из Зимбабве	29,9	45,8	34,8	8,7	1,5	1,3

Целесообразно расширить номенклатуру поставок, предоставляя современное высокотехнологичное оборудование из России для различных отраслей экономики, что позволит Зимбабве модернизировать промышленность, сельское хозяйство, транспортную и энергетическую инфраструктуру.

Горнорудное дело и геология

Зимбабве обладает выдающимся природно-ресурсным потенциалом, включая одни из крупнейших в мире запасы платины, значительные месторождения золота, алмазов, хрома, угля и лития – необходимого металла для производства аккумуляторов электромобилей, что представляет интерес для российских горнодобывающих и металлургических компаний [Абрамова, Фитуни 2019].

¹⁶ Официальный сайт Посольства России в Зимбабве. URL: https://zimbabwe.mid.ru/ru/about_zimbabwe/ (дата обращения 20 декабря 2025).

¹⁷ Товарооборот России с Зимбабве. Торговля между Россией и Зимбабве в 2021 г. Внешняя торговля России. 12.02.2022. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-zimbabve-v-2021-g/> (дата обращения 20 декабря 2025).

¹⁸ Торговля между Россией и Зимбабве в 2020 г. Внешняя торговля России. 13.02.2021. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-ros-siey-i-zimbabve-v-2020-g/> (дата обращения 20 декабря 2025).

Геологическая изученность территории страны остается неполной. Многие перспективные участки не обследованы современными методами. Существующие месторождения зачастую разрабатываются устаревшими, экологически небезопасными технологиями с низким коэффициентом извлечения. Россия может предложить африканскому государству передовые технологии в области горнодобычи, богатый опыт и квалифицированных специалистов в данной отрасли, что создает объективную базу для формирования взаимовыгодного и долгосрочного экономического партнерства [Сидорова 2023].

С учетом действующего запрета на вывоз за рубеж ряда добываемых в Зимбабве полезных ископаемых¹⁹ российские компании могут заняться не просто добычей минеральной руды, например, хромовой, а производством переработанного сырья с добавленной стоимостью, включая ферросплавы.

Сельское хозяйство

В сельском хозяйстве зимбабвийская сторона заинтересована в российских технологиях, включая поставки современной сельскохозяйственной техники. Россия может поставлять технику и семена высокоурожайных сортов, адаптированных к местным условиям, минеральные удобрения, средства защиты растений, а также оказывать консультационную помощь в организации производства [Шаламов 2019]. В феврале 2024 г., в рамках реализации решений, принятых по итогам второго Саммита Россия-Африка в июле 2023 г., Министерство сельского хозяйства России поставило в Зимбабве в качестве гуманитарной помощи 25 тыс. тонн пшеницы [Красильников 2025].

Необходимо наращивать взаимодействие в сельскохозяйственной сфере с прицелом на заключение контрактов с зимбабвийскими партнерами на коммерческой основе.

Транспортная инфраструктура

В сфере логистики и транспортной инфраструктуры Зимбабве видит потенциал в сотрудничестве с Россией по модернизации железных дорог и строительству новых. Российские компании

¹⁹ Wallace Ruzvidzo. Govt reaffirms raw mineral export ban // The Herald. 2026. March 3. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/govt-reaffirms-raw-mineral-export-ban/> (дата обращения 15 февраля 2026).

обладают обширным опытом строительства транспортных объектов в сложных климатических и географических условиях [Владимиров 2021]. В данной сфере видится потенциал и богатый опыт профессиональной деятельности АО «Трансмашхолдинг», которое имеет локальное присутствие в Гвинее и Египте. В течение 2023 г. велись переговоры с госкомпанией «Национальные железные дороги Зимбабве» о поставке партии железнодорожной техники на сумму в 400 млн долл. США²⁰, однако данный проект не получил развития.

Энергетическая отрасль

Сотрудничество в развитии генерации и распределения электроэнергии, в том числе в перспективной для Зимбабве гидроэнергетике, представляется не менее важным. Страна испытывает дефицит электроэнергии, что тормозит развитие промышленности и создает социальные проблемы.

При этом у Зимбабве есть значительный гидроэнергетический потенциал, который используется не полностью. Российские энергетические компании, имеющие мировой опыт строительства ГЭС, АЭС и тепловых станций, могли бы стать ключевыми партнерами в решении энергетических проблем страны [Скубко 2025].

Зимбабвийцы отмечают потребность в модернизации 9 и 10 энергоблоков ТЭС «Хванге» с планируемыми мощностями 600 МВт²¹. Российские компании могут принять участие в тендере, пока данную нишу не заняли китайские предприятия.

Перспективным проектом видится зимбабвийско-замбийское строительство ГЭС «Батока» на р. Замбези мощностью 2,4 ГВт, в котором российская сторона может выступить в качестве иностранного инвестора²².

²⁰ *Innocent Madonko*. Russia's railway giant keen to expand footprint to Zim // The Herald. 2023. August 1. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/russias-railway-giant-keen-to-expand-footprint-to-zim/> (дата обращения 20 января 2026).

²¹ *Chris Takudzwa Muronzi*. Zimbabwe thermal plant upgrade to add 400 megawatts to grid // Reuters. 2025. December 29. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/zimbabwe-thermal-plant-upgrade-add-400-megawatts-grid-2025-12-29/> (дата обращения 24 января 2026).

²² *Rutendo Nyeve*. Zimbabwe, Zambia commit US\$440m to Batoka Gorge project // The Herald. 2025. December 30. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/zimbabwe-zambia-commit-us440m-to-batoka-gorge-project/> (дата обращения 24 января 2026).

Финансовая инфраструктура

Дополнительный барьер для выхода российских компаний на зимбабвийский рынок создают финансовые ограничения.

Стратегически важным представляется создание независимой инфраструктуры взаиморасчетов между Россией и Зимбабве, не завязанной на западные финансовые системы, используемые как инструмент политического давления и санкций [Абрамова, Фитуни 2019].

Решением данного вопроса призвана стать созданная банком ПСБ платформа трансграничных платежей А7, которая в сентябре 2025 г. начала свою деятельность в Зимбабве и Нигерии. Проект реализуется при комплексной поддержке государственных финансовых ведомств всех сторон и в тесном взаимодействии с партнерскими компаниями в Хараре и Лагосе²³.

Для совершенствования финансовых механизмов в рамках двусторонних расчетов необходима организация встреч профильных групп «на полях» предстоящей межправительственной комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству.

Правоохранительная сфера и военное-техническое сотрудничество

Россия способна внести значительный вклад в укрепление государственной безопасности Зимбабве.

С 2019 г. Республика Зимбабве направляет сотрудников правоохранительных органов, квота которых увеличивается с каждым годом, в высшие учебные заведения МВД России, для прохождения краткосрочных курсов повышения квалификации²⁴.

Однако взаимодействие не должно ограничиваться командированием зимбабвийских военных кадров для профессионального обучения в российских профильных вузах. В качестве примера для расширения сотрудничества стоит рассмотреть возможность приглашения российских специалистов и инструкторов для обмена опытом в различных областях, которые обладают практическим знанием военного дела [Пачина 2024].

²³ РБК: Странам Африки предложили подключаться к платформе А7. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/694956f99a7947aeb361002c> (дата обращения 2 февраля 2026).

²⁴ Официальный сайт Посольства России в Зимбабве. URL: https://zimbabwe.mid.ru/ru/about_zimbabwe/ (дата обращения 20 декабря 2025).

В контексте вопросов безопасности на международной политической арене важно сохранять традиционно дружественную двустороннюю поддержку инициатив, в частности на сессиях Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию и Генеральной Ассамблеи Интерпола.

Информационно-коммуникационные технологии

Перспективным направлением видится российско-зимбабвийское взаимодействие в цифровой сфере. В 2025 г. Министерство ИКТ, почтовой и курьерской служб Республики Зимбабве совместно с АНО «КОМИБ» и Фондом развития результативной кибербезопасности «Сайберус» подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области кибербезопасности. Министр ИКТ Т. Маветера в качестве зимбабвийского партнера назначила компанию “Red Zone Digital” для реализации национального проекта по наращиванию цифрового потенциала и созданию индустрии кибербезопасности в Зимбабве через обучение молодых специалистов²⁵.

Внимание зимбабвийского правительства также уделяется российскому опыту внедрения цифровых технологий и инструментов в борьбе с коррупцией и предоставления государственных и муниципальных услуг. Постоянный секретарь в Администрации Президента Т. Мугути и глава управления цифрового развития Администрации Т. Матекаире не раз принимали участие в мероприятиях Зимней школы обмена знаниями в области цифровизации государственного управления для стран Африки, организованных Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики»²⁶.

Образовательная и гуманитарная сферы

Гуманитарные, образовательные, научно-технические и культурные обмены между Россией и Зимбабве являются инвестицией в долгосрочное будущее двусторонних отношений. Ежегодно

²⁵ Zim, Russia sign key cybersecurity MoU // The Herald. 2025. October 16. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/zim-russia-sign-key-cybersecurity-mou/> (дата обращения 13 марта 2026).

²⁶ Joseph Madzimure. Zimbabwe, Russia meet over E-Government system // The Herald. 2024. August 2. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/zimbabwe-russia-meet-over-e-government-system/> (дата обращения 13 марта 2026).

представители зимбабвийской молодежи приезжают на обучение в ведущие российские университеты и институты. Студенты получают высшее образование, фундаментальные знания и практические навыки в самых востребованных для развития экономики Зимбабве областях [Красильников 2025].

Вступившее в силу в 2025 г. российско-зимбабвийское межправительственное соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, об ученых степенях, об ученых званиях, о квалификациях и других документах государственного образца существенно упрощает процесс академической мобильности²⁷.

Особое внимание в Зимбабве уделяется научному сотрудничеству с Россией в космической отрасли. В 2019 г. правительство создало Национальное космическое и геопространственное агентство Зимбабве для развития национальных космических и геоинформационных технологий, подготовки кадров, координации исследований и практического использования космических данных. При содействии специалистов Роскосмоса и сотрудников Юго-Западного государственного университета в ноябре 2024 г. с космодрома «Восточный» на околоземную орбиту был отправлен российско-зимбабвийский наноспутник «Amasat»²⁸.

Россия последовательно оказывает Зимбабве безвозмездную гуманитарную помощь по линии международных организаций. Так, в марте 2024 г. в рамках Всемирной продовольственной программы ООН группа компаний «Уралхим-Уралкалий» передала зимбабвийской стороне 23 тыс. тонн минеральных удобрений, а в декабре 2024 г. по линии Всемирной организации здравоохранения правительству Зимбабве были переданы 164 тонны подсолнечного масла и 559 тонн желтого лушеного гороха [Сидоров 2025].

Россия участвует в создании Музея освобождения Африки в Хараре²⁹. По решению президента Э. Мнангагвы российской стороне была выделена площадь в 1 гектар, на которой предлагается

²⁷ Минобрнауки России. Вступило в силу соглашение о признании образования между Россией и Зимбабве. 18.03.2025. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/96568/> (дата обращения 10 февраля 2026).

²⁸ Юго-Западный государственный университет: Российско-зимбабвийский спутник ЮЗГУ отправлен на орбиту. 05.11.2024. URL: https://swsu.ru/news/science/rossiysko-zimbabviyskiy_sputnik_yuzgu_otpravlenn_na/ (дата обращения 12 февраля 2026).

²⁹ Museum of African Liberation progress charms VP Mohadi // The Herald. 2025. November 12. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/museum-of-african-liberation-progress-charms-vp-mohadi/> (дата обращения 12 февраля 2026).

разместить экспозицию о вкладе СССР в становление независимой Африки. Предусмотрено возведение памятника, посвященного Победе в Великой Отечественной войне. Эскизы памятника подготовлены Студией военных художников им. М.Б. Грекова Министерства обороны России. Однако с 2024 г. проект приостановлен [Красильников 2025].

России необходимо активизировать соответствующую работу с учетом наличия согласованного сторонами макета и готовности зимбабвийской стороны взять на себя строительство фундамента и пьедестала.

Выводы

Проведенный анализ перспектив развития российско-зимбабвийских отношений позволяет заключить, что необходимо осуществить ряд взаимосвязанных мер по нескольким ключевым направлениям.

Систематическое взаимодействие и обоюдная поддержка инициатив на международной политической арене придадут импульс развитию сотрудничества в других областях. России представляется важным продвинуть вперед заявку Зимбабве на вступление в БРИКС. Присоединение этой страны к межгосударственному объединению откроет новые возможности для плодотворной совместной деятельности в рамках БРИКС и укрепит позицию России в качестве надежного партнера в Африке, а также позволит расширить взаимосвязи с региональным объединением САДК.

Необходима интенсификация диалога на высшем и высоком уровнях. Организация регулярных официальных визитов президентов, председателей правительств, руководителей парламентов и профильных министров обеих стран, а также межпартийные контакты содействовали бы продвижению российских интересов в Зимбабве.

Укрепление сотрудничества в сфере безопасности, гуманитарные, образовательные и научно-технические обмены, а также активное использование многосторонней платформы, такой как Форум партнерства Россия–Африка, откроет новые возможности для двустороннего взаимодействия.

Необходима качественная диверсификация экономического сотрудничества посредством выхода за пределы традиционной ограниченной номенклатуры товарообмена и освоения новых перспективных секторов. Среди них энергетика, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, цифровизация и здравоохранение.

Разработка совместных стратегий противодействия внешнему экономическому и политическому давлению требует создания альтернативных механизмов финансовых расчетов в национальных валютах и цифровых финансовых активов.

Последовательная и комплексная реализация перечисленных мер и механизмов на основе долгосрочной стратегии российско-зимбабвийского партнерства позволит укрепить партнерство между Российской Федерацией и Республикой Зимбабве и внесет существенный вклад в обеспечение региональной стабильности и безопасности на Юге Африки.

Литература

- Абрамова, Фитуни 2019 – *Абрамова И., Фитуни Л.Л.* Новая стратегия России на африканском направлении // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 90–100. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100
- Адебайо 2024 – *Адебайо Ч.А.* Саммиты «Россия-Африка» в контексте меняющегося мира: взгляд с Африканского континента // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. №. 4. С. 106–120. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-69-4-106-120
- Владимиров 2021 – *Владимиров Е.С.* Анализ современного состояния взаимоотношений между Россией и странами Африки к югу от Сахары // Инновации. Наука. Образование. 2021. №. 33. С. 626–635.
- Джоланов и др. 2023 – *Джоланов Р.С., Крылова Е.А., Куропова М.А. Предеин К.В.* Россия – Северная Африка: научно-технологическое и космическое сотрудничество // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12. № 3 (44). С. 147–151.
- Ковалева 2024 – *Ковалева Е.В.* Россия – Африка: некоторые аспекты международного сотрудничества // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: Материалы VII Междунар. научно-практич. конф., приуроченной к Году педагога и наставника. Новокузнецк, 8 декабря 2024 г. Кемерово: Кузбасский гос. техн. ун-т имени Т.Ф. Горбачева, 2024. С. 125–127.
- Кошкин 2019 – *Кошкин Р.П.* Россия и мир: новые приоритеты геополитики и безопасность // Стратегические приоритеты. 2019. №. 3–4. С. 15–54.
- Красильников 2025 – *Красильников Н.В.* Российско-зимбабвийские отношения на современном этапе // Зимбабве: на пути устойчивого развития: Сб. статей / Отв. ред. А.А. Токарев, Б.М. Горелик. М.: Институт Африки РАН, 2025. С. 53–67.
- Нестерова, Токарев 2025 – *Нестерова В.С., Токарев А.А.* Зимбабве и САДК // Зимбабве: на пути устойчивого развития: Сб. статей / Отв. ред. А.А. Токарев, Б.М. Горелик. М.: Институт Африки РАН, 2025. С. 42–52.

- Пачина 2024 – Пачина А.А. Краткий обзор сотрудничества между Россией и странами Африки в военно-политической сфере международных отношений (2019–2023 гг.) // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 6 (192). С. 48–56.
- Ровчак 2022 – Ровчак П.Ю. Перспективы развития отношений России со странами Африки: Дис. ... канд. полит. наук. М.: РАНХиГС, 2022. 182 с.
- Салахетдинов 2015 – Салахетдинов Э.Р. Влияние внешних факторов на кризис в Зимбабве в начале XXI века: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт Африки РАН, 2015. 225 с.
- Сидоров 2025 – Сидоров В.А. Внешнеэкономические связи // Зимбабве: на пути устойчивого развития: Сб. статей / Отв. ред. А.А. Токарев, Б.М. Горелик. М.: Институт Африки РАН, 2025. С. 71–79.
- Сидорова 2023 – Сидорова Г.М. Перспективы взаимодействия России с африканскими государствами // Международная жизнь. 2023. № 2. С. 20–27.
- Скубко 2025 – Скубко Ю.С. Зимбабве: проблемы экономики // Зимбабве: на пути устойчивого развития. Сборник статей / Отв. ред. А.А. Токарев, Б.М. Горелик. М.: Институт Африки РАН, 2025. С. 58–70.
- Сосновская 2007 – Проблемы развития ЮАР и Зимбабве: Сб. статей / Ред. О.И. Сосновская. М.: Memories, 2007. 76 с.
- Токарев, Горелик 2025 – Зимбабве: на пути устойчивого развития: Сб. статей / Отв. ред. А.А. Токарев, Б.М. Горелик. М.: Институт Африки РАН, 2025. 216 с.
- Шаламов 2019 – Шаламов Г.Г. Национально-государственные интересы Российской Федерации в регионе Африки к Югу от Сахары в условиях глобализации: Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2019. 185 с.
- Шубин 2013 – Шубин В.Г. Горячая «холодная война»: Юг Африки (1960–1990 гг.) М.: ЯСК, 2013. 363 с.
- Шубин 2015 – Шубин В.Г. Судьбы Зимбабве. М.: Институт Африки РАН, 2015. 158 с.

References

- Abramova, I. and Fituni, L.L. (2019), “Russia's new strategy for Africa”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 12, pp. 90–100, DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100
- Adebaio, Ch.A. (2024), “Russia-Africa Summits in the context of a changing world: a view from the African continent”, *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, no. 4, pp. 106–120, DOI: 10.31132/2412-5717-2024-69-4-106-120
- Dzholanov, R.S., Krylova, E. A., Kuporova, M.A. and Predein, K.V. (2023), “ [Russia – North Africa: scientific, technological and space cooperation”, *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Management], vol. 12, no. 3 (44), pp. 147–151.
- Koshkin, R.P. (2019), “Russia and the world: new geopolitical priorities and security”, *Strategicheskie priority*, no. 3–4, pp. 15–54.

- Kovaleva, E.V. (2024), "Russia – Africa: some aspects of international cooperation", *Voprosy sovremennoi nauki: problemy, tendentsii i perspektivy: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k Godu pedagoga i nastavnika, Novokuznetsk, 08 dekabrya 2024 goda* [Issues of modern science: problems, trends and prospects: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference dedicated to the Year of the Teacher and Mentor. Novokuznetsk, December 8, 2024], Kuzbasskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet imeni T.F. Gorbacheva, Kemerovo, Russia, pp. 125–127.
- Krasilnikov, N.V. (2025), "Russian-Zimbabwean relations at the present stage", Tokarev, A.A. and Gorelik, B.M. (eds.), *Zimbabwe: na puti ustoichivogo razvitiya. Sbornik statei* [Zimbabwe on the Path to Sustainable Development], Institut Afriki RAN, Moscow, Russia, pp. 53–67.
- Nesterova, E.S. and Tokarev, A.A. (2025), "Zimbabwe and SADC", Tokarev, A.A. and Gorelik, B.M. (eds.) *Zimbabwe: na puti ustoichivogo razvitiya. Sbornik statei* [Zimbabwe on the Path to Sustainable Development], Institut Afriki RAN, Moscow, Russia, pp. 42–52.
- Pachina, A.A. (2024), "A brief overview of cooperation between Russia and African countries in the military-political sphere of international relations (2019–2023)", *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 6 (192), pp. 48–56.
- Rovchak, P.Yu. (2022), *Prospects for the development of relations between Russia and African countries*, PhD Thesis, RANKhiGS, Moscow, Russia.
- Salakhmetdinov, E.R. (2015), *The Influence of External Factors on the Crisis in Zimbabwe in the Early 21st Century*, PhD Thesis, Institut Afriki RAN, Moscow, Russia.
- Sidorov, V.A. (2025), "Foreign economic relations", Tokarev, A.A. and Gorelik, B.M. (eds.) *Zimbabwe: na puti ustoichivogo razvitiya. Sbornik statei* [Zimbabwe on the Path to Sustainable Development], Institut Afriki RAN, Moscow, Russia, pp. 71–79.
- Sidorova, G.M. (2023), "Prospects for Russia's cooperation with African states", *International Affairs*, no. 2, pp. 20–27.
- Skubko, Yu.S. (2025), "Zimbabwe: economic problems", Tokarev, A.A. and Gorelik, B.M. (eds.), *Zimbabwe: na puti ustoichivogo razvitiya. Sbornik statei* [Zimbabwe on the Path to Sustainable Development], Institut Afriki RAN, Moscow, Russia, pp. 58–70.
- Shalamov, G.G. (2019), *National and State interests of the Russian Federation in Sub-Saharan Africa in the context of globalization*, PhD Thesis, MGU, Moscow, Russia.
- Shubin, V.G. (2013), *Goryachaya «kholodnaya voina», Yug Afriki (1960–1990 gg.)* [The Hot «Cold War»: The USSR in Southern Africa (1960–1990)], YaSK, Moscow, Russia.
- Shubin, V.G. (2015), *The Fate of Zimbabwe*, Institut Afriki RAN, Moscow, Russia.
- Sosnovskaya, O.I. (ed.) (2007), *Problemy razvitiya YuAR i Zimbabwe. Sbornik statei* [Development problems of South Africa and Zimbabwe], Memories, Moscow, Russia.

- Tokarev, A.A. and Gorelik, B.M. (eds.) (2025), *Zimbabwe: na puti ustoichivogo razvitiya. Sbornik statei [Zimbabwe on the Path to Sustainable Development]*, Institut Afriki RAN, Moscow, Russia,
- Vladimirov, E.S. (2021), "Analysis of the current state of relations between Russia and sub-Saharan Africa", *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, no. 33, pp. 626–635.

Информация об авторе

Egor V. Kuropiatnik, Институт Африки РАН, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; gosha051198@mail.ru

Information about the author

Egor V. Kuropiatnik, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 30/1, Spiridonovka Street, Moscow, Russia, 123001; gosha051198@mail.ru

Историческая память как интеграционный ресурс в гуманитарном пространстве Большой Евразии

Мария А. Гордеева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, gordeeva.ma@rggu.ru*

Александр Р. Акрамов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, akramov.a@rggu.ru*

Инна С. Кондрашова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, habaro4i@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматривается историческая память как фактор гуманитарной интеграции на пространстве Большой Евразии, на примере опыта Летнего института РГГУ–2025. Проанализированы подходы к интерпретации и сохранению исторической памяти в Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Армения, Азербайджанской Республике, Республике Узбекистан и Кыргызской Республике. Особое внимание уделено образовательным и культурным практикам, позволяющим выявить общее историко-культурное наследие и национальные особенности памяти. Выявлено, что общие страницы истории – прежде всего совместная борьба и Победа в Великой Отечественной войне – выступают ценностной основой интеграции евразийских обществ. На материале опыта Летнего института РГГУ–2025 показана роль научно-образовательных инициатив в укреплении культурной дипломатии и формировании общего гуманитарного пространства. На основе сопоставительного анализа сделаны выводы о потенциале трансграничных гуманитарных проектов и интеграционных стратегий, опирающихся на коллективную историческую память, для укрепления взаимопонимания и сотрудничества стран Большой Евразии.

Ключевые слова: историческая память, гуманитарная интеграция, Большая Евразия, культурно-историческое наследие, образовательные программы, культурная дипломатия, Евразийское пространство, постсоветские страны, трансграничное сотрудничество

Для цитирования: Гордеева М.А., Акрамов А.Р., Кондрашова И.С. Историческая память как интеграционный ресурс в гуманитарном пространстве Большой Евразии // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 4. С. 134–151. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-134-151

Historical memory as a factor of humanitarian integration in the Greater Eurasia

Maria A. Gordeyeva

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, gordeeva.ma@rggu.ru*

Aleksandr R. Akramov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, akramov.ar@rggu.ru*

Inna S. Kondrashova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, habaro4i@inbox.ru*

Abstract. The article explores historical memory as a factor of humanitarian integration in the Greater Eurasia, through the lens of the experience of the RSUH Summer Institute–2025. It analyzes approaches to interpreting and preserving historical memory in Belarus, Kazakhstan, Armenia, Azerbaijan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan, with special attention to educational and cultural practices that highlight shared cultural-historical heritage and national distinctiveness. The study finds that shared chapters of history – foremost the common struggle and Victory in the Great Patriotic War – serve as a value basis for the integration of Eurasian societies. The role of academic initiatives (exemplified by the RSUH Summer Institute–2025) in strengthening cultural diplomacy and shaping a common humanitarian space is demonstrated. A comparative analysis leads to conclusions about the potential of cross-border humanitarian projects and integration strategies, grounded in collective historical memory, to enhance mutual understanding and cooperation among Greater Eurasian countries.

Keywords: historical memory; humanitarian integration; Greater Eurasia; cultural-historical heritage; educational programs; cultural diplomacy; Eurasian space; post-Soviet countries; cross-border cooperation

For citation: Gordeyeva, M.A., Akramov, A.R. and Kondrashova, I.S. (2026), "Historical memory as a factor of humanitarian integration in the Greater Eurasia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 134–151, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-4-134-151

Введение

Историческая память выступает важнейшим социальным феноменом, влияющим на формирование государственной идентичности и характер межгосударственных отношений. На евразийском пространстве, объединяющем страны с общей исторической судьбой, коллективная память о ключевых событиях прошлого может стать интеграционным ресурсом, укрепляющим гуманитарные связи между государствами [Кондрашова 2025]. Гуманитарное пространство Большой Евразии подразумевает общность культурных, образовательных и научных связей на обширной территории, связанные общим историко-культурным наследием. Распад Советского Союза в конце XX в. привел к образованию новых национальных государств, перед которыми встала задача переосмысления прошлого и конструирования собственных исторических нарративов. Одновременно возникли вызовы сохранения общей памяти о пережитых вместе эпохальных событиях – таких как Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – и использования этой памяти для поддержания интеграционных процессов.

Эти процессы актуализировали в научном сообществе изучение роли политики памяти в региональной интеграции. Так, Г.А. Погосян в своем недавнем исследовании охарактеризовал общую историческую память народов Евразии как потенциал сотрудничества, способный придать интеграционным проектам ценностное измерение [Погосян 2022]. В документах Содружества Независимых Государств (СНГ) подчеркивается приоритет гуманитарного сотрудничества: в Декларации о гуманитарном сотрудничестве (2006) и других соглашениях заявлено о намерении укреплять взаимодействие в области культуры, науки, образования, опираясь на богатое общее наследие и русский язык как средство межнационального общения.

В данной статье рассматривается то, каким образом *историческая память* может служить интеграционным ресурсом в гуманитарной сфере на примере шести государств – Беларуси, Казахстана, Армении, Азербайджана, Узбекистана и Кыргызстана. Эти страны, являясь участниками образовательной инициативы Летний институт РГГУ–2025, продемонстрировали как общность

некоторых аспектов культуры памяти, так и уникальные национальные подходы. Статья подготовлена от имени организаторов и преподавателей Летнего института, что позволяет опереться на материалы дискуссий и проекты, реализованные в ходе этой программы. Ниже проанализированы: (1) теоретические основания роли исторической памяти в интеграции; (2) практики сохранения памяти и культурного наследия в указанных странах; (3) вклад научно-образовательных программ (на примере летней школы РГГУ) в развитие гуманитарных связей; (4) перспективы межгосударственного сотрудничества в области историко-культурного наследия. Цель исследования – продемонстрировать возможности *культурной дипломатии* и академических инициатив в укреплении общего гуманитарного пространства через обращение к историко-культурной памяти народов Евразии.

Историческая память как фактор гуманитарной интеграции

Понятие *исторической памяти* относится к совокупности представлений общества о прошлом, хранимых и транслируемых через поколения и актуализируемых в ряде социальных практик [Пивовар и др. 2020]. Историческая память носит ценностный характер: она определяет, какие события прошлого считаются значимыми и достойными коллективного внимания. На пространстве Евразии историческая память во многом складывается вокруг общих для народов региона исторических вех и победа в Великой Отечественной войне – это ключевой узел коллективной памяти для многих государств постсоветского пространства. Эта память о *совместном успехе в борьбе против нацизма* и великом подвиге многонационального советского народа до сих пор воспринимается как духовное скрепляющее начало¹. Как подчеркивают Е. Пономарева и Г. Рудов единое культурное пространство и общая историческая память формируют общие ценности интеграции, вводя также понятие *цивилизационной памяти* – наследия сразу нескольких пересекающихся цивилизационных миров, сосуществующих на евразийском пространстве [Пономарева, Рудов 2013].

¹ Эксперты стран СНГ обсудили важность ценностного подхода к социогуманитарному образованию // Евразия.Эксперт. 06.06.2025. URL: <https://eurasia.expert/eksperty-stran-sng-obsudili-vazhnost-tsennostnogo-podkhoda-k-sotsiogumanitarnomu-obrazovaniyu/> (дата обращения 4 августа 2025).

Гуманитарная интеграция в данном контексте подразумевает сближение обществ через культуру, образование, науку, общие ценности и традиции. В ходе экспертных дискуссий все чаще звучит идея о том, что именно ценности служат «связующими звеньями» интеграции. Общий культивируемый нарратив о Великой Отечественной войне – нарратив героизма, единства и освободительной миссии – стал важнейшим интеграционным метанарративом постсоветского пространства.

Культурно-историческое наследие Евразии включает многие пласты: от общей литературы и языка общения (русского, а также других региональных языков-лингафранка) до схожих традиций образовательной школы, научных достижений, советской культуры и пр. Сергей Лебедев, исполнительный секретарь СНГ, подчеркивал, что культурные, научные и человеческие связи на пространстве Содружества никогда не прерывались, опираются на богатые исторические традиции и дружбу наших народов и в совокупности являются важным ресурсом, конкурентным преимуществом стран СНГ в глобальном мире².

Таким образом, историческая память в евразийском регионе выполняет двоякую функцию. С одной стороны, она укрепляет внутреннюю сплоченность наций, формируя национальную идентичность (через собственные героические символы и траурные даты). С другой – при наличии пересекающихся элементов (общих побед, трагедий, культурных кодов) память становится мостом между нациями. Гуманитарная интеграция на основе памяти подразумевает сознательную работу по выявлению и поддержанию этих пересекающихся элементов, их актуализацию в общественном сознании. Ниже рассмотрены конкретные практики и политики памяти в ряде стран Большой Евразии, позволяющие оценить вклад исторической памяти в интеграционные процессы.

Практики сохранения памяти и культурного наследия в странах-участницах

Политика в сфере исторической памяти в постсоветских государствах формируется под влиянием как внутренней идеологии, так и внешних отношений. Рассмотрим обзорно практики сохране-

² Аналитический материал «Пространство общего наследия» (2011). Заявление глав государств СНГ в связи с 20-летием СНГ (фрагменты) // Интернет-портал СНГ. URL: <https://eccis.org/page/18976/analiticeskij-material-prostranstvo-obsego-nasledia> (дата обращения 15 января 2026).

ния памяти и отношения к историческому наследию в шести странах – участницах Летнего института РГГУ–2025: Беларуси, Казахстане, Армении, Азербайджане, Узбекистане и Кыргызстане. Эти страны имеют как схожий опыт (совместное пребывание в СССР, участие в Великой Отечественной войне), так и свои уникальные исторические нарративы. Сопоставление их подходов выявляет общее и особенное, давая представление о перспективах интеграции на основе памяти.

Для Республики Беларусь историческая память – один из столпов государственной идеологии и национального самосознания. Белорусское общество бережно хранит память о невосполнимых потерях и героизме народа в годы Великой Отечественной войны: каждый третий житель Беларуси погиб во время оккупации 1941–1944 гг. Отличительной чертой белорусского подхода является противодействие попыткам пересмотра исторических итогов войны. В 2021 г. в Беларуси принят закон о недопущении реабилитации нацизма, дополняющий ранее действовавшие нормы об ответственности за пропаганду нацистской символики³. Таким образом, на государственном уровне историческая память, особенно о Великой Отечественной войне, защищена правовыми мерами. Кроме военной тематики, Беларусь сохраняет и другие аспекты общего наследия: белорусские историки активно участвуют в совместных с Россией проектах по подготовке *общих учебников истории*⁴. В сфере культуры Беларусь продвигает концепцию *общего культурного пространства Союзного государства*. Таким образом, политика памяти в Беларуси носит открыто интеграционный характер: подчеркивается общность исторических судеб с соседями и лелеется память о совместных достижениях, что создает прочный фундамент для гуманитарного сотрудничества.

Республика Казахстан после обретения независимости выбрала многовекторный подход к исторической памяти, стремясь сочетать восстановление национальных исторических нарративов с уважением к общему советскому прошлому. Казахстанская модель памяти характеризуется поиском баланса между *казах-*

³ Подписаны законы о недопущении реабилитации нацизма и противодействии экстремизму // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/podpisany-zakony-o-nedopushchenii-reabilitacii-nacizma-i-protivodeystvii-ekstremizmu> (дата обращения 22 декабря 2025).

⁴ История Великой Отечественной войны: Очерки совместной истории: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Ковалени, Е.И. Пивовара. СПб.: Алетей, 2019. 850 с. DOI: 10.23681/615768

ской национальной идентичностью и евразийской идентичностью. Казахстан сохраняет преемственность по отношению к общей памяти о Великой Отечественной войне и в целом к позитивным аспектам советского периода. В то же время Казахстан в последние годы пытается переосмыслить роль своего народа в войне не только как части советского народа, но и подчеркивая национальный вклад. Так, проводятся исследования о судьбах казахских солдат, инициатива «Atamnyn Amanaty» с 2019 г. занимается поиском и установлением мест захоронений казахстанских бойцов, погибших или пропавших без вести на фронтах⁵. Эта организация сотрудничает с Российским поисковым движением и движением «Волонтеры Победы», тем самым вписывая локальную память в общемировую (евразийский) контекст. Помимо темы войны, Казахстан продвигает интеграционные гуманитарные инициативы в рамках тюркоязычного мира и Евразийского экономического союза. В стране функционируют многие школы и вузы с русским языком обучения, хотя идет постепенный переход казахского языка на латиницу. Таким образом, Казахстан демонстрирует комбинированный подход: укрепление собственной исторической идентичности сочетается с участием в общем мемориальном пространстве Евразии. Это создает основу для диалога и интеграции – как на уровне официальной памяти (совместное празднование Победы, обмен музейными выставками, поисковые экспедиции), так и на уровне гражданских инициатив, обращенных к общему прошлому. Казахский пример показывает, что открытость к множественности исторических нарративов – национальная и общего – может способствовать более устойчивой интеграции, снимая противоречия и конкуренцию памяти.

Для Республики Армения характерен своеобразный мемориальный ландшафт, в котором сочетаются общеевразийские и уникально национальные компоненты исторической памяти. С одной стороны, как и другие союзные республики, Армения разделяет память о Великой Отечественной войне и вкладе армянского народа в Победу. С другой стороны, центральное место в исторической памяти армян занимает память о Геноциде армян 1915 г. в Османской империи. Эта трагедия, признанная многими странами геноцидом, глубоко повлияла на национальное самосознание. На уровне гуманитарного сотрудничества Армения продвигает ценности толерантности, предотвращения геноцидов и преступлений против человечества, что находит отклик и у некоторых

⁵ У подвига нет срока давности // Информационный портал «Akmol Inform». 27.01.2024. URL: <https://akmolinform.kz/u-podviga-net-sroka-davnosti/> (дата обращения 22 декабря 2025).

партнеров по СНГ. Например, в 2015 г., к 100-летию трагедии, в Москве⁶ и Минске⁷ проходили выставки и круглые столы, посвященные Геноциду армян, что свидетельствует об элементах солидарности памяти. В образовательной сфере Армения акцентирует изучение собственной истории – от древней цивилизации Урарту до современности – однако советский период также интегрирован в исторические курсы, обычно с нейтрально-позитивной оценкой вклада Армении (индустриализация, наука, культура). В целом Армения показывает пример сосуществования многослойной исторической памяти: международной (Вторая мировая), национальной трагической (Геноцид), национально-героической (Арцах). Для интеграции с другими странами акцент делается на том компоненте, который объединяет, – памяти о совместной борьбе в 1940-х и о многовековой дружбе народов. Таким образом, интеграционный дискурс в Армении строится вокруг тех элементов памяти, которые могут быть разделены партнерами, что является прагматичным подходом в условиях наличия и разделяющих воспоминаний.

Азербайджанская Республика выстраивает свою политику памяти на основе национально-государственного нарратива, однако также учитывает факторы региональной общности. После распада СССР Азербайджан активно занялся «деколонизацией» исторической памяти, которая началась с демонтажа многих советских памятников в 1990-е гг. и поиска своей государственной традиции. Тем не менее Азербайджан не дистанцировался полностью от общего советского наследия. Во-первых, память о Великой Отечественной войне по-прежнему занимает важное место. Азербайджан гордится подвигами своих уроженцев-фронтовиков: дважды Героя Советского Союза генерала Г. Асланова, партизана М. Мехти Гусейн-заде («Михайло»), легендарной снайперши З. Алиевой и др. Государственные СМИ регулярно публикуют материалы о вкладе Азербайджана в Победу (а он был существенным – от 600 тыс. мобилизованных, из которых половина не вернулась, до обеспечения фронта бакинской нефтью). Во-вторых, Азербайджан сохраняет русский язык как заметный элемент общественной жизни и образования, что кос-

⁶ Выставки в Москве, посвященные 100-летию Геноцида армян // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения. 15.04.2015. URL: <https://www.mfa.am/ru/press-releases/2015/04/15/genocide-moscow/5048> (дата обращения 22 декабря 2025).

⁷ Мероприятие в Беларуси, посвященное 100-летию Геноцида армян // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения. 27.02.2015. URL: <https://www.mfa.am/ru/press-releases/2015/02/27/genocide-belarus/4863> (дата обращения 22 декабря 2025).

венно поддерживает сопричастность к евразийскому гуманитарному пространству. Президент И. Алиев и другие официальные лица не раз подчеркивали, что видят в русском языке ценность как инструмент доступа к мировой (и евразийской) культуре, а также как мост между народами. Помимо языка, интеграционным ресурсом является многонациональность Азербайджана: в стране проживают русские, лезгины, евреи и др., имеются русские общины, поддерживающие связи с исторической родиной и культурой.

Республика Узбекистан обладает богатейшим историко-культурным наследием, уходящим корнями в глубь веков. После обретения независимости Узбекистан стал активно возрождать национальную память о досоветском периоде и одновременно переосмысливать советское наследие. Тем не менее Узбекистан не порывал с *общей памятью о Великой Отечественной войне*. По оценкам историков, около 2 млн узбекистанцев были призваны на фронт, из них более 500 тыс. погибли⁸. Республика стала в войну одним из главных центров эвакуации – в Ташкент, Самарканд, Андижан и другие города были вывезены сотни тысяч мирных жителей и десятки заводов с запада СССР. Узбекский народ стал домом для детей-сирот разных национальностей, спасая их от голода и войны. Эти факты легли в основу нарратива о *великодушии и дружбе народов*: одним из символов стал образ семьи Шомахмудовых, усыновивших 15 детей разных национальностей во время войны. В постсоветском Узбекистане 9 мая трансформировался в День памяти и почестей, но при этом сохраняется почитание ветеранов. В целях увековечивания вклада народа Узбекистана в победу в Ташкенте создан мемориальный комплекс «Парк Победы». Узбекистан выработал самостоятельную память, подчеркивающую национальную идентичность, но и остается носителем общих для региона воспоминаний. Общее и особенное здесь не противоречат, а дополняют друг друга. Такой подход способствует тому, что Узбекистан рассматривается как надежный партнер по гуманитарным инициативам – от празднования 80-летия Победы до разработок маршрутов культурного туризма по памятным местам Великой Отечественной войны⁹.

⁸ Юсупов Ш. Вклад народа Узбекистана в победу советского народа в Великой Отечественной войне // Международная жизнь. 2025. № 12. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3323?ysclid=mljfpzpjhjq688468311> (дата обращения 12 февраля 2026).

⁹ 80 лет спустя: Узбекистан сохраняет память о подвиге предков // Информационный портал «Uz24». 12.03.2025. URL: <https://uz24.uz/ru/articles/podvigi-25-3-12> (дата обращения 4 августа 2025).

Кыргызская Республика, расположенная в сердце Центральной Азии, имеет богатую историю кочевой культуры и в то же время разделяет многие элементы советского наследия. В кыргызской исторической памяти ключевое место занимает национальный эпос «Манас» – масштабное эпическое произведение, прославляющее подвиги предков. Эпос «Манас» и связанные с ним личности (Манас, Семетей, Сейтек) – центральные символы национального духа. В 1995 г. на государственном уровне широко отмечалось 1000-летие «Манаса» (по символической датировке), а сам эпос включен ЮНЕСКО в список нематериального наследия человечества¹⁰. Через эпос транслируются ценности единства народа, доблести и справедливости – важные для современной идентичности Кыргызстана. Как и другие республики, Кыргызстан бережно хранит память о совместной Победе во Второй мировой войне. Более 360 тыс. уроженцев Киргизии воевали на фронте, около 90 тыс. погибли; республика стала вторым домом для более 300 тыс. эвакуированных¹¹. 9 мая в Бишкеке ежегодно проводится Парад и шествие «Бессмертного полка», работают поисковые отряды, поддерживается мемориал Славы. Кыргызстан вполне разделяет общий дискурс о Великой Отечественной войне как «священной памяти» и является сторонником сохранения этой памяти в международном масштабе. Представители Кыргызстана на международных площадках (например, в ООН) голосуют за резолюции против героизации нацизма¹². В школах Кыргызстана история войны изучается подробно, зачастую на русском языке, что обеспечивает единство подхода с российскими учебниками. С точки зрения гуманитарной интеграции, Кыргызстан является активным участником евразийских проектов. Страна вступила в ЕАЭС, что потребовало гармонизации образовательных и научных стандартов. Русский язык имеет в республике статус официального наряду с кыргызским, и это облегчает коммуникацию и обмены с другими странами

¹⁰ Одну из рукописей эпоса «Манас» включили в Список наследия ЮНЕСКО // Информационное агентство ИТАР ТАСС. 09.06.2023. URL: <https://tass.ru/kultura/17970009> (дата обращения 4 августа 2025).

¹¹ Кыргызстан в Великой Отечественной войне: цифры и факты // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. 08.05.2024. URL: <https://stat.gov.kg/ru/news/v-velikoj-otechestvennoj-vojne-cifry-i-fakty/> (дата обращения 19 января 2025).

¹² Генассамблея ООН приняла резолюцию о противодействии героизации нацизма // Sputnik. Узбекистан. 17.12.2025. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20251217/54218263.html?ysclid=mknwype6j4331132305> (дата обращения 22 декабря 2025).

СНГ. В целом практики памяти Кыргызстана сочетают национальную ориентацию (эпос Манас, свои трагические и героические страницы) с открытостью к интеграции через общепринятые памятные даты (9 мая, 8 марта, 1 мая – все это до сих пор праздники в стране) и через общее информационное пространство на русском языке.

Проведенный анализ показывает, что во всех рассмотренных странах уделяется большое внимание сохранению исторической памяти, однако акценты и методы различаются. Общее для всех – сохранение памяти о Великой Отечественной войне (пусть под разными названиями праздников), уважение к подвигу предков и неприятие фальсификации истории войны. Эта тема служит своего рода «ценностным звеном» евразийской интеграции. Также общее – понимание важности культурного наследия (музеи, памятники, эпосы, языки) и необходимость его передачи молодежи. Везде введены памятные даты, открыты музеи и мемориалы, издаются книги памяти. Различия же связаны с национальными приоритетами: Беларусь наиболее тесно интегрирована с Россией в мемориальном дискурсе и жестко противостоит любым альтернативным версиям истории Второй мировой войны; Казахстан и Кыргызстан стараются сбалансировать советское наследие с до- и постсоветскими сюжетами; Узбекистан и Азербайджан делают больший упор на собственную государственность и героев, хотя сохраняют избранные общие памятные нарративы; Армения концентрируется на своей трагедии (Геноцид), но разделяет и общую Победу. Все страны являются участниками евразийских интеграционных структур, что отражается и в гуманитарной сфере (координация празднований юбилеев, форумы историков, обмен выставками). В неформальном взаимодействии также сохраняются контакты: клубы главных редакторов СМИ СНГ обсуждают вопросы политики памяти, приходя к выводу, что историческая память, русский язык, вера, семейные ценности – основа духовной общности народов.

Таким образом, историческая память выступает одним из самых эффективных интеграционных ресурсов в гуманитарной сфере Большой Евразии. Опыт разных стран свидетельствует, что при уважительном отношении к национальным особенностям памяти можно найти значительный пласт общих ценностей и событий, которые объединяют народы. В следующем разделе рассмотрено, как научно-образовательные программы, такие как Летний институт РГГУ–2025, практически задействуют этот ресурс общей памяти для укрепления гуманитарных связей.

*Роль научно-образовательных программ
(на примере Летнего института РГГУ–2025)*

Международные научно-образовательные проекты представляют собой действенный инструмент культурной дипломатии и формирования общего гуманитарного пространства. Летний институт РГГУ–2025 – яркий пример такой инициативы, нацеленной на интеграцию молодых ученых, преподавателей и студентов из разных стран Евразии посредством совместного изучения историко-культурного наследия и обмена опытом. Данный институт, организованный Российским государственным гуманитарным университетом (РГГУ) летом 2025 г., стал продолжением усилий по созданию постоянно действующей площадки взаимодействия исследовательского сообщества России и стран-партнеров по интеграционным процессам на евразийском пространстве¹³.

Главная стратегическая цель Летнего института состоит в формировании постоянно действующей эффективной площадки взаимодействия исследователей России и стран СНГ, интеграция их в единую научно-образовательную среду. При поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, Российского исторического общества (РИО) и фонда «История Отечества» были приглашены молодые преподаватели и исследователи из ведущих вузов Абхазии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Вьетнама, Индии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Южной Осетии. Таким образом, география охватила ключевые государства Центральной Азии, Кавказа и Восточной Европы, формирующие ядро Большой Евразии. Примечательно, что среди участников были представители разных поколений: и молодые ученые (аспиранты, докторанты), и признанные эксперты – что обеспечило преемственность и наставничество.

Программа института была построена по интенсивной схеме, сочетавшей лекционные, семинарские, проектные и культурно-просветительские форматы. Центральной темой стала история и память о исторических процессах на евразийском пространстве, методы их изучения в эпоху цифровизации. С первого участники были погружены в тему сохранения историко-культурного наследия Победы в условиях цифровой трансформации, а также посетили ведущие академические центры Москвы. Значительное

¹³ Итоги первой недели Летнего института РГГУ–2025 «Исторические процессы на евразийском пространстве: методология и новые подходы к изучению» (пресс-релиз) // Официальный сайт РГГУ. URL: <https://rsuh.ru/news/detail.php?ID=951689> (дата обращения 4 августа 2025).

внимание уделялось теме исторической памяти о Великой Отечественной войне и о различных подходах к мемориализации войны в странах СНГ. Обсуждались примеры сохранения общего в исторической памяти о ВОВ и проявления различий, связанных с поиском уникальных особенностей вклада в войну в национальных нарративах государств-участников. Так, большого исследовательского внимания заслуживают темы жизни тыла и практически полного выстраивания советской экономики и социальных процессов на основе эвакуации ведущих предприятий и научных центров на восток страны. Подобные академические занятия позволили участникам осознать, насколько актуальна тема памяти в интеграционных процессах и сколько еще предстоит совместной работы по ее осмыслению.

В структуре института ключевое место заняла проектная сессия, направленная на развитие практических навыков культурной дипломатии у молодых специалистов. Проектная работа была разделена на несколько тематических блоков.

«Научные школы и исследовательская идентичность» – участники анализировали академические традиции и исторические школы своих университетов, используя цифровые инструменты визуализации данных. Это позволило выявить общие методологические подходы и разработать модели интеграционных процессов на евразийском пространстве.

«Общее историко-культурное пространство» – в этом блоке смешанные команды студентов анализировали различные национальные нарративы о ключевых событиях общей истории (например, о Второй мировой войне, великих личностях Евразии) и сравнивали образовательные и медийные практики сохранения памяти. Участники уделили особое внимание цифровым форматам популяризации истории: сравнивали, как в разных странах используются социальные сети, документальное кино, интерактивные онлайн-платформы для передачи исторической памяти молодежи.

«Гуманитарные инициативы и евразийская интеграция» – на этом этапе участники разрабатывали собственные проекты, направленные на углубление гуманитарного сотрудничества. Среди придуманных инициатив – образовательный модуль по цифровой памяти и наследию для студентов ЕАЭС; просветительский проект по культурной дипломатии через национальные кухни (гастрономическое наследие как точка диалога); цифровые маршруты культурно-познавательного туризма, связывающие памятные места стран СНГ. Фактически студенты предлагали новые форматы совместного освоения общего историко-культурного пространства – от виртуальных выставок до молодежных фестивалей.

«Финальная презентация проектов» – команды представили свои авторские решения экспертному жюри из ведущих профессоров и экспертов Университета, получили обратную связь и рекомендации по воплощению идей. Многие проекты оказались перспективными: было отмечено, что они нацелены на укрепление гуманитарного диалога и развитие интеграционных практик на евразийском пространстве.

Значимым событием стал международный воркшоп «Бренд региона». Его задача состояла в том, чтобы научить участников представлять культурный образ своего региона (страны, области) для внешней аудитории. Воркшоп сочетал теорию социокультурного брендинга территории и практические творческие задания. Участники, разбившись по странам, разработали концепции культурных брендов своих родных мест, опираясь на исторические и ценностные смыслы. При этом широко применялись современные технологии: интерактивные карты для исторических путешествий, цифровой сторителлинг. В итоге каждая команда создала своеобразный нарратив от лица территории – «говорящая земля» рассказывала о себе, используя визуальные символы и истории. Например, команда из Кыргызстана представила бренд Иссык-Куля, основанный на легендах о Манасе, а команда из Беларуси – бренд Брестской крепости как города-героя и перекрестка культур. Эти работы продемонстрировали, как историческая память и культурное наследие могут быть творчески переплетены с современными коммуникационными практиками для продвижения позитивного образа страны и вовлечения молодежи.

Завершающим аккордом института стал акселератор «Цифровая память: маршруты Победы». В его рамках участники с менторской поддержкой разработали прототипы цифровых туристических маршрутов, посвященных Великой Отечественной войне, с использованием технологий мультимедиа и игровых элементов. Цель – заинтересовать молодежь историей через современные форматы (AR-квесты по местам боевой славы, интерактивные мобильные приложения для музеев войны и т. п.). Данный акселератор подвел итог всей проектной работе: лучшие идеи нескольких команд были объединены в общую концепцию двух цифровых маршрутов по сохранению памяти о войне на пространстве СНГ и Большой Евразии. Таким образом, результаты института приобрели форму конкретного продукта, потенциально масштабируемого во всех заинтересованных странах.

Летний институт РГГУ–2025 продемонстрировал на практике, какую роль могут сыграть научно-образовательные программы в укреплении общего гуманитарного пространства. Во-первых, он создал сообщество молодых профессионалов, увлеченных идеей

евразийской интеграции: между участниками установились личные дружеские контакты, которые будут продолжены после окончания института в виде онлайн-встреч, совместных публикаций, планирования новых проектов. Во-вторых, программа института, сочетавшая изучение лучших практик сохранения памяти (через экскурсии в музеи, встречи с экспертами) и развитие собственных инициатив, укрепила компетенции участников в области культурной дипломатии. Молодые историки, филологи, музейные и архивные работники из разных стран научились говорить на «одном языке» проектов, нашли много общего в своих подходах.

Важно подчеркнуть, что институт не ограничился сугубо академическими задачами – он выполнил также роль общественной дипломатической миссии. Идеи участников были обобщены в Меморандуме Летнего института РГГУ–2025, где зафиксировали намерение продолжать сотрудничество, развивать молодежные инициативы, обмениваться методиками преподавания истории и культуры. Такой меморандум фактически стал небольшим шагом к формированию единого образовательного пространства. Подобные соглашения, пусть и не межгосударственного уровня, имеют важный символический смысл: они показывают, насколько интеграция нужна самим академическим и культурным сообществам.

В перспективе опыт Летнего института может быть распространен: планируется проведение аналогичных школ на регулярной основе, с расширением географии (возможным привлечением, например, представителей других стран Большой Евразии – Молдовы, стран Балтии, а также наблюдателей из дальнего зарубежья, интересующихся евразийской тематикой). Программа института, по оценке участников, представляет собой инновационный формат, объединяющий цифровизацию, историческое наследие и молодежные инициативы, укрепляя гуманитарные связи и создавая практики стратегического культурного взаимодействия. Это свидетельство того, как целенаправленная работа с исторической памятью в образовательном ключе может служить интеграционным ресурсом: не декларативно, а через реальные проекты и человеческие контакты.

Таким образом, научно-образовательные программы, такие как Летний институт РГГУ–2025, выполняют тройную функцию: образовательную (повышают знания и навыки участников), мировоззренческую (формируют общие ценности и взгляды у нового поколения специалистов) и коммуникативную (создают профессиональные сети без границ). Все три аспекта прямо способствуют укреплению общего гуманитарного пространства Большой Евразии. Рассмотрим теперь общий потенциал межгосударственного сотрудничества в этой сфере, исходя из выявленных подходов и инициатив.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю благодарность Российскому государственному гуманитарному университету за организацию Летнего института РГГУ–2025 и предоставленную площадку для международного диалога. Особая признательность Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, Межгосударственному фонду гуманитарного сотрудничества государств СНГ и Российскому историческому обществу за поддержку инициативы, позволившую собрать участников из разных стран Евразии. Мы благодарим коллег и партнеров из Беларуси, Казахстана, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана, чье активное участие и откровенный обмен опытом обогатили содержание института и данного исследования. Отдельное спасибо приглашенным лекторам – экспертам в области исторической памяти и культурной дипломатии – за ценные знания и вдохновение, которые нашли отражение в материалах статьи. Наконец, признательность всем членам оргкомитета Летнего института, чей труд сделал возможным успешное проведение программы. Данная публикация опирается на материалы, предоставленные РГГУ и участниками института.

Acknowledgements

The authors express their sincere gratitude to the Russian State University for the Humanities for organizing the RGGU–2025 Summer Institute and providing a platform for international dialogue. Special thanks to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Countries and the Russian Historical Society for their support of the initiative, which allowed to bring together participants from different countries of Eurasia. We thank our colleagues and partners from Belarus, Kazakhstan, Armenia, Azerbaijan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan, whose active participation and frank exchange of experience have enriched the content of the institute and this research. Special thanks to the invited lecturers, experts in the field of historical memory and cultural diplomacy, for their valuable knowledge and inspiration, which are reflected in the materials of the article. Finally, I would like to thank all the members of the organizing committee of the Summer Institute, whose work made possible the successful implementation of the program. This publication is based on materials provided by the RGGU and the participants of the Institute.

Литература

- Кондрашова 2025 – Кондрашова И.С. Противодействие фальсификации истории как условие устойчивой интеграции и формирования коллективной идентичности в Содружестве Независимых Государств // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 4. С. 127–147. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-4-127-147
- Пивовар и др. 2020 – Пивовар Е.И., Левченков А.С., Косован Е.А. Восьмидесятилетие начала Второй мировой войны в историко-просветительской деятельности российских архивистов // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 87–101. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-1-87-101.
- Погосян 2022 – Погосян Г.А. Историческая память как потенциал сотрудничества в евразийской интеграции // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 16–17 декабря 2021 г. / Отв. ред. В.И. Герасимов. Вып. 17. Ч. 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 1034–1039.
- Пономарева, Рудов 2013 – Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель-Observer. 2013. № 9. С. 18–30.

References

- Kondrashova, I.S. (2025), “Counteraction to the falsification of history as a condition for stable integration and the formation of collective identity in the Commonwealth of Independent States”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 127–147, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-4-127-147
- Pivovar, E.I., Levchenkov, A.S. and Kosovan, E.A. (2020), “The 80th anniversary of the beginning of the Second World War in historical and educational activities of the Russian archivists”, *Vestnik arkhivista* [Herald of an archivist], no. 1, pp. 87–101, doi: 10.28995/2073-0101-2020-1-87-101
- Pogosyan, G.A. (2022), “Historical memory as a potential for cooperation in Eurasian integration”, Gerasimov, V.I. (ed.), *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik, Materialy 21st Natsional'noi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 16–17 dekabrya 2021 g.* [Russia. Trends and development prospects. Yearbook. Proceedings of the 21st National scientific conference with international participation, Moscow, December 16–17, 2021], Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, Moscow, Russia, iss. 17, part 1, pp. 1034–1039.
- Ponomareva, M. and Rudov, G. (2013), “Eurasian Integration and Russia's Civilizational Space”, *Observer*, no. 9, pp. 18–30.

Информация об авторах

Мария А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; gordeeva.ma@rggu.ru

Александр Р. Акрамов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; akramov.ar@rggu.ru

Инна С. Кондрашова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; habaro4i@inbox.ru

Information about the authors

Maria A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; gordeeva.ma@rggu.ru

Aleksandr R. Akramov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; habaro4i@inbox.ru

Inna S. Kondrashova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; habaro4i@inbox.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Евразийские исследования. История.
Политология. Международные отношения»
№ 4
2026

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Ж.П. Григорьева
Компьютерная верстка
М.А. Жарова
М.Е. Заболотникова

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 02.10.2026
Выход в свет 08.10.2026
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,5.
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2424

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru